

Джульет
Марильер

Тенепад

Одна. В страхе. В бегах

Шестнадцатилетняя Нерин одна в землях Олбан, где король приказал всех, у кого есть магические силы, ловить и приводить к нему. Желая скрыть свой дар — необычную способность говорить с подобным фейри добрым народцем — Нерин отправляется в легендарный Тенепад, где обитают мятежники, решившие свергнуть злого короля Кельдека. В пути она получает помощь доброго народца, что рассказывают ей, что ее ждут испытания, проверяющие ее потенциал. Ей помогает и красивый Флинт, спасший ее от смерти, хоть и по непонятной причине. Нерин опасается доверять союзникам. Но может оказаться так, что она — ключ к освобождению Олбана от тирании Кельдека. Бездомная, не знающая, кому верить, Нерин должна попасть в Тенепад не только ради своего спасения, но и ради спасения королевства Олбан.

Джульетт Марильер

«Тенепад»

(«Тенепад» — 1)

Перевод: Kuromiya Ren

Внуку Ангусу

Глава первая:

Мы спускались к берегу Темноводной реки, а холод ветра пробирал до костей. Пятки болели от мозолей. Близилась сумерки, и моя голова шла кругом от усталости после очередного дня пути. Птицы кричали над головой, устраиваясь на ночлег. Они, как и я, хотели убраться подальше от холода.

Мы слышали неподалеку суету на берегу озера, там можно было купить место на ночлег, хоть наш запас монет быстро таял. Я позволяла себе представлять кровать, хорошую, с соломенным матрасом и шерстяным покрывалом. О, как же хотелось тепла и комфорта! Глупые надежды. С творящимся в Олбан никто не открывал двери незнакомцам. Особенно не жалким бродягами, какими мы стали. Было глупо верить даже на миг, что наших денег хватит, чтобы выкупить время у чьего-то очага и в настоящей кровати. И думать не стоит. Груда старых одеял в старом выброшенном неводе или куча соломы за домом подошли бы. Где-нибудь вдали от этого ветра. Не на виду.

Я отметила тишину. Бесконечное бормотание отца о прошлых неудачах — постоянное сопровождение нашего пути — прекратилось, и теперь он остановился и смотрел вперед. Между водой и тьмой за покрытым деревьями холмом я различила скопление тусклых огней.

— Темноводный поселок, — сказал он. — Вон огни у пристани. И там лодка!

— Что за лодка? — я медленно все понимала, ведь все еще мечтала об огне, миске с кашей и одеяле. Я не услышала в его голосе тон, что знаменовал проблемы.

— Лодка Фоулера. Игровая лодка, Нерин. Что там у нас осталось? Сколько?

Сердце колотилось. Когда он был в таком настроении, когда в его глазах загоралась странная надежда, его нельзя было остановить. Я не могла удержать его силой, ведь я была слабее него. И он бы не послушал меня. Но попытаться стоило.

— Хватит на укрытие на две ночи и, может, на корочку, если повезет, отец. Лишнего ничего нет. Пока хоть кто-то из нас не найдет оплачиваемую работу, а ты знаешь, как это маловероятно.

— Отдай мешок.

— Отец, нет! Эти монеты — наша безопасность ночью. Укрытие от ветра. Не помнишь, что случилось прошлой...

— Не указывай мне, дочь, — его глаза сузились, и это выражение было слишком знакомым. — Что согреет нас лучше эля? И на борту я смогу удвоить монеты. Утроить. Никто меня не обыграет. Или ты сомневаешься в отце, девчонка?

Я не могла описать свои ощущения сомнением. Да, когда-то он умел играть. У него была репутация хитрого игрока, полного сюрпризов. Печаль, трудности и унижение изменили его, поглотили умного человека, каким он был, оставив жалкую оболочку, мужчину, любившего эль настолько, что он не мог отличить реальность от сна. Отец был опасен для самого себя. И для меня, ведь алкоголь развязывал ему язык, а словами он мог выдать дар, который я скрывала от мира каждый миг каждого дня. Он расскажет, и кто-то донесет Силовикам, и нам придет конец. Но я была слишком слабой, чтобы удерживать его.

— Вот, — сказала я, отдавая ему мешочек. — Ненавижу игровые лодки. Там можно лишь оставить те гроши, что у нас были. Если так и выйдет, нам придется спать на виду у прохожих, рассчитывать на их милость. Если ты проиграешь, то потеряешь последние капли

самоуважения. Но ты — мой отец, и я не могу выбирать за тебя.

Он посмотрел на меня на миг, и мне показалось, что я увидела искру понимания в его глазах, но она быстро угасла.

— Ты меня ненавидишь, — прошептал он. — Ты презираешь собственного отца.

Я могла рассказать ему правду: что я ненавидела его слабость, его гнев, что дни, месяцы и годы, что я ухаживала за ним, удерживала от бед, защищала от самого себя, истощили меня. Но я любила его. Он был моим отцом. Я любила человека, каким он был, и я все еще надеялась, что когда-то этот человек в нем вернется.

— Нет, отец, — сказала я, плетясь за ним, а он ускорился, предвкушая игру и победу, ожил. — Я замерзла и устала, только и всего. Слишком устала, чтобы думать о словах.

Мы приближались к огням судна, покачивающегося на темных водах у маленькой пристани. Я замечала бледные глаза, следящие за мной из веток сосен. Я не позволяла себе смотреть на них. Маленькие ножки шуршали по опавшей листве, двигались по тропе за нами, сворачивали в лес. Я не позволяла себе обернуться. Шепот дразнил меня: «Нерин! Нерин, мы здесь!». Я игнорировала это. Я скрывала свой секрет годами, когда узнала от бабушки об опасности таких даров. Я училась скрытности.

Я выпрямила спину и стиснула зубы. Может, на судне никого не будет, кроме капитана Фоулера, и тот поймет ситуацию с моим отцом. Кто мог играть в такую холодную ночь? Кто бы пошел так далеко к Темноводной? Мы шли сюда, потому что поселение было вдали от известных дорог. Потому что здесь нас никто не знал. Кроме Фоулера, но мы не ожидали, что он будет здесь. Но Фоулер смолчит. Он был одиночкой, перелетной птицей.

* * *

Мы еще не ступили на пристань, а я уже знала, что на судне толпа. Их голоса доносились до нас в спокойствии ночи, нестройные и неуместные под темным тихим небом. Никого не было видно в поселении, хотя некоторые ставни были приоткрыты, пропускали свет ламп из скромных домиков. Восходящая луна отбрасывала блики света на воды озера, словно показывала нам путь к рыбацкому судну, что служило Фоулеру местом для развлечений. Он перемещался от озера к озеру, от залива к заливу, не оставаясь на одном месте на две ночи. Говорили, что в старые времена Фоулер был несравненным воином, во времена до короля Кельдека. Я слышала, что он сражался в далеких восточных королевствах, где солнце светило так жарко, что земля была покрыта пылью, а ветер делал жутких существ из жара и песка. Теперь же воины в Олбане были послушными Кельдеку агентами. Мужчина с совестью там не остался бы.

Я очень хотела остаться в поселении, спрятаться у стены или за домиком, подождать, пока все закончится. Перспектива вечера на судне, полном пьяных и боевых мужчин, заставляла сжиматься от страха. Но я не могла бросить отца. Никто не помешает ему пить, болтать лишнее, тратить наши последние медяки в жалкой попытке выиграть давно утерянную гордость. И я пошла за ним по пристани, по скрипящим доскам в людную каюту на судне.

Место провонялось потом и элем. Я шагнула и ощутила на себе взгляды мужчин, что оценивали меня, думали, почему отец привел меня сюда, как можно получить выгоду из ситуации. Я осталась в дверях, пытаюсь казаться невидимой, пока отец поприветствовал Фоулера слишком настойчивым хлопком по плечу. И вскоре он уже сидел за игорным столом с чашкой эля перед собой. Выпивка была дешевой, эль заставлял мужчин рисковать там, где они не стали бы на свежую голову. Медяк пошел по рукам.

«Не дай ему все потратить, — молилась я. — Не дай ему сразу проиграть. Не дай ему разозлиться. Не заставляй его плакать».

Как только началась игра, обо мне забыли. Я стояла в тених и смотрела на ход игры. Отец тоже смотрел, запоминая стратегии, слабости и силы мужчин. Он не присоединится, пока не поймет их.

Многие игроки выглядели как путешественники: замкнутые и беспокойные. Другие стояли за ними и шумели — местные рыбаки или мелкие собственники. А еще был молчаливый парень на другом конце каюты, его капюшон закрывал лицо. Рядом с ним стоял дородный краснолицый мужчина. Заметив мой взгляд, он улыбнулся, и я опустила голову.

Они играли в кости, и отец умел в это играть. Стук фишек по деревянному столу, вопли: «Копье! Корона! Дуб! Гончая!», случайные споры о времени выкрика или про угол броска были мне знакомы. Отец в прошлом много играл в это, часто побеждал. Но это было в другом возрасте, до того, как печали истожили его сердце, тогда еще он был совсем иным. И все же пока что он не играл, а сидел и пил эль, смотрел на других и тянул время. Может, он поразил бы меня, оставшись трезвым, играя, как он умел, быстро и ловко, чтобы никто с ним не сравнился. Может, он бы выиграл, удвоил или утроил бы наши деньги, и мы смогли бы заплатить за еду и ночлег.

Игры шли, и отец все смотрел. Я увидела, что Фоулер наполнил его чашку. В каюте было жарко из-за тесноты. Мне было сложно держать глаза открытыми. Каждая частичка меня болела от усталости. Я не могу тут спать. Отцу нужен страж, а это именно я. А еще мне не нравилось, как тот здоровяк смотрел на меня, его взгляд был жадным.

— Вот, девочка, — Фоулер — хитрый мужчина с пронзительными глазами — втиснулся между двумя полными фермерами и дал мне чашку эля. — Выпей, а то ты на ногах не стоишь. Платы не надо. Можешь сесть где-нибудь в сторонке, подальше от вреда.

Давно ко мне никто не был добр. Я позволила ему отвести меня к небольшой нише с деревянной скамейкой. Я с благодарностью опустила на лавочку и сделала глоток. Желудок был пустым, и резкий эль показался вином с медом. Боги, как же хорошо! Я растягивала напиток, ведь это могло быть всем, что я получу на ужин.

Из ниши отца не было видно, но я должна быстро добраться к нему, если начнутся проблемы. И я была отчасти защищена от взглядов мужчин. Но я должна быть настороже. Нельзя отвлекаться, хоть сидеть и было приятно, хоть эль и был сладким, хоть тело и просило у меня отдыха...

Я вздрогнула, понимая, что чуть не уснула. Боги, как долго я так сидела? Я услышала голос отца, неразборчивый из-за эля, громкий от злости.

— Новый раунд! Кто со мной?

Я поднялась на ноги и смотрела, как он дико машет руками. Мужчина рядом с ним отпрянул, чтобы не получить по лицу.

— Давайте! Или вы трусы?

Молчание. И оно было таким, что я напряглась. Его нужно остановить. Он выпил, и это поведение может все разрушить. Нужно пробиться сквозь толпу мужчин и вытащить его отсюда, пока он не устроил бой.

Я не успела и шагнуть, как один из мужчин сказал:

— Тебе нечего ставить, дурак. Твой кошелек пуст.

Боги, он уже проиграл все, что у нас было, пока я не видела?

— Отец, — начала я, голос дрогнул.

— Мне не нужно ничего ставить, — проворчал отец, приподымаясь. Его кулаки были сжаты, лицо пылало. Сколько эля ему дали? — Я выиграю. Я всех выиграю. Я все заберу.

— Нет игры без ставки! Таково правило!

— Если не можешь сделать ставку, ты вне игры, друг!

— И скоро выключишься, — пробормотал кто-то.

Я протолкалась сквозь толпу.

— Отец, пора уходить, — сказала я, потянув его за руку. Мой голос заглушили общие вопли.

— Маленький сюрприз, — сказал отец, неровно поднялся на ноги и обхватил мои плечи тяжелой рукой. — Видите? Вот моя ставка, моя девочка. Что поставите вы? Но не жалкие медяки. Или серебро, или ничего.

Сердце колотилось. Я застыла, не могла ни двигаться, ни говорить. Я сплю. Этого не может быть. Но так было, я видела, как глаза мужчины напротив отца расширились от потрясения.

— Угомонись, друг, — проворчал кто-то. — Нельзя же так.

— Говорите! — крикнул отец, крепче обхватив меня. — Кто играет? Я всех вас разобью! Мое тело застыло и похолодело.

— Отец, — прошептала я. — Нет, — но он не слышал меня. Он думал о серебре, которое выиграет, которое окупит ему эль на месяц, о кошельке, что вернет ему гордость.

Все вокруг шептались. Все снова смотрели на меня. Я видела, как мужчины глазами раздевают меня, но никто не говорил. Я судорожно вдохнула, молясь, чтобы никто из них не согласился на его предложение.

Фоулер выступил вперед и кашлянул.

— Я не могу позволить... — начал он, но тут крупный краснолицый мужчина вытащил кошелек и вытащил что-то блестящее в свете лампы.

Серебряники. Я сглотнула желчь, желудок сжался от ужаса. Он будет играть.

Рука в черном вытянулась рядом с ним. С глухим стуком три серебряника упали из ладони с длинными пальцами на стол.

— Я сыграю, — сказал человек в накидке с капюшоном, мое сердце превратилось в лед.

— Нет, — выдавила я. — Нет, отец, прошу, не делай этого...

— Придержи язык, Нерин! — сказал отец и снова сел, отпустив меня.

Я смотрела через стол на вызвавшегося, но капюшон так хорошо закрывал его лицо, что я не видела его глаза. Он мог быть кем угодно.

— Бросок за вызов! — сказал Фоулер. Теперь уже их не остановить. Как только ставки приняли, правила требовали начинать игру. — Один раунд или три?

— Вам выбирать, — сказал отец, глядя на незнакомца в капюшоне.

Мужчина вскинул три пальца. Кто-то быстро поднялся, и он сел на свободное место напротив отца. Воцарилась тишина. Я не могла даже толком дышать, грудь словно перетянули повязкой.

— Вызвавший бросает первым, — сказал Фоулер. — Как будете готовы.

Я не могла смотреть. Я укуталась в шаль, словно шерстяная ткань могла защитить меня от кошмаров мира. Сердце неразборчиво молилось. Камни постукивали в руке отца, я слышала, как его противник крикнул:

— Сова! — стук, кубики упали в круг, мелом начерченный на столе, все зашумели. Сова оказалась близко к центру, это была явная победа.

— Первый раунд... как твое имя, друг?

— Не важно, — человек в капюшоне собрал камешки, готовясь к своему броску. Если он победит и во втором раунде, то меня отдадут ему. Он даже не взглянул на меня.

— Противник бросает вторым, — сказал Фоулер. — Как будете готовы.

Отец притих. Я смотрела, и сердце колотилось в горле. Человек в капюшоне взвесил камешки в ладони и бросил, а отец крикнул:

— Щит!

Шепот смешался со стуком камешков.

— Щит ближе к центру, — сказал один из мужчин.

— Но не с этой стороны, — возразил другой, шурясь и глядя на игральные камни. — Копье тоже на длине пальца. Не засчитывайте, бросайте заново.

— Черт, — прорычал отец, мой желудок сжался.

— Вы правил не знаете? — голос Фоулера был спокойным и властным. — В спорах о месте Щит перевесит Копье, как бы они ни стояли в круге. Второй раунд за вызвавшим.

Послышалось немного аплодисментов. Кто-то поднял кубок в честь этого, кто-то похлопал отца по спине. Он был пьяный, но смог выиграть второй раунд, так что еще был шанс мне остаться свободной.

— Отец, — сказала я, зашептав ему на ухо, — прошу, не продолжай. Попроси выйти из игры. Скажи, что ошибся. Никто на такое не согласился бы. Отец, не поступай так со мной...

Он отогнал меня, словно надоедливое насекомое.

— Оставь меня, девчонка! — он смотрел на три серебряника. Мою цену. Пятнадцать лет я была ему дочерью. Почти три — сиделкой и защитницей, товарищем и спутником в трудном пути. Боги, этого не могло быть. Я больше не буду жаловаться на голод и холод, только бы все это оказалось сном.

— Вызвавший бросает третьим, — голос Фоулера был громким. — Уверен, что хочешь пройти через это?

Отец безмолвно собирал камешки.

— Так тому и быть. Как будешь готов.

В тишине перед броском не дышал никто, кроме меня, но мое дыхание было паническим, частым. Пусть этого не будет. Прошу, прошу...

— Огонь! — крикнул человек в капюшоне, и через миг камни ударили по столу. Я услышала общий вскрик ужаса, и мне не нужно было смотреть, чтобы понять, что отец проиграл.

Нет. Времени нет. Отец кричал, скамейка раскачивалась, кулак попал по чьей-то челюсти, ругательства. Несколько мужчин дрались, падая друг на друга. Казалось, они только и ждали повода для драки. Кто-то врезался в меня, я отлетела на краснолицего мужчину, а тот воспользовался шансом схватить меня за грудь одной рукой и скользнуть другой к ногам. В такой давке никто и не заметил. И мое возмущение в шуме никто не слышал. Рука мужчины двигалась по моему бедру изнутри. Я оттолкнулась от его груди, он рассмеялся. Борясь с ним, я услышала вопль отца поверх других:

— Обманщики! Лжецы вы все! — борющиеся раскидывали всех на своем пути, и тут меня резко отпустили. Я пошатнулась, потеряв равновесие, и упала на колени. Дерущиеся промчались мимо, прижав меня к стене, и на миг я испугалась. Здесь было слишком много тел и машущих рук. Я едва могла дышать. Прочь. Мне нужно прочь отсюда.

Ладонь схватила меня за руку и подняла. Кто-то встал между мной и толпой, а потом

повел прочь из каюты. Мы вышли в холодную и тихую ночь, и я поняла, что это человек в капюшоне, который только что выиграл меня. Я отпрянула, но он крепко держал меня за запястье.

— Идем, — сказал он. — Быстрее.

— Нет! Вы не можете меня увести! Он не знал, что делает. Он не в себе! Вы не можете...

Он направился к трапу, сжимая мое запястье. Чтобы не упасть в воду, я шла за ним. За шумом в каюте я слышала вопли отца.

— Прошу, — выдохнула я, мы добрались до берега, и мужчина пошел к поселению, не взглянув на меня. — Вы должны понимать, как это неправильно. Он не мог так сделать. Я нужна ему. Прошу, не делайте этого.

Он остановился так резко, что я врезалась в него. И заговорил он резко.

— Ты этого хочешь? Жить на дороге с отцом, что готов продать тебя незнакомцу за две бочки эля?

Я стояла и дрожала, молчала, пока он держал меня, и не могла ответить. Моя жизнь испортилась. Я позволила этому случиться. Я отдала отцу деньги. Я стала слабой и безнадежной, как он.

— Я нужна ему, — прошептала я. — Не забирайте меня, пожалуйста.

— Двигайся, — сказал мужчина и пошел дальше, таща меня за собой. — И молчи.

Боги, он собирается воспользоваться победой, забирает меня с собой, и мне придется разделить с ним кровать, слушаться его и... Ужасно.

— Но... — начала я.

— Шшш! — он резко провел пальцами по своему горлу.

После этого говорить я не пыталась. И мне едва хватало дыхания, чтобы поспевать за ним. Мы шли по поселению в тишине, проходя между домов и по крутому склону к темнеющему лесу. Шум игровой лодки остался позади. Я смогла оглянуться через плечо, но пристань была пустой. Никто за мной не шел. Я представила, как отец проснется утром и поймет, что проиграл единственную дочь, последнюю частичку семьи. Я не могла найти слезы. Не могла найти слова. Я была пустой, как кувшин, пустой предмет, утративший смысл. Рука тугим браслетом сжимала мое запястье, и я шагала, двигаясь вперед.

Мы почти укрылись за деревьями, но тут до холма донесся новый звук, и от него кровь стыла в жилах. Спутник замер и развернулся, удерживая меня. Грохот копыт, звяканье металла. Всадники появились в поле зрения, промчались по дороге в поселение. Лунный свет делал их призрачными и странными в темных накидках и масках. Я не знала, что могу бояться еще сильнее, но все же смогла. Я издала, наверное, какой-то звук, потому что мне на ухо зашипели:

— Шшш!

Для Сбора было еще рано, едва наступила осень. Но они были здесь, грохотали, выбивали дверь, заходили в каждую хижину, чтобы выгнать жителей громкими приказами и — теперь — еще и факелами, в свете которых из дома вытащили за волосы мужчину, ребенка отобрали у кричащей матери, пару коз зарезали, а возмущенную собаку пнули сапогом. Силовики короля. Три года назад они уничтожили мою бабушку за ее мудрость, а мой брат погиб в попытке защитить нашу деревню от жестокости Сбора. Три года назад сердце отца, уже ослабленное потерей мамы, разбилось от горя из-за стольких смертей. Боги, сколько кошмаров может случиться за ночь? Сколько печали мы увидим своими

глазами?

Спутник потянул меня за руку, повернув голову к темному лесу на холме. Он был прав: если есть шанс, мы должны исчезнуть бесшумно, пока воины короля нас не заметили. Но...

Я указала на пристань, на лодку, где все еще дрались мужчины, не зная о тьме, что приближается к ним. Может, у тех, кто там был, в поселении были жены и дети, и теперь их семьи были разрушены. И мой отец...

Кто-то увидел лодку с ее огнями. Кто-то пошел по пристани к ней. Другой пришел с факелом, и через миг пылающая стрела описала в воздухе дугу и над чернильными водами примчалась к лодке, вонзившись в нее. Во мне поднимался крик. Он не успел сорваться, рука зажала мой рот.

И судно вспыхнуло жарко и ярко, огонь поглотил ее. Может, кто и успел спрыгнуть, но их тела горели. Может, мне только показалось. Мне было плохо, глаза, казалось, вывалятся из орбит, а колени подкашивались.

— Ни звука, — тихо сказал мне на ухо мужчина. — Если закричишь, они нас найдут, — он убрал руку от моего рта.

— Отец! — прошептала я. — Он не умеет плавать! Я должна его спасти, вы должны меня отпустить...

Он шептал:

— Пойдешь туда, и мы присоединимся к их улову. Идем. Нужно уходить.

Я не могла отвести взгляда, ноги приросли к месту. Огонь бушевал, сжигая судно. Если отец и пережил пламя, он утонул в Темноводной. Если вода не забрала его, это сделают Силовики. Я смотрела на пламя, мне хотелось сделать невозможное, полететь туда и забрать его у смерти, унести в безопасное место, которого уже не существовало.

— Идем, — прошептал спутник, но не тянул за запястье, а протянул руку. — Быстрее.

Я проскулила. Погибли. Все. Я осталась последней. Я помнила слова бабушки: «Стань такой, какой я не смогла быть, Нерин».

— Идем, — снова сказал он. Я взяла его за руку, и мы побежали в темноту леса.

Глава вторая:

Мы шли половину ночи. Я не знала, как могу идти, ведь валилась с ног от усталости, когда мы с отцом пришли к Темноводье. Это не Нерин пятнадцати лет, сирота с опасным даром, взбиралась на холм и спускалась по тропе, проходящей через поля, где спал скот в лунном свете, а потом шла все выше по обрывистой дороге к другой долине. Нерин слишком устала, была слишком несчастной, слишком потрясенной, чтобы шагать. Девушка, идущая за мужчиной, выигравшем ее, была тенью, пустой оболочкой. Она шла инстинктивно, крики Силовиков все еще звенели в ее ушах, вспышки огней сверкали перед глазами, внутри все сковал холод. Она шла, потому что не было пути назад.

Мы остановились на скрытой поляне с тремя большими валунами в центре. Ее окружали высокие и мрачные ели, несущие ночной дозор. Все двигалось вокруг меня, словно я оказалась посреди моря или кружащихся туч.

— Садись, — сказал мой спутник, и мои ноги подкосились, я рухнула рядом с камнями, где он оставил свою сумку. Тел задрожало, и я не могла с этим совладать.

Мужчина был занят, а я куталась в шаль, пытаюсь согреться, и следила за ним. Теперь сознание не было занято ходьбой, и я вспомнила, что теперь стала его собственностью, и он мог обращаться со мной, как хотел. Он собрал хворост, развел костер, вытащил съестное, явно намереваясь готовить ужин. Может, до рассвета мы уже не будем идти.

Я думала только об одной причине, по которой он решил выиграть меня, и это меня пугало. Я никогда не возлежала с мужчиной раньше. Хотя мы с отцом жили бедно, его присутствие защищало меня от ненужных поползновений. Давным-давно я мечтала, что встречу мужчину, полюблю его, и мы сыграем свадьбу. Но мир, где такие мечты могли сбыться, давно исчез. И я оказалась с молчаливым незнакомцем, который задумал что-то сделать со мной у костра, и должна была ему все позволить. Он казался опасным.

Но он явно не спешил. Огонь ровно горел, и я, несмотря ни на что, придвинулась ближе к теплу. У него была фляжка с водой, из глубин сумки он достал зерно. Я смотрела, как он все смешивает в маленьком железном котелке, стоявшем на намеренно оказавшемся в костре камне. Каждое движение было со смыслом и продуманным.

— Ты голодна, — отметил он.

— Нет... Не могу... — зубы стучали не только от холода.

— Сядь ближе.

— Н-нет... — я посмотрела на свои ладони, не в силах облечь в слова то, что заставляло меня дрожать и мямлить. Каша уже пахла, и я сглотнула.

Я услышала его шаги, он приблизился ко мне. Я сжалась. Через миг его накидка опустилась на мои плечи, тяжелая и теплая, и он ушел. Я подняла голову, а он сидел у костра и смотрел на меня. Я моргнула. Я впервые видела его без глубокого капюшона. И я не знала, чего я ждала. Точно не того, что он окажется таким юным. Он выглядел всего на пять или шесть лет старше меня. Лицо нельзя было назвать красивым. Нос несколько раз ломали, на подбородке был неровный шрам, а другой был от раны, что чуть не лишила его правого глаза. На голове и подбородке была черная щетина. Глубоко посаженные серые глаза смотрели на меня, но их нельзя было прочитать.

Я укуталась в накидку, но успокаивающий вес и тепло огня не смогли прогнать холод из

меня. Я прочистила горло, решив заговорить.

— Ч-что вы хотите от меня? — выдавила я и заметила, что в его лице что-то изменилось, словно до этого он не понимал, почему я была так напугана.

— Не надо меня бояться, — сказал он. — Нерин, да?

— Мм, — я выдохнула. — А вы...?

— Я тебя трогать не собираюсь, поверь.

Но другие не стали бы мешкать. И я ощутила облегчение, вспомнила ужасное прикосновение рук краснолицего мужчины.

— Я у вас в долгу, — если бы он не согласился на игру, если бы не увел меня из поселения, я сгорела бы или утонула, а то и попала бы к Силовикам.

— У меня и без этого достаточно сложностей, — сообщил мой спутник. Я не знала, имеет ли он в виду сложности того, что я в долгу, или того, что он забрал девушку, которой было всего пятнадцать. — Согревайся, ешь, спи. Со мной ты в безопасности.

— Тогда... — я смотрела, как он забирает котелок из огня и отделяет половину каши в металлическую чашку. — Тогда почему вы согласились играть? Почему не оставили нас?

Он протянул чашку мне, предлагая и костяную ложку.

— Ешь, — сказал он. — Этого мало, но зато горячее.

Каша была с комочками и разварившейся, но вкус был божественным.

— Ешь медленно, а то обожжешь рот, — сказал мужчина. Он ел из котелка, используя кусок коры как ложку. — Как давно ты ела горячую пищу?

— Не помню.

— Давно в дороге, значит.

Я не ответила. Вопросы были опасными, даже когда скрывать было нечего. За неверный ответ могли и убить, как и за то, что ответил мало.

— У тебя остались родственники? Или дом, куда можно уйти?

Было сложно поверить, что я была здесь в безопасности, хотя еда, огонь и теплая накидка успокаивали меня. Осознание потери и мрачная мысль, что я осталась одна, скрылись внутри меня, как и с представлением, что отец сгорел, раскрыв от боли рот. Воспоминание о Силовиках в поселении, делающих жестокую работу, пробудило во мне другие мрачные воспоминания, другой набег. Тело предало меня, оно собиралось спать, согретое и сытое.

— Нет, — сказала я. — Иначе меня бы не было на том судне.

— А вещи? Оставила там?

Я указала на сумочку, что несла на плече.

— Это все, что есть.

Он пальцами собрал остатки каши из котелка. Я давно доела.

— Ты спрашивала, почему я согласился играть. Скажем так, я дал тебе выбор. Куда ты шла с отцом?

— Никуда. Вы видели, какой он и что делал. Мы — скитальцы. Мы искали еду и укрытие на ночь, — и старались не встретиться с Силовиками. Но этого я не сказала. Если годы дорог меня чему-то научили, так это тому, что никому нельзя доверять. Никому.

— Угу, — пробормотал спутник. — И без него ты собираешься делать то же самое?

Это было жестоко. Что я могла сказать? Я едва могла знать, что меня ждет завтра, ведь мир перевернулся.

— А почему нет?

Он пристально посмотрел на меня.

— Если ты давно в пути, то уже знаешь ответ.

Он говорил, а я вспомнила то, о чем брат с друзьями говорили приглушенными голосами. Секрет. Слишком ценный, чтобы делиться им с незнакомцем, хоть он и спас меня от гибели. Еще было место, куда я могла уйти. Хорошее. Хотя оно могло оказаться нереальным.

— Север, — раскрыла я кусочек правды. — О том месте в горах как-то говорил мой родственник. Я пойду туда, — и что-то заставило меня добавить. — Мне надоело это недоверие и страх. И я думаю, что камни и деревья — лучшие товарищи, чем люди.

— Угу, — я не знала, как оценить его отношение к моим словам. Он передал мне флягу с водой. Я сделала глоток и вернула ее. — Север, — сказал он. — На своих двоих. Как далеко?

— Далеко, — сказала я. — Я справлюсь. Я умею за себя постоять.

— Угу, — он разглядывал меня, и я видела в его глазах себя — уставшую, тощую и в лохмотьях, жалкую девочку, признавшую поражение.

— Без отца будет проще, — сказала я, но, к удивлению, из глаз потекли слезы. Я думала, что не буду плакать. — Когда-то он был хорошим, — прошептала я, вытирая лицо уголком накидки.

«Хватит болтать, Нерин, — приказывала я себе. — Не говори о прошлом. Не рассказывай ему ничего».

— Я должна поблагодарить вас, — сказала я. — Как вас зовут?

Он бросил в костер немного хвороста и смотрел, как он загорается.

— Это не важно.

— Вы знаете мое имя, — хотя он его знал, потому что услышал от отца на судне. И человек мог по многим причинам скрывать свое имя. — Забудьте, — быстро сказала я. — Не стоило спрашивать.

— Флинт, — сказал спутник, не глядя на меня. — Так они зовут меня.

Если бы я подбирала ему имя, то лучшего варианта не нашла бы.

— Тогда спасибо, Флинт, — выдавила я и зевнула. Я очень хотела лечь и уснуть. Мне нужно было выплакаться, чтобы никто не видел. Я хотела думать о хороших временах, пока тени не охватили мою семью. Мне нужно было помнить, каким умным и хорошим был отец, как он катал меня на руках, а я смеялась.

— Не думай возвращаться, — серьезно сказал Флинт. — Силовики будут в округе еще пару дней, будут искать тех, кто сбежал, но вернулся, чтобы проверить семью, — он взглянул на меня, и я осознала, как сильно хотела это сделать. Было неправильно оставлять тело отца, утонувшего или сгоревшего, но одного в глубинах Темноводной. Может, его вынесет на берег, и дикие звери съедят его.

— Я не вернусь, — сказала я, и это было правдой. Я знала, что это безнадежно.

— Слушай, — сказал Флинт, не глядя на меня, а вороша костер палкой, и искры взлетали в небо. — Мы оба знаем, что одному идти сложно. Лето закончилось, на носу Сбор. Здесь можно пробыть безопасно день или два, это место вдали от известных троп. Завтра я уйду по своим делам, но вернусь дотемна. Может, я тоже пойду на север. Можешь идти со мной, пока наши пути не разойдутся, ведь тебе понадобится защита на дороге, — он звучал иначе. Он был по-своему добрым, но все во мне было против его предложения.

— Я вас не знаю, — сказала я. — Будет глупо вам доверять.

— Будет еще глупее, — сказал Флинт, — идти одной. Я уже говорил, что ничего от тебя не хочу. Это предложение помощи. А тебе она нужна.

— Спасибо, но я справлюсь сама.

Веки закрывались. Огонь странно мерцал, за кругом огня я видела силуэты, движущиеся в тених, худые крылатые существа с волосами, сотканными из света. Я слышала их голоса: «Нерин! О, Нерин!».

— Что? — Флинт повернул голову, проследив за моим взглядом.

— Ничего, — сердце колотилось. Пусть он их не видит, пусть он не поймет, на что я смотрю. Нужно как-то отвлечь внимание. — Вы сказали, что даете мне выбор. Идти или оставаться здесь?

— Судя по происходящему, выбор лежит между жизнью и смертью, — сказал спокойно Флинт. — Но да, теперь у тебя есть другой выбора. Надеюсь, ты решишь до утра, все обдумав. Я прошу тебя подождать меня здесь один день. Будь здесь, отдохни, пока я не смогу идти с тобой. После случившегося тебе как раз нужно день отдохнуть. Ты устала. Ляг, поспи, а я буду в дозоре. Завтра ты взглянешь на все иначе.

— Но...

— Отдыхай, — сказал Флинт. — Здесь ты в безопасности.

«Прочь от меня, — просила я неразумных существ. — Не дайте ему вас увидеть», — я не осмелилась смотреть на место, где заметила их. Я хотела, и не впервые, чтобы я была обычной девушкой без особых талантов.

Я лежала, укутавшись в накидку Флинта, шаль я скрутила, как подушку. Я вспомнила себя пятилетнюю в саду бабушки, я тихо сидела в кустах ягод, а двое из доброго народца набирали корзинку, сплетенную из травинок. В корзинку помещалось только четыре ягоды, но они были маленькими, и им этого должно было хватить.

— Блага твоему очагу, мудрая женщина, — сказал человечек, сняв шляпу.

— И долгой жизни твоей малютке, — сказала маленькая женщина, глядя на меня и приседая в реверансе.

Бабушка только кивнула, а я была слишком потрясена, чтобы говорить.

Они ушли под кусты и исчезли между двумя белыми камнями, словно ступили в другое королевство. Как бабушка объяснила, так они и поступили. В тот день она рассказала мне о щедрости, доброте и тайне. В тот день я начала оставлять бутылки молока и краюшки хлеба, надеясь, что вскоре я встречу добрый народец. Тогда я еще не знала, что не все люди могут их видеть. Как и не знала, что по закону короля, разговоры с народцем караются смертью.

Я вспоминала ночью все, что любила. Было важно хранить это в сердце теперь, когда отца не стало. Мама давно нас оставила. Я всегда вспоминала о ней одно: мы сидим на пляже, и я делаю существо из водорослей, песка и ракушек, а она сидит рядом и смотрит на море, думая о своем. Ее волосы приподнимал ветерок, они были медово-каштановыми. Я помнила, как счастлива была в тот день. Я думала, солнце всегда будет светить для нас.

Брат Фаррал. Старше меня на год, погиб, защищая. Я помнила, когда мне было три или четыре года, я пришла с пташкой, погибшей из-за холодной зимы. Я держала на ладошках замерзшее тельце, а он объяснил, что дух этого крошечного существа летает над нами, спасен от холода и голода, а я должна оставить его тело земле, чтобы весной оно помогло появиться новой жизни. Брат вытер мои слезы и помог выкопать ямку. И он был прав. Весной на том месте выросло растение с перистыми серо-голубыми цветами. Бабушка говорила мне его настоящее название, но для меня оно всегда было птичекрылом.

— Отец, прошептала я, пытаюсь вспомнить что-то хорошее, вместо ужасного кричащего изображения, которое я не могла прогнать из головы. — О, отец, я скучаю... — и я увидела, как мужчина уходит по длинной дороге, такой длинной, что конец терялся в серой дали. Слезы текли по моим щекам на самодельную подушку, а я засыпала.

* * *

Когда я проснулась, Флинта не было. Огонь был потушен, но я чувствовала тепло сияющих под пеплом углей. Накидка все еще укутывала мое тело, защищая от утренней прохлады. Солнце еще не встало, но небо уже посветлело. Флинт забрал свою сумку и свернутый спальный мешок, что прицеплял к ней сверху. Но он явно не врал, когда говорил, что вечером вернется, ведь рядом с моей сумкой были предметы, что мне не принадлежали.

Я поднялась, схватив края накидки, и пошла на разведку. Шерстяная туника, поношенная, но еще пригодная, достающая мне до колен. Тряпичный сверток, в котором оказались походные сухари, унявшие урчание желудка. Я позволила себе кусочек, и вкус пробудил воспоминания о доме, а остальное завернула и спрятала в свою сумку. И он оставил нож, лезвие которого при проверке оставило на моей руке след яркой крови. Мой нож был продан прошлой зимой за ужин и ночлег. Нож отца утонул с ним. А Флинт дал мне не только оружие, но и возможность развести костер.

Я порылась в своей сумке и нашла ножны, что делала для своего старого ножа. Обычному путнику не увидится ничего необычного в них: сшитый чехол с рисунком солнца на поверхности, и сверху было украшение из перьев вороны и гладких речных камешков, привязанных к нити сложными узлами. Так я защищала от холодного лезвия всех, кому можно навредить железом.

Вскоре я все сложила в сумку и была готова идти. Я заполнила флягу из ближайшего ручья, потушила огонь, засыпав его землей. Я проверила, чтобы от нас не осталось следов. Я спрятала тунику в сумку, сунула нож за пояс. Я бы надела накидку Флинта. Очень сомнительно, что я смогу вернуть ее ему. Когда меня все удовлетворило, я замерла на миг, чтобы собраться с силами.

Север. Место, о котором говорил Фаррал, лежало глубоко в горах, на север от нашей деревни, которой уже не существовало. Чтобы попасть туда, мне придется пройти на восток к цепи озер, что перемежались с холмами. Мне придется идти до Глубоководья, а потом вдоль озера идти до реки Ращ, к тропе, что вела к пикам, названным Три карги. Там я доберусь до долины, а у подножия высоких гор будет сооружение из камней, названное Великаными кулаками. Если найду это место, то найду и Тенепад. Если он существует. Если это не просто мечта.

Без последней части путь был мне знакомым. Мы с отцом шли по нему в другую сторону, когда убегали из Леса воронов и обломков наших старых жизней три года назад. А я научилась за это время искать тропы.

Но путь будет долгим, а времени было мало. Флинт был прав: еду и ночлег найти будет сложно, особенно мне самой. Если я не доберусь до Трех Карг до первого снега, будет беда. И да, вместе с умелым мужчиной было бы проще. Но и согласиться пойти с незнакомцем было сложно, хоть он и казался полезным. Что он делал на том судне? Почему решил сыграть, если ему была ненавистна сама мысль об этом? Он не мог знать, что придут Силовики, так ведь? Если мог, то он должен был предупредить людей.

Нужно думать о своем пути. Летом я могла поработать день взамен на миску супа и ночлег в амбаре. Мы с отцом так жили какое-то время. Но не осенью, ведь это время Сбора,

опасное для одинокого путника. Если оказаться на чьем-то пороге, меня начнут расспрашивать, почему девочка моего возраста путешествует одна. И если ответить неверно, народ решит, что я сбежала от Силовиков. Недоверие всегда затуманивало разум жителям Олбана. Во время Сбора недоверие достигало пика, подогреваемое страхом. Так было в каждом поселении, мелкой деревушке и одиноком доме. Они называли таких, как я не хитрыми, а запятнанными, словно наш дар мог портить, если его не вырвать с корнями. Только приближенные к королю могли использовать магию.

Но когда-то было не так. Бабушка рассказывала о том времени, когда на женщину в мягкой, как пух чертополоха, одежде или мужчину, что мог играть на флейте не хуже пения жаворонка, люди смотрели с гордостью, а не сдавали Силовикам короля. Бабушка знала женщину, что могла коснуться сломанной кости, пропеть едва слышно с закрытыми глазами и исцелить перелом. Рассказывала о мужчине, который мог словами уговорить дикого кабана лечь на землю, а голову положить на его колени. Сильнее всего я любила рассказ о девушке, что каждое утро ходила в поле, чтобы поговорить с растущим овсом о солнце, ветре и дожде, о том, как зерно питает голодных детей, когда придет время. И на фестивале урожая был самый вкусный овес во всем Олбане.

Порой было сложно понять, что из рассказов бабушки было правдой о том, как было до того, как Кельдек взошел на трон, а что было древними сказками. Кельдек стал королем в год моего рождения. Пятнадцати лет хватило, чтобы люди забыли, как было раньше. Так вышло. И когда я начала понимать, что умею, оказалось, что дар нужно прятать. Я выучила, что страх превращает друга во врага за мгновение, я научилась хранить секреты.

Работой заслужить еду и ночлег не выйдет. Я привыкла добывать пропитание в лесу, можно было сделать удочку. Можно было стать вором. Яйцо тут, булочку там. Не впервой.

До того, как я попаду на север, дорога пройдет рядом с Летним фортом, меньшую крепость короля Кельдека, место летнего Собрания. От этого было страшно. От этого вспоминалось то, что я хотела забыть, тьму, что я видела в щель в стене в доме бабушки, когда люди короля пришли за ней. Я отогнала мысли, ведь должна была начать путь сильной, иначе далеко не зайду.

«Думай о хорошем, Нерин. Думай о доброте, как о подарке того мужчины. Думай о любви и мудрости бабушки, а не о ее ужасной кончине. Чувствуй ее силу в себе, иди по дороге со смелостью и открытыми глазами. Нацелься на Тенепад».

Прошлой ночью я думала, что отец ушел от меня по дороге. Теперь мне казалось, что он идет рядом со мной, наклоняется и убирает опавшие листья с моего пути, держит меня за руку, пока я перебираюсь по камням через ручей, и плохими шутками поднимает мне настроение. Глупо, ведь те времена давно прошли. А потом он редко так делал. Потом мы ругались, вспоминая печали и кошмары, что оставили нас бедными, бездомными и изгоями.

Я привыкла к его постоянному ворчанию. Я научилась не слышать его. Я отвлекалась на мозоли и пустой живот. Теперь я шла по тропе, едва различимой среди сосен, чувствовала его тень рядом, жалея, что была не такой понимающей. Может, как я и подозревала, он хотел, чтобы я умерла, а брат выжил. Но он сам защитил меня. Из-за меня он шел дальше.

Я надеялась, что он упокоен.

— Я люблю тебя, отец, — прошептала я. — Я уважаю тебя, — и я пыталась сказать, что прощаю его, но слова не сорвались с губ.

* * *

Депеша: показывать только королю Кельдеку

район Темноводья, ранняя осень

Мое почтение, король. Сбор движется по западу. Очищение всех поселений Темноводья прошло без сопротивления. Уверен, в будущем этот район причинит меньше всего трудностей.

Отряд Кабана двинулся к Чистоводью, а оттуда пойдет на юг, и отряд Оленя движется по берегу на север. Мы обсуждали на совете, что Сбор на западных островах будет отложен на год. Исследования показывают, что в таком далеком месте шанс найти много запятнанных низок, но определенные меры принять необходимо.

Вы вспомните наш разговор насчет личного интереса. Могу сказать вам, что насчет этого мне рассказала разведка. Когда мы говорили, вы щедро указали, что если это случится, вы позволите мне оставить мои обязанности и последовать по этому пути, чтобы план Сбора был завершен.

И я передал управление отрядом Оленя, в умелые руки моего заместителя, Роана Клинка-убийцы. Я буду действовать один в ближайшем будущем. Я буду отчитываться вам, как только будет появляться шанс послать весточку. Мое задание требует путешествия на всю осень, порой я буду вне зоны досягаемости. К концу осени я вернусь ко двору, а, может, раньше. Надеюсь, принести вам необычное оружие, что очень вас порадует.

Оуэн Быстрый меч, глава отряда Оленя.

Глава третья:

Семь дней пути, семь ночей в лесу, и я поднялась на холм поздним вечером и смогла впервые увидеть Среброводье, широкое пространство блестело в свете солнца в милях впереди. Я вышла из-под мрачных сосен в буковый лес и нашла место для ночлега у камней среди деревьев. Маленький ручей спускался с холма. Среди буков стоял один старый дуб, темный и широкий, дерево божеств. Я нашла плоский камень, опустила сумку и расстелила накидку. Я села и, скривившись, сняла обувь.

Ноги пылали из-за мозолей. Были у меня когда-то хорошие туфли, что дала мне девушка из семьи, приютившей нас в далекой деревне на севере. Они несли меня много миль, по холмам и через ручьи, по болотам и полям. Они были со мной в весенний дождь, в летнюю жару, осенний холод и зимний снег. Они были крепко сшитыми, усиленными. Но теперь они были слишком маленькими, а постоянный путь износил их.

Я пошла босыми ногами вдоль ручья и вернулась с пригоршней корешков папоротника и желудей. Я не могла сделать должным образом припарки, ведь в сумке было только самое необходимое. Мой запас порошков и мазей закончился много лун назад, и мне не хватало времени и ресурсов пополнить его. Может, это к лучшему. Только несколько целителей открыто практиковали свою магию в Олбане Кельдека. И магия трав слишком близко подходила к обычной магии.

Я разожгла костер, новый нож высек искру из старого огнива. Боясь привлечь нежелательных гостей, я не дала огоньку стать большим. Когда огонь разгорелся, я пошла собирать еду, а вернулась с диким луком, из которого сделала суп. Немного сухарей Флинта еще было в моей сумке, я хранила их на случай, если не смогу ничего найти.

Пока я ела суп, я чувствовала на себе взгляд из высоких веток дуба, из теней между стволами буков, из журчащей воды ручейка. Я ощущала присутствие, они прятались в каждой щели между камнями, возле которых я пряталась. Близко. Ближе, чем я когда-либо их чувствовала.

Добрый народец прятался, боясь Кельдека. По слухам они сбежали на туманные острова далеко на западе или на холодный пустой север. Но это было неверным, иначе я не видела бы их вокруг себя на поляне. Волоски на шее встали дыбом, спину покалывало от этого.

— Лучше не приближайтесь, — прошептала я, стараясь не смотреть на них, пока я пила луковую похлебку. — Мы можем стать бедой друг для друга. Я не хочу этого, — звучало жестоко, а я даже не знала, понимали ли они меня. Я никогда не говорила с ними прямо.

Но теперь казалось необходимым предупредить их.

В звенящей тишине почти чувствовалось их неодобрение. И в голове я услышала голос бабушки: «Всегда делись своим, Нерин. Заботься о добром народце, и они не навредят тебе. Если слышишь, как люди жалуются, что кто-то украл у них яйца из-под кур или осушил корову до дойки, значит, кто-то забыл это правило».

Что ж, осталось пару глотков похлебки. С долей сожаления я поставила котелок на камни так, чтобы не пролить. Подношение было жалким, янтарная жидкость едва покрывала дно. А их было много, мне даже не нужно было смотреть на них, чтобы знать это. Вздохнув, я вытащила из сумки спрятанные в ткани сухари, отломил кусочек и положила рядом с супом.

— Я друг, — прошептала я. — Я делюсь с вами своей едой. Но я не хочу спутников. Оставайтесь в убежищах. В Темноводной Силовики. Начался Сбор, — я не знала, есть ли еще убежища.

Огонек согревал меня, я нарезала корешки папоротника, вымочила в воде, а потом смешала с разбитыми камнями желудями. Я собиралась намазать это на ткань и укутать ею ноги перед сном. Больно не было, это могло помочь. Может, из коры бука я потом смогу сделать подошву прочнее. Я видела дыры в туфлях, участки, где подошва отделялась от верха, нити, что уже ничего не держали.

Я работала и краем глаза следила за котелком с луковой похлебкой, которую уже нашли. Маленькие ручки перевернули сухарь Флинта, мохнатое существо в красном колпачке с хрустом острыми зубами откусило кусочек. И тут тоже существо с длинными пальцами, похожими на прутики, с шипением потащило сокровище к себе.

— Делись, — сказал он. — Делис-с-с-сь.

— Разломи его! — просил Красный колпак и хор голосов. Они получили по крошке. Существо с носом в форме трубы склонилось, чтобы выпить похлебку из котелка, но другое существо шлепнуло его по голове.

Самодельная припарка была готова. Я села, укутавшись в накидку Флинта, и огонь согревал мое лицо. Я обернула ноги тканью. Было неловко, не хватало бинтов, и ткань могла вот-вот развернуться. Я не шевелилась, думая, что будет, когда они покончат с моими жалкими подношениями. Они разозлятся на меня? Исчезнут без следа? Я замирала в ожидании, хоть и не знала, чего именно. Они были так близко, и это было чудесно и опасно. Я видела их тени среди деревьев, глаза в темноте. Это было моим даром и проклятием. Я слышала их жуткие голоса. Но они раньше не подходили близко. Суета из-за подношения длилась какое-то время, а потом воцарилась тишина, и она была такой внезапной, что я, хоть и не собиралась, повернула голову и посмотрела на них.

Они сидели плотным кругом, словно советовались, но каждый из них смотрел на меня. Я чувствовала вес взглядов, их глаза были бусинками, были огромными или узкими, с длинными ресницами и красивыми, они были всех цветов и формы, что только можно было представить. Самый маленький был не больше ежа размером, и как-то напоминал его. Самый большой мог бы достать мне до пояса. Еще двое доедали кусочки сухаря. Их взгляды были не то дружелюбными, не то враждебными, но точно *другими*.

Молчание было полно ожидания. От меня ждали речь. Мои ноги были связаны, и я чувствовала себя слабой.

— Приветствую, — мой голос нервно подрагивал. Одно дело видеть добрый народец в стороне, но совсем другое оказаться среди них и пытаться поговорить. — Боюсь, я не могу встать. У меня ноги в мозолях. Спасибо, что пустили укрыться здесь с вами. Жаль, что не могу поделиться чем-то получше.

— Похлебки хватило, — сказала женщина в одеянии цвета листьев, она вытирала губы запятнанным платком. — К тому же, эти дары не для того, чтобы питать нас, иначе наш вид давно бы вымер от голода. Это знак доверия и принятия одного духа, — она мрачно посмотрела на своих спутников. — Хотя у некоторых желание поесть затмевает разум.

— Ваши друзья могут угощаться. Но вскоре мне понадобится искать еще еды. Моих запасов надолго не хватит.

— *Айе*, завтра ты будешь голодной, — сказала женщина. — Ближе к озеру можно найти крапиву, и ты увидишь крошечные поганки под большими дубами. Следи за тем, что

собираешь, или твои внутренности завяжутся узлом.

— Хорошо бы поймать рыбу, — добавил Красный колпак, похожий на куницу, но бодро говорящий. Голос был точно мужским, но я заметила у существа на спине перевязь, откуда смотрели маленькие глазки. — Рядом с Среброводьем за домом большого человека есть водопад, известный как Девичьи слезы, впадающий в озеро. Над ним есть пруд, где они поднимаются к лунному свету. Их плоть сделает тебя сильной. Мы покажем тебе.

Возмущенный хор высоких и низких голосов заставил мою кожу покрыться мурашками.

— Нет!

— Не покажем! Не покажем!

— Глупый Красный колпак! Чем ты думаешь, рассказывая ей об этом?

— Забудьте, — сказала я, пожившись. — Я пойду одна.

— Этого мы ждали, — существо напоминало девушку моего возраста, но ростом с ребенка, и с изящными формами. Платье струилось вокруг нее легкой тканью. Ее волосы светились серебром. Ее глаза были огромными, блестящими и недовольными. — Знаю, о чем ты думаешь, Красный колпак, и кто тебе это рассказал, — она посмотрела на женщину в зеленом, что спокойно взглянула на нее в ответ. Серебряная девушка повернулась ко мне. — Путница, не жди нашей помощи. Какие бы дары ты нам не оставляла, уже прошли времена, когда добрый народец связывался с людьми. Вы сами создаете себе проблемы.

Она выглядела хрупкой, а голос ее был сильным, как дуб, холодным, как ручей под зимним льдом. Было бесполезно возражать, что я не ждала помощи, хоть я и не мечтала, что они подойдут так близко. Было бессмысленно объяснять, что я никогда не согласилась бы, чтобы они шли со мной, ведь тогда они будут рисковать, как и я. Она верила, что я враг. Я была человеком, как и Кельдек, так что враждебность можно было понять. Было обидно. Я помнила волшебный день в саду бабушки, двух крох с корзинкой ягод.

— Тогда утром уйдешь, — заговорило существо в темном блестящем капюшоне из перьев. Тон его был ровным, но взгляд пронзал меня, изучая. Он напоминал и человека, и ворону, и это так путало, что я пыталась не смотреть.

— Да.

— Предупреждение. Красный колпак говорил о водопаде. Рыба хорошая, айе. Но если пойдешь туда, помни об уриске. Он будет просить твоей помощи. Жалобно. Постоянно. Не говори с ним, иначе он пойдет за тобой. Будет следовать за тобой. Никогда не отпустит. Это существо, скупаемое одиночеством.

— Благодарю за предупреждение, — пожалуй, я обойдусь без рыбы.

Длинные пальцы вышел из круга и посмотрел на мою обувь.

— Туфли, — отметил он. — Разбиты.

— Оставь их! — резко сказала серебряная девушка, существо отпрянуло. — Хватит. Оставьте обувь и девочку. Она никто. Странница. Мы с самого начала ошиблись.

— Не спеши с выводами, Сильвер, — хотя она говорила тихо, что-то в голосе женщины в зеленом одеянии заставило всех замереть. Словно она заставила всех глубоко вдохнуть.

— И взгляда достаточно, — у Сильвер — подходящее имя — был ледяной голос. — Слова хватит. Мы бы поняли, если бы все было, как надо. Мы бы увидели. За миг. Эта девочка не может даже туфли починить. Как она?..

И вдруг моя слабость показалась весом на плечах, вспыхнула злость.

— Я могу их починить. Мне нужна только кора бука.

Кто-то заухал от смеха, словно слова были смешными.

— Я сказала, что почию! — голос треснул, как сухая ветка. — Спасибо за ваше общество и советы о рыбе и уриске. Очевидно, что мое присутствие вносит смятение в ваши ряды, так что лучше дайте мне все делать самой. Спокойной вам ночи, — пусть сами спорят, кем я была, а кем не была, где-то еще. Было понятно, что я неприятна им.

Раздался гомон щебета и шепотов, но я не разбираала слов. В темноте круг глаз зловеще сиял, словно они принесли с собой свой свет.

Заговорила женщина в зеленом одеянии:

— И тебе одной не страшно? — спросила она.

— Конечно, страшно, — я сидела и смотрела в ее глаза. Она казалась важной, ее маленький размер не влиял на ее силу и пронзительность взгляда. Ее нос был острым клювом, а волосы — зелено-серым облаком, из которого выглядывали острые уши. Казалось, что она смотрит внутрь меня, в мои тайные мысли, и от этого стало холодно. — Время сбора, — добавила я, — и Силовики на всех дорогах, за каждой стеной, выискивают нечаянно оброненные слова. Мне не стоило говорить с вами. Стоило притвориться, что я не вижу вас.

Тишина, а потом Красный колпак отметил:

— Ты оставила нам ужин.

— Бабушка научила меня делиться, — сказала я, глаза покалывало от слез. — Хороший урок. Она сказала, что даже если кажется, что ничего нет, всегда есть что-то, что можно дать другому. Она научила меня с детства уважать вас.

Если добрый народец и стал относиться теплее ко мне, это не отразилось на их лицах. Большая часть смотрела на Сильвер, словно ждала ее ответ. И только женщина в зеленом смотрела на меня.

— Спокойной ночи, Нерин, — сказала она. — Пути без опасностей.

— И вам, — ответила я, и стало интересно, откуда она знает мое имя.

— Везде опасно, — сказала Сильвер. — И для твоего вида, и для нашего. Для всех. В этом погруженном во мрак королевстве нет света.

— Воют волки, — добавил Длинные пальцы.

— Морозят зимы, — сказал Красный колпак, и в перевязи на его спине что-то зашевелилось, словно пряталось глубже.

— У людей короля есть холодное железо, — сказало существо-ворона. — Они ищут наши укрытия.

— Знаю, и мне очень жаль. Если бы я могла помочь, я помогла бы. Но все, что я могу, это идти по своему пути.

— Тебе будет холодно.

— Одиноко.

— Голод и жажда будут с тобой на каждом шагу.

— Ветер будет пронзать тебя холодом. Ветер промочит тебя. Обувь порвется.

— Много испытаний перед тобой, — присоединилась и женщина в зеленом. — Тебя будут проверять до предела.

— Хватит! — рявкнула я. — Отец недавно умер, я потеряла всю семью, и я устала. Ужасно устала. Хватит расстраивать меня, дайте поспать.

Они исчезли, словно их и не было, исчезли среди камней и воды в темноте леса. Мне тут же стало стыдно, но когда я прошептала:

— Простите, — ответом была только ночь и крик птицы в тишине.

* * *

Мне снился круг доброго народца, и они яростно спорили.

— Ее? Девочку в дырявых туфлях? Ты не в себе!

— А как же то, как она поделилась с нами едой? Если это не Дающая рука, то я бы хотел узнать, что это! — существо напоминало кустик, видно было листики и прутики, а глаза были в глубине, похожие на наливные ягоды.

— Сорель говорит мудро, как и всегда, — сказала женщина в зеленом. — Ты почувствовал присутствие девочки, как и все мы, не отрицай. Оно было сильным. Подчиняющим. Такому притяжению даже самые сильные из нас сопротивлялись бы с трудом. И не важно, девочка ли она или старушка семидесяти семи лет.

— Дающая рука? — тощее существо с большими глазами говорило с насмешкой. — Легко давать, если есть, чем делиться. Видели, сколько у нее сухарей? Посмотрим, как девчонка будет делиться, когда она будет голодной и без сил.

— Даже если ты и права, Шалфей, — сказал мужчина в шляпе из скорлупки ореха, — что одна против семерых?

Красный колпак кашлянул. Теперь он сидел у тусклого костра и держал крошечную версию себя в руках. Малютка из перевязи на спине, наверное, успокаивался после кошмара.

— Это начало, — вмешался он, глядя то на женщину, то на Шалфей, то на Сильвер, словно он не был уверен, кого первым укусить. — Дайте девочке время, и мы все пойдем.

Шалфей скрестила руки и склонила голову, словно глубоко задумалась.

— Много времени и не понадобится, — сказала она. — Хочет она того или нет, но дар подвергнет ее опасности. Если она попадет в руки людей короля, мы можем упустить единственный шанс.

— Это сущий бред! Поверить не могу, что многие из вас поверили этой глупости, — с холодной властью заговорила Сильвер. — Вы рассуждаете о вещах вне своего понимания. О древних вещах. Важных вещах, — пауза. — Опасных вещах.

— Айе, — сказала существо с большими глазами, — ты хочешь разбудить то, что лучше не трогать, и подвергнуть опасности всех нас.

— Когда отношения нашего вида с ее не заканчивались катастрофой? — спросила Сильвер. Ответа и не ожидалось, но кустик — Сорель — сказал:

— В войне между Морским народцем и броллаханами, — сказал он с готовностью, словно только и ждал возможности поведать им об этом. — Человек-союзник. Зовущий. Для его правления с севера стерли броллаханов, а с ними и людей на островах. Это в длинных песнях. И ты не можешь с этим спорить, Сильвер.

— История. Это все старая сказка. Эти времена прошли. Это идет вразрез с нами, это звучит и пахнет неправильно, как если бы в гнезде голубя нашли орленка. Люди довели Олбан до такого плачевного состояния. Пусть они и разбираются. Это не наш бой, это не наше задание, не наше дело.

— Олбан — наш дом, — сказал Сорель. — И был им до того, как люди ступили на этот берег.

— Что будешь делать, если начнется буря? — спросила Шалфей, глядя на Сильвер. — Защитишь дом или ляжешь, дав ему разбиться вокруг тебя?

Я не услышала ответ или не запомнила, ведь я проснулась. Все во мне казалось настоящим: тревога доброго народца, шепот, критика в мою сторону, темный покров ночи и крики сов на деревьях над ними. Я не знала, могло ли это быть не сном. Может, решив, что я

уснула, они собрались обсудить, достойна ли я или мое будущее, а я проснулась и услышала их. Один из семи. Семи чего?

На следующее утро я вылезла из теплой накидки и обнаружила, что моя обувь была починена, все дыры были зашиты маленькими стежками, а завязки заменили гибкой субстанцией, похожей на плотную паутину. Я обулась, и туфли уже не были мне маленькими, сидели идеально.

Я знала, что опасно принимать дары фейри. Гнев короля ожидал каждого, у кого находили такую вещь — деревянную ложку с древним символом на ручке или кусочек ткани, которую плел кто-то маленький. И тогда сжигали дома вместе с жителями в нем. И даже если ложку вырезал чей-то дедушка, а ткань случайно цеплялась к человеку. С этим королем подозрений хватало для расправы. И воле Кельдека никто не перечил.

Я часто думала, как люди могут работать Силовиками? Король запугивает их для такой работы? Предлагает награды, от которых нельзя отказаться? Я бы лучше умерла, восстав против короля, чем стала оружием тирана. Если мне и придется столкнуться с Силовиками, я надеялась, что буду такой же смелой, как была бабушка.

— Много испытаний, — прошептала я. — Проверят до предела, — может, так и было, но этот совет не помогал. А обувь, хоть и починенную не людьми, я должна была взять. Я не могла идти днями по камням и лесам без туфель.

* * *

Я ясно помнила поселение Среброводья. Оно было на берегу озера с чистой водой, скопление домиков из грязи, веток и соломы, окруженные каменной стеной. Самое важное здание было из резного камня с маленькими башнями. Там жил местный атаман Дункан. Давным-давно нам с отцом дали здесь отдохнуть две ночи. Мы заслужили это, убирая лепешки коров в первый день и уборную на второй. Почти всю работу делал отец, ведь тогда он был сильным, хоть уже и был склонен к меланхолии. Нас накормили, почти не задавали вопросов. Мы сделали работу, сохранили свои тайны и ушли на третий день.

Я могла прийти туда к ночи. Озеро было видно, и если память меня не подводила, поселение было в половине дня пути вдоль него. Может, стоит изменить план. Если я расскажу убедительную историю, может, народ Дункана даст мне работу, и я смогу пойти на север весной, когда в лесу можно будет спокойно найти еду. Это было бы хорошо, если бы он поверили, что я не опасна.

Я посмотрела на свои туфли, починенные фейри. Если я в них приду в поселение, меня сразу передадут людям короля. Даже такое спокойное поселение, как у Дункана, не могло не видеть очевидных вещей. А Сбор? Я не знала, в какую сторону шли Силовики после кошмаров в Темноводной. Сбор в каждом году шел по разным путям, приказы никогда не были одинаковыми. Некоторым удавалось избежать этой участи, но никто не знал, что будет дальше. Кельдек умело использовал внезапность. Народ не знал, когда придут Силовики. И если я попрошусь в Среброводье, то навлеку на них беду.

Я добралась до берега до того, как солнце достигло пика. Я не шла вдоль воды, ведь там былолюдно. Хоть и было время Сбора, жизнь продолжалась. Я видела рыбаков, мальчиков с гусями, девочку с маленьким стадом коз. Порой я видела, как люди сдвигаются к краю дороги, слыша топот копыт, возвещающий о прибытии группы Силовиков в черном на больших темных конях. Они двигались парами, упряжь звенела серебром, головы скрывали кожаные шлемы, а на круглых щитах был виден Олень Олбана — эмблема короля. В основном, они двигались на восток, словно возвращались в Летний форт, где Кельдек жил в

теплое время года. Я дрожала. Король может сейчас быть там. А мой путь проходил рядом с тем местом, я могла пересечься на пути с Силовиками. Я и дня не проживу, если такое случится. И я шла по лесу, деревья скрывали меня.

Я неплохо продвинулась вдоль берега, до сумерек я увидела среди буков поселение Среброводья чуть дальше холма. Там были дома, была стена, был дом атамана с башней. И во дворе между амбарами и сараями что-то было лишним. Я замерла в тени деревьев.

Небольшая группа собралась на открытом месте: мужчины, женщины, дети — жители поселения и слуги атамана. Они стояли безмолвно с мрачными лицами. А вокруг них были Силовики с оружием. Никто не бежал. Не кричал. Ничто не горело. Но там, где в центре рос красивый дуб, который я хорошо запомнила, ведь его тень любили курицы и собаки, как и дети, теперь была тьма. Веревка свисала с крепкой ветки, Дункан стоял под ней, балансируя на стуле. Силовик в маске стоял за ним. Я смотрела, продрогнув до костей, а Силовик забросил петлю на шею Дункана и затянул.

— Нет, — выдохнула я. — О, нет, — жена Дункана была в безмолвной толпе, как и его дети и верные слуги, все люди из его дома. Я представила, как они шикают на детей, боясь, что крик не вовремя принесет такую судьбу и им.

Я хотела закрыть глаза. Хотела отвернуться. Часть меня протестовала: «Это не моя история, не мой народ. Я отвернусь и уйду. Притворюсь, что не видела». Но я держала глаза открытыми, я видела, как вешают хорошего атамана. Когда все закончилось, Силовики отошли, и друзья Дункана сняли его. Жена опустилась рядом с ним, закрыла его глаза. Силовики стояли вдали, пришли они, похоже, только ради этой казни. Некоторые из них уже ехали к воротам, хотя пятеро или шестеро остались.

Тишина спасла жену Дункана. Она выбрала другой путь. Она не рухнула на тело мужа, рыдая. Она встала, вскинув голову, и рявкнула смелые слова в сторону убийц. Я застыла, глядя на нее, заметила, что старик с трудом удерживает ребенка — сыночка атамана, наверное — чтобы он не побежал к ней.

Ее убили одним взмахом меча. Ее голова откатилась, оказавшись рядом с ногами застывших свидетелей. Убийца вытер оружие о траву, бросил несколько слов толпе, пряча меч в ножны. Старик зажимал рукой рот мальчика; я видела, как женщина закрывала их.

«Хватит, — просила я Силовиков. — Не нужно здесь еще больше зла».

Убийца развернулся, забрался на коня и направился к воротам поселения. Он был последним. Он уехал на дорогу и пропал из виду, и ненормальная тишина исчезла. Старик отпустил мальчика. Он не пошел к маме, лежавшей в луже крови, как и не пошел к отцу. С диким яростным воплем он бросился за Силовиками, словно один мальчик мог одолеть их. Трое или четверо мужчин побежали за ним, мешая ему. Он боролся с ними. Он рыдал, а старик, его дедушка, скорее всего, держал его, пока тот изливал ярость. Другие подошли к останкам жены атамана, накрыли одеялом Дункана, чтобы не мучить детей, которые не должны были этого видеть.

А мне пора идти. Я ничего не могла здесь поделать, Олбан стал страшным местом. Что будет с этим народом, если их глава и его жена убиты? Я слышала, что Кельдек любил садить местными лидерами своих людей, не думая о традициях семей и кланов. Кто-то должен был управлять народом, кто-то должен был спасать во времена беды. Я не знала, чем Дункан заслужил такой конец: приютил беженца, выразил сомнения или использовал магию? Атаман был хорошим, народ любил его. Мне хватил двух дней, чтобы узнать это. Я шла, представляя открытое место, окруженное стеной, пустое, кроме дерева без листьев. И

на земле было большое красное пятно. У пятна остановился пес. Слышались рыдания, а на вершине башенки висело новое знамя — гордый олень Кельдека, короля Олбана.

Я шла так долго, как только могла, вдоль озера, пока меня не остановила темнота. Я не разводила костер, ведь Силовики были близко. Я не могла так рисковать. Я провела холодную ночь, прижавшись к валуну, и отправилась на рассвете. Я запомнила этот урок. Я не буду искать ночлега у людей.

К следующей ночи я добралась до водопада, который добрый народец назвал Девичьими слезами. Все было, как они и описывали — брызги спадали на покрытые мхом камни. Рыбы с белыми брюхами плавали в темноте в неподвижном пруду над водопадом, и когда я опустила в воду нить, тусклый лунный свет словно приманивал их к крючку. Я прошептала благодарность богам за щедрость, быстро убила рыбу и насладилась лучшим ужином после каши Флинта. Уриска не было ни видно, ни слышно, хотя добрый народец предупреждал о нем. Я и раньше о нем слышала — бабушка рассказывала, что это самые одинокие существа в Олбане, они всегда жили под водопадами.

Я укуталась в накидку Флинта, закрыла тканью уши и уснула в тепле углей, что были красно-золотыми в тенях, журчание воды успокоило меня.

В темноте полночи пронзительный вопль ударил по голове, разбудив меня.

Я заставила себя застыть против инстинктов. Стенания продолжались, у меня стучали зубы, и стыла кровь. Слов не было, но я чувствовала горе существа, его одиночество, желание дружбы.

«Не говори с ним, или он пойдет за тобой. И никогда не отпустит», — можно было и не предупреждать меня. Я знала об этом с трех лет, когда мы с Фарралом играли в уриска, появляясь из укрытия с воплями, протягивая руки, пока жертва старалась молчать и не шевелиться. Теперь настоящий уриск кричал в нескольких шагах от меня, я дрожала в коконе накидки. Нельзя двигаться, нельзя успокаивать, хоть и хотелось.

«Все хорошо. Я приду к тебе. Я останусь с тобой и поговорю», — было легко это сказать, так просто, но я не могла. Если заговорить с уриском, он будет с тобой вплоть до смерти, цепляясь, свисая с плеч, пробираясь в кровать. Холодный и мокрый спутник. Если я помогу ему, он пойдет за мной. А это подвергнет меня только большему риску, хоть и само будет в опасности.

Отношения людей и доброго народца были запрещены законом короля. Нельзя было говорить и смотреть друг на друга. Этот закон давно удивлял меня. Брат говорил, что Кельдек боялся магии, но ведь магия была разрешена при дворе короля.

Я больше не спала, но молчала, а голос уриска перерос в жалобные рыдания, и я видела свои печальные воспоминания, парад потерь и горя от маленьких из детства — потерянная любимая игрушка, обидные слова друга — до смертей родных. Я вспомнила о хорошем атамане Среброводья и его смелой жене. Я думала о людях, погибших при Сборе в Темноводье и сотнях других похожих поселениях. Рыдания продолжались, а я оказалась близкой к отчаянию. Путь был длинным. Я не знала, существует ли место, о котором говорил Фаррал. Мне нужно пересечь горы, а листья уже стали красными и золотыми. Я была девочкой, как и говорил добрый народец. Это было глупо. И невозможно...

Слезы застилали глаза, они капали на шерсть накидки Флинта, и я вдруг спохватилась. Нужно продержаться до рассвета. По сказкам уриск затихал, когда вставало солнце. Держись. Молчи. И, вспоминая ужасную ночь, когда Силовики пришли в дом бабушки, я думала: «А ты умелый». Вдыхая запах накидки, я заставляла себя думать о Флинте,

внезапном спасителе. Я не знала его мотивов. Но он доказывал, что в Олбане еще существовала доброта.

Это хорошее воспоминание светило мне в одинокие часы ночи. Солнце взошло, и урииск замолчал. Встав, я обнаружила влажные следы вокруг меня. Каждый был похож на человеческий, но уже и со следами перепонки между тремя пальцами.

* * *

До восточного края Среброводья от Девичьих слез два дня пути. Местность стала пастбищем. За этими полями виднелись холмы, тропа вела к одинокому озеру, названному Скрытыми водами, местом темных воспоминаний. Там был бой, атаман против атамана, клан против клана, сын Олбана против сына Олбана. Многие погибли. Когда мы с отцом проходили там, направляясь в другую сторону, воздух был полон голосов, словно отряд мертвых воинов остался в каменистом озере, эхо голосов отражалось от камней. Я не хотела идти туда снова, но другого пути не было.

Я ждала под последними деревьями, пока стгустятся сумерки, изучая взглядом местность, думая об укрытии. Когда я решила, что достаточно темно, я пошла. Я двигалась, как тень, перебегая из одного укрытия в другое, и каждая частичка меня ожидала опасность. Скопление камней, каменная стена. Куча мусора, гора торфа. Огороженное пастбище, в котором кудахтали сонные куры, а коровы жевали сено, фермерский домик с огоньком за закрытыми ставнями. Если не так шагнуть, нападут псы. Я думала о яйцах, о ячменном хлебе, свежем молоке и масле. Я шла. Когда я прошла последнюю ферму, последний теплый огонек, последнюю блеющую во сне овцу, передо мной оказался холм в камнях, и я забралась в небольшую пещеру, устроившись там. Где-то неподалеку журчала вода. Если я правильно помнила, то этот ручей назывался Отток, и рядом с ним был проход к Скрытым водам. Отправлюсь на рассвете.

Земля была твердой. Я не могла спать. Холод пронзал меня, и даже толстая накидка Флинта не спасала. Я не могла развести костер, он будет маяком, покажет, где я. Тело болело. А еще со мной играло сознание. Я ничего не видела от доброго народца после той ночи споров о семи, хотя по пути вдоль Среброводья я чувствовала тихие шаги за спиной, но когда я оборачивалась, в лесу были лишь движущиеся тени. А здесь, в неудобном склоне холма, мне казалось, что за мной кто-то следит. Пару раз за ночь мне казалось, что журчание ручья скрывает голоса, и в потоке слов я понимала только «Нерин». Сверху летала сова, странно ухая. Печаль в ее крике призвала слезы.

«Хватит, — говорила я себе, зубы стучали от холода. — Никого здесь нет, а если и есть, ты не дашь им знать, что чувствуешь их. Спи, иначе не хватит сил идти утром», — но сон не шел.

После бесконечной ночи я встала с первыми лучами на покрытом облаками небе, и пошла к Скрытым водам. Словно кто-то ждал моего появления, ветер поднялся, и когда я пришла к вершине холма и пошла вниз к озеру, вода впереди стала бушующей и серой. Скрытые воды были маленьким озером. Оно было в каменной чаше, узкая тропа обнимала озеро. Придется обойти половину озера, чтобы пробраться дальше.

В меня летели брызги, я промокла, пока шла. Вода была справа, а слева были камни. Трещины пересекали камни, пугая. Не было видно растений, словно они не осмеливались расти в этом мрачном месте. Вода была в тени. Склоны берегов были мрачными, нависали над озером. Нужно было идти по берегу. Я надеялась, что так рано никого по близости не будет.

Начался дождь, покрывая водой серый пейзаж. Если здесь и остались духи, они были несчастными. Это место в Олбане явно не трогали добрые силы.

— Если вы здесь, — прошептала я, — древние призраки, или кто вы, прошу, знайте, что я не хочу обидеть вас, проходя по месту вашей гибели. Я помню вас. И я прошу пропустить меня.

Я едва могла идти против ветра. Он терзал меня, из-за него слезились глаза. Я крепко прижимала к себе накидку, скрыла лицо за капюшоном. Я не знала, что бывает холоднее, но ветер доказал обратное. В нем были голоса, но не несчастные рыдания уриска, а крики о потере и поражении, о старых ошибках, которые уже не исправить.

«Услышь нас! — выли они. — Услышь наш зов! Наша кровь пачкает воду! Наши кости разбились о камни! Наши духи хотят справедливости!» — они окружали меня.

Я глубоко вдохнула. Ноги в починенных туфлях шли вперед. Но я слышала тихий и сильный голос бабушки, шепчущий на ухо: «Как бы ни было плохо, всегда есть, чем делиться. Не забывай, Нерин».

Боги, что можно отдать в месте, полном печальных призраков? Я едва ли могла дать им еду. Да и запасов было мало. Я шарахалась от криков. Я хотела убежать, спрятаться там, где их не будет слышно.

Каждый путник пробегал здесь, затыкая уши. Но мне нельзя так делать. Я не каждый путник. Отца не было, и путь теперь был моим. И куда он заведет меня, зависело от того, сколько смелости я найду в себе. Женщина из доброго народца говорила, что меня ждут испытания. Если я боялась сейчас воющих в ушах голосов, то я должна видеть это проверкой — первой из множества.

Я остановилась, едва противостоя силе ветра.

— Я слышу вас, — сказала я. — Чего вы хотите от меня?

Сквозь вуали дождя вокруг меня появились воины в броне, их волосы были растрепанными, а лица — белоснежными, тела покрывали раны, из-за которых они погибли. Крики сменились шепотом. Он исходил со всех сторон, одни и те же слова:

— Песня... Спой песню правды...

Я застыла, не в силах говорить, тем более, петь. Я знала. Конечно, я знала песню, но... Где-то среди воя ветра и голосов я слышала обрывок мелодии, которую словно насвистывали губами, давно забывшими вкус медовухи, поцелуя любимой и слов «Молодец» или «До скорого, друг».

Я знала мелодию, как звук биения своего сердца. Все знали. Но никто больше не пел песню правды, ведь король запретил ее. Я слышала, что женщину убили, поймав ее напевавшей мелодию, пока она работала на кухне. Так было не всегда. В старые времена народ гордо пел песню на фестивалях в деревнях, на собраниях кланов, на погребении старейшины или воина, а то и ребенка, не пережившего зиму. Для мужчин и женщин Олбана песня была родной. Она была в сердце каждого.

Тихий звук замер, словно тот, кто свистел, забыл мотив. И мне казалось, что если забыть ценный последний фрагмент, придающий всем нам сил, мы обречены. И я тихо запела:

— Земель Олбана я дитя...

Они тут же застыли, их глаза смотрели на меня, и песня разливалась, гремела, как гром, ведь двадцать, пятьдесят, сотни голосов подхватили ее. Мой голос стал зовом, ведущим вперед хор голосов воинов. Слова, что запретил король, слова, что я любила всем сердцем

вырывались из меня с силой, с которой огонь охватывал сухой хворост:

— Земель Олбана я дитя
Из кости, что хранит земля,
И как скала ее сильна,
Свободна сердца глубина.

Женою буду я с дитям,
А я рыбачу по морям,
Я песнь играю налегке,
И воин я с мечом в руке.

Закроет Леди вдруг огнем.
Лорд Севера сердца зажжет.
И Острова секрет хранят,
И сплю спокойно я в Тенях.

Я небо, но я и гора,
Я — песня, что не умерла.
Я травы, но я и моря.
Свободная моя душа.

Песня закончилась, воцарилась тишина. Воздух был полон ожидания.

— Что вы от меня хотите? — спросила я у призрачной армии, ведь песни не хватило, иначе они исчезли бы.

— Борись... — выдохнули они. — Бори-и-и-ись...

В призрачных глазах я видела пламя, словно желание борьбы не угасло за столько лет здесь, в месте их падения.

Бороться? Я?

— Я не воин, — сказала я. — Посмотрите на меня. Я... бродяга, никто, — я опустила голову, не в силах смотреть им в глаза. Их желание было сильным, может, оно и держало их в этом мире. Могло ли быть так, что только я остановилась и выслушала? Неужели только я слышала их крики? — Не могу... Я не знаю, что могу сделать, — прошептала я. Как я могу бороться? Величайший воин Олбана не выстоял бы против Кельдека. Они явно говорили с таким сражении. — Я хочу помочь, — я рискнула посмотреть на них, — но я бессильна.

А их лица, просиявшие надеждой после песни, начали угасать, их глаза уже утратили огонь... Как это вынести? Я опустилась, сжалась, закрыла лицо руками, их печаль ножом пронзала мое сердце. Я не могла на них смотреть.

Я замерла. В трещине между камнями у моих ног я увидела маленькое растение. Три побега с листьями нежно-зеленого цвета с одиноким цветочком, размером с ноготь на моем большом пальце. У цветка было пять лепестков, он был белоснежным, хрупким и прекрасным. Он не был похож на выжившего. Он был нежным среди бушующего ветра, холода и ливня. Только он жил в этом месте смерти и печали. Я не в счет.

Я поднялась на ноги и судорожно вдохнула.

— Я попытаюсь, — сказала я.

Призраки зарябили. Они стали выше, а на лицах вспыхнула надежда.

— Я не могу биться мечом и копьем, как делал мой брат, но я встану за правду. Не

знаю, как, но, обещаю, я найду способ.

Словно они безмолвно сговорились, каждый в призрачной армии прижал к сердцу сжатый кулак. И сквозь ливень донесся хор их голосов:

— Оружие острое. Спины прямые. Сердца высоко.

И они тут же исчезли, и где-то за тучами над горизонтом появилось солнце. Я была одна на берегу Скрытых вод, дрожала в мокрой одежде.

Я глубоко судорожно вдохнула и пошла дальше. Серая вода рядом со мной рябила. Сердце колотилось, ладони были липкими. Я слышала пение воинов, хор надежды и веры, мощный и неукротимый. А я была обычной девочкой, жизнь которой была страхом и прятками. Что заставило меня принять вызов, который я не могла исполнить? Я согласилась бороться за свободу Олбана. Это значило, что будет новый король. От мысли я задрожала. Это было ужасно. Самый сильный боец или маг не выстоит против Кельдека. Его сила была абсолютной. Сбор был не только для бедняг с даром, а и для тех, кто не слушался короля. Он затрагивал атаманов, что не подчинялись, как случилось с Дунканом из Среброводья. Людей заставили подчиняться. Железная хватка Силовиков была на всех. И если бы таких наказаний не хватило, у Кельдека было оружие сильнее — магия. Обычным людям запрещали использовать дар, ведь это было оружием короля, и он жестоко использовал эти силы.

Я поклялась бороться с этим мужчиной, чья сила была в сотни раз больше моей. Мне было пятнадцать, я осталась одна. Я устала, проголодалась и замерзла, мне еще далеко идти. Если Тенепад был там, где думал Фаррал, если он был тем, о чем он говорил — местом, где люди говорят правду, где у них свободное будущее без тирании. Я молилась, чтобы Тенепад оказался чем-то большим, чем отчаянная мечта, чья-то надежда, что когда-то будут силы восстать за правду.

Я должна сдерживать обещание. Я должна бороться, и первым шагом будет Тенепад. Призрачные воины верили в меня. Они показали свою веру. И я должна верить в себя и идти дальше. Петь песню. И оружие будет острым, спина прямой, а сердце — высоко. Один человек не выстоит против Кельдека и Силовиков. Но если нас будет достаточно, можно собрать армию.

Глава четвертая:

Ночь настигла меня у Глубоководья, самого длинного озера из цепи. Дубовый лес на берегах предлагал укрытие на несколько дней пути. За Глубоководьем была летняя крепость короля. Мне придется пройти рядом с ней по пути на север. Если много думать об этом, я потеряю свою смелость.

Я рискнула разжечь костер, ведь одежда промокла, и я не могла унять дрожь. Были места в лесу, где деревья были сухими, хотя высечь искру было все равно сложно. Руки дрожали от холода. Я сняла накидку Флинта — боги, как я раньше была без нее? — и разложила на камне у костра, где она сушилась вместе с моей туникой и блузкой. Я надела одежду, что оставил Флинт. Она была в моей сумке и промокла меньше, чем моя одежда.

Я пыталась собирать еду по пути, но результатом была лишь пригоршня сморщенных ягод и букетик трав. Я сварила из листьев настой и медленно пила. Наслаждаясь теплом каждого глотка. Закончив, я поставила котелок с остатками настоя рядом с тремя ягодами на листе. Мне не казалось, что меня преследуют маленькие ножки с того момента, как я вошла в лес.

Я укуталась во влажную накидку и собралась отдыхать. Дубы уже избавлялись от летнего одеяния, и я спала в листьях. Вскоре лес не будет безопасным укрытием. Я знала лес, я научилась многому, пока мы с отцом были в бегах. Чему я не научилась у бабушки о сборе припасов и укрытиях, это я раскрыла сама с отцом, пока мы пересекали горную местность, стараясь не попасть в беду. Мы оставались на одном месте всего на ночь или две, боясь, что наше присутствие привлечет ненужное внимание к тем, кто нас приютил. Мы никогда не говорили, почему Силовики заинтересовались бы нами. Часто они были близко, подходили, думая, что мы не узнаем их в их черном одеянии, хоть и без серебряных брошей и звякающей брони. Но мы знали: их плохие деяния оставляли за ними вонь. Мы умели раствориться в лесу, мы позволяли Олбану спрятать нас.

Пару раз народ шептался, что люди короля спрашивали о путнике с севера, мужчине с умелыми руками, идущему с дочкой, которая была еще юной. Кто-то видел их? Если да, то им сразу нужно было доложить Силовикам. Ложь влекла за собой наказание с печальными последствиями. Но находились смелые люди, что давали нам переночевать. Но не в последнее время.

* * *

Я шла день, два, три. Я подхватила кашель, и каждую ночь в лесу я просыпалась от спазмов и боли. Каждое утро я просыпалась, и было холодно и сыро, и было все сложнее переводить дыхание. Травы могли помочь мне, но они здесь не росли, и даже если я находила их, я могла заварить лишь простые настои.

Легко было надеяться в солнечный день, когда одежда была сухой, а живот — полным, а впереди ждал крепкий сон. И куда сложнее удержать огонек горящим, когда наступила осень, и шли дожди, а все деревья и кусты были мокрыми, земля хлюпала. Было еще сложнее, когда поднялись ветра, воздух стал холодным, и все животные искали укрытия.

Глядя на огонь одной из ночей, я поняла, что скоро буду в большой беде. Голова кружилась от голода. Грудь болела. Мне было холодно, даже если я шла весь день, карабкалась по камням, пересекала ручьи и пряталась, заметив человеческую активность. В

лесу были тропы местных жителей, места, где свиньи питались орехами и кореньями, где люди жгли уголь или собирали хворост. Чем ближе я была к Летнему форту, тем сложнее было оставаться невидимой.

Я добралась до места, где тропа спускалась по холму, и пространство стало шире на берегу озера. Дорога была твердой, подходящей для телег и всадников, и она была людной. Среди людей были Силовики, большинство шли на восток. Они могли ехать в Летний форт. Может, хотят доложить о прогрессе Сбора королю Кельдеку, если он еще был там. Он бы гордился ими.

Было страшно видеть их так близко. Я держалась вдали от дороги, двигалась как можно тише. Один неверный шаг, одна треснувшая ветка, и меня тут же схватят, заставят отвечать, что я делаю здесь одна.

Четыре дня, пять, а Летнего форта видно не было. Вокруг падали листья, ветки становились голыми. Слишком долго. А если я не дойду до наступления зимы? Но я не могла подходить к дороге. Там с раннего утра были Силовики. Если я подойду, меня выдаст кашель. Я нашла яму, в которую поместилась бы лиса, и спряталась там, надеясь, что они пройдут, освободят мне путь. Я ждала, а небеса разверзлись, пошел дождь. Я пряталась под накидкой Флинта, смотрела на дорогу, где поток путников замедлился, но не исчез. Вода заполняла яму, в которой я пряталась. Я промерзла до костей.

Огонь разжечь не вышло бы. Не было сил искать еду. Я не помнила, когда я была сытой. Казалось, я никогда уже не буду сухой и согретой. Я ругала умершего отца, ругала, что он решил, что игра могла все изменить.

— Был бы ты здесь, — прошептала я холоду, свет угасал, а дождь превратился в туман вокруг меня. Он не мог остановить дождь, у него не было дара. Он не мог наколдовать ужин из ничего или остановить Силовиков. Но если бы он был здесь, я не была бы одна.

Я оставалась там ночь и день, а на вторую ночь дождь прекратился, и я рискнула идти в темноте. Руки и ноги были скованными, как у старушки. Я пробиралась сквозь лес, стараясь не кашлять. Каждый шаг казался очень шумным, сообщал всему миру обо мне. Может, у Кельдека были дозорные на холме. Может, Силовики, что проезжали вчера, ждали меня за углом. Когда надо мной пролетела сова, я шарахнулась в страхе.

Путь был бесконечным. И почему я пообещала бороться? Я могла едва переставлять ноги. Я просила себя помнить песню. Но, казалось, это было очень давно, и я была слишком уставшей.

Наконец, наступил влажный рассвет, в сотне шагов передо мной была огромная долина Раш, река текла из гор в Глубоководье. Я пересекла холм и с вершины смотрела на каменную стену Летнего форта. Всюду должны быть стражи.

Сзади раздался голос, и я испуганно подпрыгнула.

— Тебе хочется есть и сварить похлебку.

Я развернулась, а в тени влажных папоротников оказались две фигурки. Женщина в зеленом платье с капюшоном — Шалфей. Странное существо с листьями на теле — Сорель. Он протянул руку, я не двигалась.

— Похлебка? — прохрипела я, думая, как приятно было бы обхватить руками теплый котелок, согреть горло горячим супом. — Здесь нельзя разводить костер. Мы слишком близко к Летнему форту. Они увидят дым. И нам нужно говорить тише.

— Все еще идешь на север? — Шалфей пронзала меня взглядом.

Я говорила им об этом?

— Дальше по долине Раш.

Женщина посмотрела на спутника, они взглянули на меня.

— Далек ты в таком состоянии не уйдешь, — сказала она. — Выйдешь из леса, упадешь, а там люди короля тебя схватят. Если не примешь помощь, когда ее предлагают, то будешь глупее, чем я о тебе думала.

— Я должна идти, — прошептала я.

— Не без теплой похлебки, — сказал Сорель. — Иди сюда.

— Я говорила...

— Айе, мы слышали. «Они увидят дым». От твоего костра — да. Но не от моего.

— Идем, девочка, — сказала Шалфей, схватившись за край моей накидки костлявыми пальцами. — Ты вся продрогла. Это не далеко.

Их костер был выше на холме, за большими валунами. Он был таким маленьким, что я сомневалась, что он согреет хотя бы жука. Дыма не было совсем. Но огне стояла маленькая чашка, и Красный колпак помешивал длинной палкой содержимое. Он все еще был с перевязью. Я видела выглядывающие оттуда ушки малыша. Других видно не было. Я забралась в убежище и поняла, что ошиблась, ведь огонь окутал теплом мое замерзшее тело. Я опустила сумку, сняв с плеча сумку.

— Айе, вот так, — сказала Шалфей, глядя, как я протягиваю руки к костру. — Нельзя идти, пока на пути люди короля. Лучше тебе согреться и поесть.

Я не успела ничего сказать, а Красный колпак разлил грибной суп из чашки в маленькие миски, сплетенные из листьев. Он сунул одну мне в руки.

— Ешь, — посоветовал он и принялся за свой ужин. Сорель выпил свой суп из миски. Шалфей ела неспешно ложкой из шапки желудя.

Я замерла, сглотнув, помня сказки о людях, что уходили в королевство доброго народца, пробовали там еду и не могли вернуться.

— Ешь уже, — попросил Сорель. — Девочка, ты же кожа да кости.

— Вреда не будет, — сказала Шалфей, поняв, почему я медлю. — Ешь на здоровье.

И я ела, хотя глотать больным горлом было сложно. Было вкусно. Было удивительно, что из такой маленькой кружки еды может хватить на четверых. Когда Красный колпак доел свою порцию, он ослабил перевязь, вытащил ребенка, усадил на колени и скормил остатки своего супа, макая в него пальцы и давая младенцу слизнуть юшку.

Когда я доела, я вскочила на ноги.

— Я должна идти, — сказала я, хотя хотелось остаться у костра. — Спасибо, что помогли...

— Встало солнце, — заметил Сорель. — Люди короля в дозоре. А ты вся промокла. Подожди, обсохни, посмотри, кто идет по дороге. Если будешь бежать на открытую местность, не делай это необдуманно.

— Лучше спешить, — сказала я. — Пока я не утратила храбрость.

— Тебе нужен план и разум, — сказала Шалфей. — Слушай его, Нерин. Отдохни, высуши одежду, приди в себя.

Я снова села, точнее, меня подвели ноги.

— Откуда вы знаете мое имя?

Она посмотрела на меня.

— Мы знаем то, что знаем, — сказала она, толком не ответив.

— А где те, что были с вами раньше? Сильвер и мужчина в шапке из скорлупы?

Остальные?

— Ах, — Шалфей протянула руки к огню. Она смотрела на костер. — У нас, как ты бы сказала, возникли разногласия. Мы втроем пошли по этому пути. Остальные... пошли за Сильвер, как и всегда.

Это из-за меня? Я стала причиной их ссоры? Я надеялась, что это не так.

— Мы одиночки по своей сути. Нам не по себе, если нас больше двух. А если нас больше трех, начинаются ссоры.

— Но вас трое.

— Айе, три — не плохо. В старых сказках постоянно встречается три. И мы не похожи на твой народ, — она оглянулась на спутников. — Сильвер и ее прихвостни хотели оставить тебя одну. Чтобы ты справлялась сама.

— Правильно, — сказала я, — хотя сегодня я рада вашему огню, вашей еде и вашей компании. Закон короля все это запрещает. Вам нужно уходить домой и оставить меня.

— Домой? О чем она, Шалфей? — будь у Сореля брови, он бы точно вскинул их.

— Я не знаю, Сорель. Старый дом под землей? Или новый дом со стенами и цветами вокруг? — Шалфей не сводила с меня взгляда. — А как ты думаешь, Красный колпак?

— С таким королем, — сказал Красный колпак, — у нас больше нет дома, как и у тебя, девочка. Все мы в пути, буря водит нас, куда ей вздумается, — он говорил, пряча ребенка в перевязь осторожными движениями.

— Простите, — сказала я. — А что за старый дом под землей? Это... убежище? Портал в ваш мир? — по слухам добрый народец ускользал в свой мир, который не могли видеть люди.

В их глазах стояла печаль.

— Все мы — дети Олбана, — сказал Сорель. — Мы живем в одном мире с тобой, девочка. Мире жестокого короля, мире никудышных людей с уловками. А другое место, айе, реально. Это убежище. Многие из нашего вида ушли туда, увидев деяния вашего короля. Мы с Сорелем и Красным колпаком могли сделать то же. Но мы малы. Чаще всего нас не видят.

Я задрожала, но уже не от холода.

— Мне лучше уходить поскорее. Из-за меня вы в опасности.

— Из-за твоего дара, айе.

— Потому я и в бегах. Нас с отцом давно предупреждали, что Силовики будут искать меня. И мы научились прятаться в лесах и горах. Мы научились прятаться, быть невидимыми, обычными. Хотя пару раз меня чуть не поймали.

— Это мы слышали, — сказала Шалфей. — И становится интересно, что же за дар их так интересует. Сбор, конечно, сильно сократил число людей с искрой знаний, но это... что-то другое.

Будь она человеком, я бы с ней об этом не говорила. Но я начинала думать о Шалфей, как о друге. И она уже многое обо мне знала.

— Мой дар позволяет видеть вас, даже когда вы прячетесь в камнях, кустах или воде. Я знаю, что большинство не видит вас, пока вы сами им не покажетесь. Это простой дар.

— Так ты думаешь? — Шалфей вскинула брови.

— Не вижу в нем опасности. И не понимаю, почему Силовики ищут меня, — я помнила день, когда мы услышали, что они могут искать меня. Это было шокирующей и ужасной новостью. Но мы с отцом еще страдали после потерь, и мы просто поблагодарили информанта за тихое предупреждение и ушли. — Они могут дальше искать меня, так что я

должна двигаться. Но вы правы, будет глупо бежать без плана. Если думаете, что моя одежда высохнет... — я посмотрела на огонек.

— Мокрее они точно не станут, — заметила Шалфей. — Большую накидку повесь на камень, шаль зацепи за ветку, посиди тут еще немного. Потом мы поднимемся и посмотрим.

— Откуда это у тебя? — спросил Сорель, глядя на накидку.

— Почему вы спрашиваете?

— Это не правильно. Что-то в ней не так.

— Это мужская накидка. Мне дал ее прохожий в Темноводье.

— О, айе, — сказал он, но я видела, что он порой поглядывает на черную шерстяную накидку, словно пытался что-то понять.

У них были вопросы, и я отвечала, сколько могла. Я рассказала им об уриске, о том, как лежала, как бревно, пока не взошло солнце. Я рассказала, как ко мне пришли все мои печали из-за этого скорбного голоса, как я заставила себя вспоминать хорошее, чтобы не поддаться мольбе. Я не говорила о Флинте. И не упоминала Тенепад.

Когда я замолчала, они переглянулись тяжелыми взглядами. Шалфей вскинула семь пальцев. Сорель — два пальца. Красный колпак кивнул. Но когда я спросила, что это значит, они занялись костром и промолчали.

* * *

Дождь утих, стало видно клочки чистого неба, и солнечный свет падал на ветки дубов, где листья отчаянно цеплялись, не желая опадать. Одежда высохла, и можно было не удивляться, что огонек моих спутников справился с задачей. Шалфей ушла в лес, вернулась позже с букетиком трав, что ускользали от меня. Красный колпак сварил чай, чтобы полечить мое больное горло.

— Далеко с таким кашлем ты не уйдешь, — сказала Шалфей, глядя, как я пью. — Если не можешь быть тихой, как можно прятаться от тех, кто навредит?

— Я буду держаться вдали от ферм, пока кашель не пройдет.

— В долине Раш съедобного мало, — сказал Сорель.

— Какое-то время буду в порядке. Вы хорошо меня накормили.

Они не скрывали свое мнение, что я далеко не в порядке, но промолчали.

— Я могу за себя постоять, — заявила я. — Вы сказали, что мы можем подняться и осмотреть долину. Можно сделать это сейчас?

— Айе, можем.

Они привели меня к пункту наблюдения, защищенному камнями. Отсюда я видела просторную долину Раш. Река замедлялась в этой части, разделяясь на три ручья, что впадали в Глубоководье. И там, за ручьями, на берегу озера стоял Летний форт — большая крепость из камня. Стена закрывала другие здания, внутри точно было много воинов и слуг, чтобы содержать здание летом. Наверху не реяло знамя. Я выдохнула, понимая, что короля там нет.

Когда мы впервые покинули деревню, точнее, то, что от нее осталось, мы с отцом спускались в долину Раш, шли через этот лес и дальше. Я не ожидала, что пройду по этому пути снова. Потрясенная шоком и горем, я думала о побеге, о том, что нужно прятаться, держаться как можно дальше от Леса воронов. Когда мы с отцом смотрели на Летний форт, воины исполняли маневры верхом на конях, двигаясь по широкому пространству земли, ставшему им тренировочной площадкой.

— Готовятся к Собранию, — прошептал тогда отец. — Кельдек сделал это. Поставил на

наши сердца печать. Праздники? Игры? Теперь лишь кровь и страх, в такие игры никто не хотел бы играть. Идем, Нерин, — мы шли, как пара призраков, безмолвные и тревожные. Я не просила подробностей, отец не говорил.

Теперь отца не было, а я была в пути, о котором никогда не думала. Мимо Летнего форта так просто не пройти. За последние три года окрестности крепости очистили от деревьев. Там, где были березы и буки, смягчающие камни, остались лишь пеньки. Несколько проросло с надеждой, и листья покачивались в холодных пальцах осени.

— Эти деревья не укроют, — отметил Сорель. — А там вода. Вброд не перейти, пешком не обойти. Придется пройти по королевскому мосту.

Да. Из-за дождя Раш стала шире. Ручьи размыли берега, ручьи казались широкими и глубокими. Если я пойду вброд, меня заметят дозорные из башни форта. А еще меня могло сбить потоком, и я могла утонуть. Отсюда не было видно королевский мост, но я знала, что его всегда охраняют. Когда мы с отцом шли по долине, дозорные пропустили нас. Теперь я понимала, почему, а тогда не смогла думать об этом. Может, мы с отцом выглядели бессильными, разбитыми горем. Не опасными.

— Лучше сочинить историю, — предложила Шалфей, — и все отрицать. Пройти по дороге с поднятой головой, а когда попадешь на мост, не отрицать своего мнения. Это будет рискованно.

— Рискованно, айе, — встрял Красный колпак. — Но не так, как пытаться пробежать мимо и попасться на глаза. Если люди короля тебя поймают — все кончено.

— А другого пути через реку нет?

Они переглянулись, но промолчали.

— Другого моста повыше? Другого пути, что приведет меня в Три карги?

Сорель прочистил горло.

— Может, и есть.

— Как туда попасть? — и почему они о нем умолчали?

— Нужно подниматься по этой стороне Раш полдня, — сказал Сорель. — Есть тропа. Народ постоянно по ней ходит.

— Куда она ведет? — спросила я, слыша опаску в тоне Сореля. Глаза Шалфей были тревожными. Красный колпак чесал мохнатую голову, словно думал, что я сумасшедшая. Точно была причина, по которой о пути умалчивали.

— Никуда, — сухо сказала Шалфей. — Ты не захочешь там идти. Люди не пересекают эту тропу. Твой народ.

— Но там есть мост?

— О, айе. Если так можно сказать, — весомая пауза, и Шалфей добавила. — Делай, как считаешь лучшим, девочка. Можешь пойти по широкой тропе, надеясь, что тебя не остановят. Можешь выбрать маленькую опасную дорогу, надеясь, что это не глупый риск.

— Куда мне идти?

— Ах, — сказала Шалфей. — Не мне выбирать.

Время шло. Если я не поспешу, застряну здесь на ночь. Я должна пройти до сумерек фермы.

— Я спрашиваю не выбор. Я прошу совета! — я поняла, что это прозвучало резко. — Прошу, — мягче добавила я.

— Это твой путь, — сказала Шалфей. В ее голосе была усталость. — Ты выбираешь, даже если и плохо.

— Если хочешь мой совет, — добавил Сорель, — я бы взял с собой нас троих. Любой путь проще, если ты не один.

Я сморгнула слезы.

— Вам нельзя покидать лес. Я иду на открытую местность, там лишь камни да холмы. Там холодно. Я могу обмануть стражей одна, но они заметят, что вы... другие.

Они заухали от смеха.

— Тшш! — зашипела я. Боги, они привлекут так всех дозорных долины.

— Ты забываешь, — сказала Шалфей, — что мы можешь прятаться. Обычный человек увидит вместо нас камни, воду или листья. Если бы мы так не умели, мы бы не прожили в Олбане и до тех времен, когда твоя прапрабабушка была малюткой в колыбели.

Спорить было не о чем. Люди Олбана, в основном, не видели добрый народец. Не все были такими, как я.

— Порой мне кажется, что мой дар — проклятие, — прошептала я. — И он приносит лишь беды. Прошу, не ходите за мной, это подвергнет вас опасности.

— Точно, — сказала Шалфей. — Мы знаем, что ты хотела идти одна, может, так и будет. Иди и найди то, чего ищешь.

Они таяли на моих глазах, сливаясь с тенями леса.

— Прощайте, — сказала я, закинув сумку на плечо. — Спасибо за вашу доброту, — но они уже ушли.

* * *

Я выбрала путь, что был ближе. Маленький мост, о котором не хотел говорить добрый народец, был не так опасен, как королевский со стражей, да и на широкой дороге меня видели бы все, кто проезжает. Темно-серая накидка Флинта хорошо сливалась с камнями. В отличие от другого пути, этот шел выше долины, вдоль холмов. Так можно было хоть немного укрыться от дозорных. Конечно, дозорных могли поставить и так, чтобы было видно всю долину. Я должна быть готова ко всему.

Дым поднимался от очага где-то выше. На камнях устроились низкие дома, прижавшиеся к земле от ветра и дождя. Они были меньше, чем фермерские в долине. Ниже животные паслись на траве, было видно ухоженные овощи. И было видно людей — девушка пасла овец с двумя собаками, слушающих ее свистка, мужчина грузил телегу большими мешками и собирался к Летнему форту. Я старалась быть тенью, ничем, продолжением камней. Не смотрите на меня — просила я их.

Я шла какое-то время, проходя скромные домики, прячась, когда выходила женщина, выходила с зерном к курам, когда мимо проезжал мужчина на худой лошади с ребенком в седле перед собой. Я подождала, пока он исчезнет из виду, выбралась и пошла дальше. Я видела ниже королевский мост: стражи на обеих сторонах и поток народа.

Позже ниже появились Силовики, они двигались к Летнему форту. Они ехали по парам, и я сжалась за покосившимся домиком, пока они шли мимо, боясь, что кто-нибудь из них оглянется и заметит меня. Хорошо, что я не пошла по тому пути. Эти мужчины несли за собой тень. Так они и ушли из моей деревни три года назад — собранные, отвернувшиеся от того хаоса, что сотворили. Отвернувшись от костей и пепла, крови, искаженных тел и разумов, оставшихся там, где народ жил, работал и растил детей многие годы. Они сделали это из-за нее, из-за бабушки и ее дара. И я пряталась и смотрела, видела страшное. Если бы меня поймали сегодня или завтра, если бы я столкнулась с Силовиком, я бы заперла эти воспоминания, чтобы они не отразились в моих глазах. Я бы закрылась от них, чтобы это не

заставило голос дрожать. Я бы врала так, как никогда не врала.

Я сочинила историю. Я была сиротой, отец-рыбак утонул недавно в море. Я шла домой к родственнику, что жил в поселении на севере. Меня звали Каллой, а поселение я назвала Каменноводьем.

Это было почти правдой. Наша деревня была на севере, хоть и не так далеко, как Тенепад. Но когда мы все потеряли, мы с отцом отвернулись от нашего дома. И время, когда Силовики пришли в нашу деревню, было так давно, что казалось сном или сказкой. Я представила, как мама сидит у моей кровати, напевает мелодию, а я засыпаю. Ее волосы блестели в свете лампы, глаза были синими, а лицо... Я не помнила ее лица. Отец говорил, что я похожа на нее, но изнуренные черты лица, что я видела в воде, когда склонялась попить, точно имели мало общего с ней. И хоть я не помнила ее лица, я помнила, что она была веселой, часто улыбалась и пела. Я была почти рада, что она ушла, ведь Олбан уже не был мирной землей, как во время моего детства, и если бы она выжила, она бы не могла радоваться.

Думая о маме, я завернула за угол, а навстречу мне шел мужчина.

Глава пятая:

Он схватил меня, крича, но не слова, а странный лепет. Его хватка была крепкой, как сталь.

— Пустите! — выдохнула я. — Прошу.

Мужчина развернул меня и прижал к груди. Его странный голос говорил и дальше, но я не могла его понять.

Сквозь страх и шок пробилось воспоминание.

— Все хорошо, — сказала я, дрожа, хотя руки мужчины впивались в мои руки, а его голос был оглушительным и тревожным. Я старалась говорить успокаивающе, словно говорила с ребенком-переростком. — Я не наврежу. Я никому не наврежу. Прошу, отпустите.

Новые звуки были громче. Держа меня, как тряпичную куклу, он пошел по дороге. Сердце колотилось. Я едва дышала. Его рука обвила мою шею, с каждым его шагом мои ноги отрывались от земли. Мы шли к дому, что был рядом с дорогой. Несколько других зданий виднелось впереди, и пока мужчина выкрикивал свой бред, я увидела, что в одном открылись ставни, в другом приоткрылась дверь, словно народ хотел узнать, что происходит, но боялся выйти. Я не звала на помощь, не могла, ведь меня душили. Меня оттащили к двери домика.

— Мава? — позвал он. — Мава, гетты? Ше де! Де! — он ударился плечом в дверь, и она содрогнулась. От силы удара затряслось и мое тело, голова кружилась. Перед глазами плясали точки. — Мава! — закричал он. Я слышала в его грубом голосе злость, он вдохнул, готовясь снова ударить дверь. Он не успел, послышались спешные шаги с тропы, огибающей домик, и появилась женщина с белым лицом, поднявшая юбки, чтобы бежать быстрее.

— Гаррет, нет! — закричала она. — Пусти! Друг, Гаррет, она — друг.

— Дев! — сказал он снова, но руки уже не душили меня, а голос был тише. *Девочка. Я нашел девочку.* Наверное, так можно было понять его слова. Боги, лучше бы это было не так.

— Можешь отпустить ее, Гаррет. Она не ранит меня.

— Раа... — он ухватился за слово из речи женщины.

— Я не обижу ее, — сказала я, голос был хрипом. — И вас тоже. Пустите. Прошу.

Женщина поравнялась с нами, убрала от меня его руки и заглянула в его лицо, чтобы он слышал:

— Друг. Нет вреда. Гаррет, внутрь, — она открыла дверь и загнала его в дом, а потом оглянулась на двери и окна, в которые точно подглядывали соседи.

— Мне лучше пойти, — пробормотала я. — Из-за меня проблемы, — я закашлялась.

— Внутрь, — она взяла меня за руку, завела в дом и закрыла за нами дверь. — Прости. Мой муж тебя ранил?

Я замерла, а она укуталась в шаль и вскинула голову, словно с вызовом. Она оказалась юной, не намного старше меня. Но на ее лице отражалась тяжелая жизнь.

— Я в порядке, — сказала я, хотя после хватки Гаррета на руках выступили синяки, а горло болело. — Он не ранил. Я должна идти. Мне лучше не быть в вашем доме, — я посмотрела на ставни. Гаррет сидел на полу у закрытого очага и пытался построить из хвороста башню.

делать, — она подняла голову, вскинув взгляд к балкам, и я заметила там что-то неожиданное: красивую арфу размером до колена, висящую на струнах.

— Твоя? — спросила я у нее, удивляясь, когда она успевает еще и играть на ней.

— Гаррета. Раньше он хорошо играл. Люди приходили послушать его, — в ее ровном голосе было море боли. — Это привлекло их внимание. Он играл так красиво, что некоторые подумали, что это... дар, — ее голос дрогнул. — И Силовики пришли за ним, но увидев, что он сильный, они не убили его. Они хотели сделать его послушным королем, сделать его воином. Думаю, ты слышала, что они делают. Скребки разума, — ее голос стал шепотом.

Я не только слышала, но и видела это, когда была в доме бабушки и могла только поскуливать едва слышно. Я кивнула, думая, что Мара готова говорить со мной открыто.

— Они вернули его таким на следующий день. Он не был ни воином, ни тем мужчиной, каким был раньше, но... — Мара замолчала, глядя, как Гаррет толкает машинку. — Людям сложно это понять, — сказала она. — Он едва спит по ночам. Я пою ему, рассказываю сказки, укачиваю. Если повезет, он уснет к восходу солнца. А арфу я спустить не могу, он ее сломает.

— А кто такой Брендан? — спросила я, зная, что это не мое дело, но захотев вдруг показать ей, что она не одна.

— Наш сын. Я отправила его в деревню мамы. Гаррет скучает по ему. Но это слишком опасно. Он не осознает своей силы. Они хотели сделать его послушным. Но порой их магия дает осечку, забирает часть человека, и ее уже не вернуть, — она опустила нарезанные ингредиенты в чашку и добавила воды из котелка, свободной рукой шлепнув по пальцам любопытного мужа. — Нет, Гаррет, горячее! — она помешала смесь деревянной ложкой. — Брендану только три года. Ему лучше быть подальше отсюда. Мы его редко видим.

— Видеть Беха! — настаивал Гаррет. — Беха! — он затопал ногами.

У камина была корзина с соломой, наверное, для животного. Я зачерпнула пригоршню, начала сплетать соломинки, притворяясь, что не вижу в соломе яркие глаза, что точно не принадлежали коту или кролику.

— Смотри, Гаррет. — сказала я. Он тут же сел рядом со мной, следя за моими движениями. Я сплетала соломинки, чтобы получилась фигурка с ручками, ножками и головой, а потом отдала ему. — Гаррет, — сказала я. — Мужчина, — я сделала еще одну фигурку с длинными волосами, но меньше размером. Мара села, безмолвно глядя. Я не знала, как давно хоть кто-то общался с Гарретом, как давно она могла немного отдохнуть, зная, что он в порядке. Я вспомнила бабушку в последний год, когда отец уходил в поля работать, а я ухаживала за ней. Усталость дороги была ничем, по сравнению с изнурением бесконечных дней и ночей слезки. Она редко пала дольше часа. Она не управляла телом. Она могла ходить и рыдать, а я в глубине души задавалась вопросом, есть ли в бабушке еще искра той мудрой женщины, какой она была.

— Мара, — сказала я, отдав Гаррету вторую фигурку. — Женщина.

Гаррет улыбнулся. Он потанцевал куклами у своей ноги, посвистев, пытаясь напевать.

— Беха! — попросил он. — Дай Беха!

Я делала маленькую фигурку Брендана и представляла сына Мары и Гаррета в пятнадцать лет, юношу, ищущего путь в мире. Я представила его в двадцать пять лет, с женой и детьми, он едва знал родителей.

— Брендан, — сказала я, вложив в ладонь Гаррета фигурку. — Твой сын. Твой мальчик. Из корзины на меня смотрели, не мигая, странные слова. Может, эта грустная пара не

была одна. Слышался шорох.

— Мышь, — слишком быстро сказала Мара. — Они всюду осенью. Хочешь медовухи? Согреешься.

Я встала на ноги. Теперь Гаррет был рад своей соломенной семье.

— Спасибо. Мне нельзя задерживаться, — Мара посмотрела на меня, на столе стояли три чашки, от которых поднимался пар. — Вы очень добры, — добавил я. Про бабушку я ей рассказывать не буду. Ей не нужно было знать, что я понимала слишком хорошо, как бывает, когда родного человека доводят до такого. — Я ценю твою смелость и доброту.

Мара обхватила руками чашку.

— Не очень-то добрая, — прошептала она. — Порой я смотрю на него и желаю... не важно.

— Это сложно, — я два времени года ухаживала за бабушкой, пока лихорадка не убила ее. Гаррет выглядел здоровым и сильным, он мог прожить до сорока лет.

— Он мой муж, — сказала она с убивающей простотой. — Я все, что у него есть.

* * *

Вскоре мои запасы пополнились подарком в виде хлеба и сыра, которые Мара настояла, чтобы я забрала, и я была на пороге ее дома, укутанная в свою накидку, с сумкой на плече.

— Я бы укрыла тебя здесь, если бы могла, — сказала она. — Но люди не доверяют нам. Если бы они не боялись Гаррета, они давно прогнали бы нас.

— Ты уже дала мне больше, чем многие люди, — сказала я. — Мне лучше уйти. Как далеко мост?

Мара побледнела.

— Ты о старом мосте? Который там? — она кивнула на север, на тропу.

— Точно.

— Никто туда больше не ходит, — тихо сказала она. — Река выбросит тебя на берег мертвой. Там не перейти.

Сердце сжалось. Я оглянулась на долину с королевским мостом, который стал единственным выходом. Стражи проверяли всех проходящих. Их оружие блестело в свете тусклого осеннего солнца.

— Придется попытаться, — сказала я. — Прощай, Мара. Спасибо.

— Боги сэберегут тебя в пути, — прошептала она.

Вдруг за ней появился Гаррет. Он сунул соломенную семью за воротник рубашки, их безликие головы слепо смотрели на меня. Он издал звуки, которые я посчитала прощанием.

— Прощай, Гаррет, — сказала я, выдавив улыбку. — Ты хороший, я желаю тебе счастья.

Из одного из домов послышались голоса, Мара втащила меня в дом.

— Погоди, — пробормотала она.

Из дома вышли двое мужчин. Они говорили дальше. Один вернулся в дом, а другой пошел по дороге к нам. Мы ждали, дверь закрылась до щели, мы молчали. Мужчина прошел мимо дома Мары, не глядя на него, и исчез в стороне, откуда я пришла. Я выдохнула.

— Иди, — сказала Мара. — Другие вряд ли тебя тронут, но этот парень, что прошел. Донал, доложит, что видел в этом крае незнакомку. Поспеш.

— Доложит, — повторила я. — Кому?

— Дозорным. Стражам. А потом все равно это дойдет до Силовиков, — ее голос был плоским.

Я напряглась.

— Я принесла беду, — сказала я.

— У меня есть история. И Силовики знают Гаррета. Он защитит меня по-своему, — она замешкалась. — До старого моста идти долго. Но у тебя нет выбора, ведь Донал пошел к Летнему форту. Не иди через мост ночью. Это место... Там есть существо. Под ним. Говорят, что оно никого не пускает.

Силовики и существо под мостом. Я знала, что выбрать.

— Спасибо, Мара, — сказала я. — Удачи.

— Безопасного пути, — и дверь со скрипом закрылась.

* * *

За домами дорога стала крутой. Мои починенные фейри туфли еще были целы, но ноги вскоре устали. Сумка была такой тяжелой, словно я набила ее камнями. Облака закрыли солнце, грозя пролиться ночью дождем. Я продолжала кашлять. Так можно было звенеть в колокольчик, приманивая людей к себе. Я не останавливалась, чтобы отдохнуть, ведь казалось, что если я сяду, то уже не смогу встать. Я надеялась, что мое решение побыть в домике Мары не будет стоить мне шанса пересечь мост дотемна.

Мне повезло, и я знала это. Гаррет мог убить меня на месте. Мара могла заставить его удерживать меня, пока она звала бы Силовиков. И на награду они с Гарретом запаслись бы едой на всю зиму. Многие люди не мешкали бы.

Я шла дальше. Я никак не могла помочь ей, ничто не могло сделать Гаррета снова здоровым, целым, каким он был раньше. Сделавших это с ним официально называли Поработителями, и по имени было ясно, что они подчиняют людей, делая послушными рабами короля. Если что-то шло не так, то человек становился таким, как Гаррет, ребенком вместо взрослого мужчины.

Скребок разума был пыткой. Из всех ужасов, с которыми столкнулся народ Олбана, этот был хуже всех. Бабушка говорила мне, что это было древним искусством, когда-то было силой добра. Я с трудом ей верила. Она говорила, что раньше этих людей называли целителями разума. Это был дар необычной силы, он был лишь у горстки людей Олбана. Шли годы, их рождалось с этим даром все меньше, и еще меньше знало, как им пользоваться, пока не забылись все они.

Целитель разума мог коснуться головы спящего и пройти в его мысли, этот дар не отличался от Поработителей. Но целитель не искал власти. Он помогал. Мог успокоить, избавить от горя. Мог отвлечь умирающего, дать надежду отчаявшемуся. Дар целителя приходил в виде снов, которые могли появляться столько ночей, сколько требовались. Спящий не помнил эти сны, как говорила бабушка, но они помогали.

Поверить становилось еще сложнее, когда я увидела, как бабушка пала жертвой Поработителей. Та ночь показала мне жестокость скребка разума. Я знала и любила бабушку — сильную и мудрую старушку, душу компании. Я видела, что от нее осталось. Если исцеление разума и было, то в забытые времена, в королевстве света и добра. Но я подозревала, что это выдумали, чтобы успокоить меня. Как исцеление разума могло стать злым искусством скребка разума, не могла объяснить даже бабушка. Все, что она сказала, что Кельдек использовал магию по-своему. Даже если один целитель разума еще существовал, когда он взошел на трон, король мог захватить его и заставить служить своим интересам. И тогда дух целителя разума был мрачным.

Я шла, а путь становился еще круче. Долина реки сужалась, и главная тропа виднелась бледной лентой, а Раш была уже близко к холму, по которому я спускалась. Свет угасал. Я

надеялась, что мост недалеко. Меня сдавил спазм, я перестала кашлять, согнулась. Как больно! Когда это прошло, я поправила сумку и услышала в тишине шаги за спиной. Сердце панически билось, холодный пот лился по лицу. Я заставляла себя дышать.

Шаги затихли. Не человек. Шаги были крошечными. Только бы это не были Шалфей и ее друзья.

Я шла дальше. Ноги болели, спина болела, голова кружилась. Ноги дрожали. Чертова слабость! Я должна успеть вовремя. Если я пересеку реку, если доберусь до дороги за долиной, то смогу укрыться, а там дойду до Трех Карг, не останавливаясь. Я задрожала, ветер поднимался.

Не думай о мосте, Нерин. Не думай о темноте, ветре и падении.

Тропа шла наверх, склон справа стал утесом. Ниже ревела река Раш между берегов, словно пыталась вырваться. Я пересекла вершину и замерла, ведь тропа резко уходила вниз. Вдали виднелся мост.

Раш огибала утес. На другой стороне реки были странные камни, и я вспомнила сказки бабушки о каменных монстрах, что злились и убивали прохожих. Трещину между утесом и каменным скоплением в пятьдесят шагов покрывало одинокое бревно. Оно было из ствола большого дерева, я не представляла, кто его сюда приволок, как его срубили. Наверное, поработали древние боги. Дерево лежало высоко над бушующей рекой.

По шагу за раз, Нерин. Сначала дойди туда, потом перейди, не смотри вниз.

А потом можно будет и устроиться на ночлег. Старые камни были полны выступов, и там росли растения среди трещин. Я могла спрятаться там.

Снова осторожные шаги.

— Не ходи за мной, — тихо сказала я. — Это опасно.

Кто-то закричал. Голос мужской, и шаги мужчины прозвучали вблизи за мной. Сердце стучало в горле. Я спотыкалась и скользила, глядя на темную линию моста. Один неверный шаг, и я улечу в ледяные воды Раш.

— Внизу! — крикнул кто-то. А другой голос сказал:

— Не упустите ее из виду!

Беги, Нерин!

Я вдруг увидела валун, загородивший путь.

— Стой! — взревел кто-то уже ближе. Я обошла помеху, ноги шатались. Я не оглядывалась и не смотрела вниз.

Двадцать шагов до моста. Над рекой поднимался туман, путь передо мной был темнее. Ноги скользили на камешках. Я старалась удержать равновесие, сердце колотилось. Чуть впереди путь расширялся. Один конец ствола цеплялся за край корнями, другой лежал на камнях на том берегу. А далеко внизу бушевала Раш.

— Ты! — голос был прямо за мной, всего в десяти шагах. — Стоять, или я выпущу стрелу тебе в сердце!

Глава шестая:

— Беги, Нерин!

Вдруг рядом со мной оказался Сорель, хотя я не знала, откуда он взялся. Веточки на его теле торчали, как иголки у защищающегося ежа.

— Быстрее! — голос Шалфей я узнала бы всюду. Обернувшись, я увидела ее, маленькую, в зеленом, сжимающую посох, стоящую рядом с Сорелем. — Двигайся, девочка! Перебеги мост, не оглядываясь.

Я побежала. Пять шагов, десять, и я была у моста. Три каменные ступени вели к большому бревну. Я взбиралась по ним, а жуткий свет вспыхивал позади меня, мужчина изрыгал испуганные ругательства. Через миг зазвенела тетива. Закряхтели от боли. Я повернула голову.

— Нерин, не оглядывайся!

Я не спорила с Шалфей. Я забралась на бревно, позади мерцал свет, звенело оружие, кричали и ругались мужчины. Оставалось шесть шагов по мосту, раздался металлический звон, за ним высокий визг боли. Сорель. О боги, Сорель. Я оглянулась.

Они были на краю. Один держал в руках Сореля, схватив его за шею чем-то. Цепью Железной цепью. Сорель корчился от боли, его ручки в листьях цеплялись за металл. Его крики пронзали меня. Я шагнула инстинктивно к ним и замерла.

Шалфей стояла на конце моста с посохом в руках, смелая фигурка удерживала воинов. Поток огня вырывался из кончика ее посоха, и пока она стояла там, два воина не могли ни ступить на мост, ни выстрелить в меня стрелой. Она защищала меня, обеспечив проход. И пока она делала это, она не могла помочь другу. Холодное железо вредило доброму народу. Обжигало так, как никакой огонь не жег.

Меня слепили слезы, и отвернулась и побежала по мосту. Я не смотрела вниз. Ноги двигались инстинктивно. Я бежала, как никогда еще не бегала, и ужасные крики раздавались в голове. Я бежала, пока не оказалась у конца моста. А там я уже не могла пройти — большая темная фигура закрывала путь, скопление теней и тумана двигалось и переливалось. Из глубины дымовой массы на меня смотрели враждебные глаза.

Существо заговорило:

— Кто осмелился ступить на Бриг Броллахана?

Мой голос был слабее писка мыши, столкнувшейся с котом.

— Нерин. Я друг, я не буду вредить. Прошу, пропустите.

— Где плата? — тело кружилось, и я вместе с ним, все вокруг перемешалось.

«Всегда можно что-то отдать».

Хлеб. Сыр. Одежда. Огниво. Вряд ли. Поцелуй? Обещание? Опасно. Попросить загадку Нет, так можно и провалиться. Сердце колотилось. В горле пересохло.

— ГДЕ ПЛАТА? — в тених я видела огромный силуэт с мощной челюстью и кулаками размером с блюда. Он был в битой черной броне, а вместо меча и кинжала на поясе висели заостренные кости. Его рот был раскрыт, показывая ряды острых зубов.

Может, правду? Я устала, замерзла, а два друга могли умереть, чтобы я пересекла ваш мост. Броллахан, или как его там, может сострадать? Я смотрела в его глаза, и в голове раздался ясный и сильный голос Шалфей:

«Не взваливай боль Сореля на свои плечи, девочка. Все мы дети Олбана».

— Скажи, чем платить, и я заплачу, если смогу, — я расправила плечи, стараясь не шататься на мосту. Дерево под ногами было скользким.

— Айе, посмотрим. Можешь станцевать джигу, — броллахан сам затанцевал, размахивая большими кулаками и топая тяжелыми ногами. Он мог в любой миг сбить меня. За нами, на дальнем конце моста, пропал свет посоха Шалфей, все утихло.

— Прошу, — выдохнула я, уклоняясь от руки монстра. — Я плохо танцую, как видите. Я могу отплатить иначе... приготовить ужин или... ответить на вопрос, может, спеть песню?

— Песню, говоришь? — броллахан вдруг замер. Я смогла вдохнуть, грудь болела. Глупое предложение. Тело дрожало. Я едва могла дышать, куда там петь. — Какую песню?

Я пыталась вспомнить что-нибудь о броллаханах. Они жили одни. Они были мрачными и быстро злились. Жили, в основном, на севере. Этот был далеко от дома.

— Песню, что отдаст вам сердце, — сказала я. — Песню, что поднимет вам дух.

— Лишь одна песня меня порадует.

— И какая? — может, я все-таки смогу. Если удержу равновесие. Я зря обернулась и заметила реку — тонкую ленту далеко внизу. Я пошатнулась и вскинула руки.

— Ах... — броллахан поднял руки ладонями вверх, и жест был человеческим. Его короткие пальцы были совсем не человеческими, на концах были длинные желтые когти. — Это старая песня. Такая кроха, как ты, даже мелодии не знает.

— Попробуйте, — сказала я.

— Не так быстро. Девочка так просто не пройдет.

— Что я должна сделать? — мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок.

— Лови!

Я не успела вдохнуть, а ко мне прилетело что-то из руки существа. Я поймала. Мяч. Мохнатый мяч корчился в руках, немного развернулся, показывая четыре лапки, треугольный нос и сияющие глаза.

— Не урони, — сказал броллахан. — Теперь ты бросаешь!

Я послушалась. Существо пролетело по воздуху, и я надеялась, что не убила его этим броском. Огромные руки появились из тумана вокруг тела броллахана и поймали его. И тут же бросили снова, в этот раз выше, и я привстала на носочки, вытянула руки, чтобы поймать. Существо визжало и билось, я чуть не уронила его. Тело прошиб холодный пот от ужаса. Я не могла отказать. Если броллахан хотел игры, я должна ее показать. — Прости, — прошептала я и швырнула существо изо всех сил.

— Хороший бросок! — он бросил низко и с силой. Я склонилась, схватила мяч и потеряла равновесие. Время замедлилось, и я понимала, что склонилась слишком далеко, чтобы выпрямиться, что желудок сжался, черные мушки появились перед глазами. Я понимала, что жизнь была бессмысленной, вспоминала все печальные моменты...

Рука схватилась за мою лодыжку, и я повисла вниз головой над пустотой, раскачиваясь в стороны, накидка и сумка свесились вниз, маленькое существо цеплялось за меня. Сердце было в горле. Река сияла, словно говорила: «Скоро встретимся, Нерин».

— Ой, — сказал броллахан, ставя меня на мост. — Это не считаем. Лучше споешь. Слезай. У тебя хороший бросок и хватка, но на ножках ты стоишь слабо.

Он попятился, я пошла вперед. Свет быстро угасал. Мы подошли к каменному спуску в конце, броллахан втянул тени и туман в себя, став плотнее. Когда я сошла с моста, все во мне дрожало, а передо мной стояло существо, похожее на человека, но оно было больше самого

высокого воина. Он возвышался надо мной.

Я опустила существо, что было шаром. Оно оказалось похожим на кота, но хвост был тонким, как у крысы, и без шерсти, уши были огромными, а глаза — круглыми. Оно село и начало умываться лапкой.

— Ты проиграла, — сказал броллахан. — Плати песней.

Под шелест реки и крики птиц над головой, летящих в укрытие, раздавался мой дрожащий голос.

— *Земель Олбана я дитя...*

— Ах, — вздохнул броллахан. Я угадала. Старая запрещенная песня была тем, чего он хотел. Он застыл как камень, пока я пела куплет за куплетом, молясь, что выстою до конца. Голова была странной.

Я дошла до строки: «Я — небо, но я и гора» — и запнулась. Я устала. Я не помнила слов. Я думала о Шалфей и Сореле, что могли лежать мертвыми у моста. Может, Красного колпака убили еще до того, как они догнали меня. А его малыш? Может, Мару, принявшую меня, и бедного Гаррета теперь допрашивали Силовики. Я заслуживала быть брошенной в реку за боль, что причиняла всем, кто помогал мне.

— Простите, — прошептала я. — Я слишком устала и слишком печальна, чтобы петь дальше.

Долго стояла тишина, существо подняло голову и поманило.

— Иди вниз по холму. Посиди у огонька, допоешь, когда будешь готова.

Я замешкалась.

— Я в безопасности? Вы не бросите меня в реку?

— Нет. Лучше держаться подальше от этого холода.

Я позволила себе оглянуться, но другой конец моста был в тени. Я помолилась за друзей, погибших так рано. А потом пошла за броллаханом между камней в туннель, что вел в сердце холма. Света почти не было. Спутник был темным пятном среди теней. Это было странно. Я словно шла во сне. Только слезы и боль в груди говорили мне, что все это по-настоящему.

* * *

Я ожидала сырую пещеру, полную пауков. Но логово броллахана было просторным и уютным, как для пещеры, и огонек оказался теплым костром, дым уходил в трещину в крыше.

— Садись, — броллахан опустил котенка-поки на старые покрывала, я опустилась рядом с ним. Я смотрела, как броллахан схватил почерневший котелок, поставил на камень у костра. Поки следил за большим существом, а тот ушел за угол и вернулся с мясом на кости. И устроил в углях. В пещере было много костей, они лежали грудками, висели на стенах, были разложены узором вокруг костра в центре. — Мне нравятся кости, — отметил броллахан, заметив мой взгляд.

— Это я вижу, — мой голос дрожал.

— Думаешь, я тобой поужинаю?

— Была такая мысль. Помнится, в рассказах броллаханы порой такое делают.

— Смешная ты. На твоих костях мяса толком нет. Только зря время потрачу.

Я раскрыла рот, чтобы ответить, но меня сдавил кашель, я едва дышала.

— Плохо тебе, — отметил спутник, когда спазм отступил. — Тебе лучше не петь, если жить хочешь. Но допеть все-таки нужно, — и последний куплет он допел с удивительной

сладостью, низкий голос эхом отражался от стен. А пока просто свернулся в шар, накрыв хвостом уши.

— Это было прекрасно, — сказала я, когда броллахан допел.

— Айе, это великая старая песня. Мне нравится третий куплет о Великих, о лорде Севера и других.

— Великих? О Стражах? — они были в древних сказаниях, фигуры из далекого прошлого, похожие на сильных духов.

— Айе, Четыре стража, — броллахан посмотрел на пальцы, чтобы убедиться в правильности. — Сердце Олбана, надежда Олбана. Не забудут песню, не забудут и Великих. Иначе это место будет лишь грудой камней, — он говорил так, словно Леди и остальные были живыми и находились буквально за холмом.

— Не совсем понимаю, — сказала осторожно я. — Эти сказания о Стражах стары. Они — символ Олбана, каким он был? Или каким он должен быть?

Броллахан издал странный звук, и я определила это как «и да, и нет». Пока придвинулся ко мне, но не касался. Он смотрел на мясо на кости, шипящее на углях. Пошел пар от котелка.

— Не откажешься поужинать? — спросил броллахан.

— С радостью. Могу и поделиться, — сумка пережила мое неудавшееся падение. Я выудила хлеб и сыр Мары, развернула ткань.

— Пока любит сыр, — и точно, котенок проявлял интерес к моей еде, как только я ее достала. Он уже вился у ткани, покусывая края. Броллахан снял баранину с костра, несмотря на жар разломил ее и протянул мне половину. На пол пещеры капал жир, я слотнула. Я очень давно не ела мяса.

Какое-то время мы ели в тишине. Несмотря на голод, я откусила лишь несколько раз. Я знала, что если съем больше, то будет плохо. Я тихо сидела, пока броллахан доедал свою порцию, остаток моей порции и сыр с хлебом, что остались после трапезы пока.

— Нерин, — вдруг сказал броллахан. — Так тебя зовут, да?

— Да. Вашего имени я не прошу.

— Можешь угадать.

— А если ошибусь, будет наказание? — только не новое испытание, ведь я только почувствовала безопасность.

— Ах, нет, девочка, лишь из любопытства. Ночи длинные, и со мной только пока. Я дам тебе подсказку. Это одинокое имя. Глубокое имя.

— Сколько у меня попыток?

— Три. В старых сказках их всегда три.

Шалфей. Сердце сжалось от воспоминания.

— Если я угадаю с трех попыток, — сказала я, — сделаете кое-что для меня?

Броллахан опешил, глядя на меня.

— Маленькая услуга. Не сложная.

— Сначала угадай, а потом я отвечу.

— Глубокий, — предположила я.

— Хороший вариант, — сказал броллахан, — но это не то имя.

Я думала о пещерах, силе, старой песне о камнях.

— Эхо, — сказала я.

— Ах, невероятно! — сказал спутник с широкой улыбкой, показавшей острые зубы. —

Но это не то имя.

— Пустой, — сказала я.

Тишина.

— Угадала, — сказал броллахан. — Хорошее имя для одинокого тела.

— Спасибо, что поделился своим именем, Пустой, — повезло мне, или природная магия подсказала мне его имя? — Ты давно здесь живешь?

— Довольно-таки. Со мной была жена, но она умерла. Стала пылью.

Я не знала, что сказать. Его одиночество заполняло пещеру, теплый огонь не мог отогнать эту тень.

— Есть пока, конечно. Греет мне ноги зимними ночами. Но это не то же самое. Совсем не то же самое.

В пещере слышались только треск костра и урчание пока. А потом Пустой пришел в себя.

— Что ты хотела попросить, девочка?

— Ты ведь вернешься к мосту? Можешь посмотреть, там ли мои друзья? Двое из доброго народца были со мной, боюсь, они мертвы. Они удерживали людей, преследующих меня. Они попросили меня идти. Я не могу думать, что они там лежат одни, и...

Пустой поднял руку.

— Что ты сказала? Тебя преследовали люди? Такую девочку? Зачем? Это странно, как по мне. Я бы разобрался с ними.

— Хотелось бы знать. Мне говорили, что у моста есть что-то странное. Пустой, ты сделаешь это?

— Ты не ответила. Нерин. Зачем тебя преследовали? Ты сделала что-то плохое?

Я поежилась.

— Я не остановила друзей, и их убили. Это достаточно плохо. А люди короля преследуют меня, но если я расскажу, ты будешь в опасности.

Широкий рот Пустого растянулся в зубастой улыбке.

— Пусть попробуют навредить броллахану. Рассказывай, и я перейду мост и посмотрю, что там.

Пришлось доверить ему хоть часть правды. Он спел песню, спас меня от падения, хоть игра и была опасной, он казался другом. Я вкратце рассказала о своем даре, как годами видела добрый народец, пока путешествовала, но могла лишь оставлять подношения.

— Но этот путь другой, — сказала я. — После смерти отца я говорила с вашим народцем, не броллаханами, но народцем поменьше. Не все были мне рады, но трое стали мне друзьями, защитили меня на мосту. Они удерживали нападавших, пока я пересекала пост. Я просила их не ходить за мной.

— Зачем, если тебе нужна была их помощь?

— Если меня поймают, тех, кто со мной, тоже поймают. И накажут за помощь в побеге или по другой причине, которую придумают Силовики.

— Но ты лишь девочка.

— Я из Леса воронов, — я видела по глазам Пустого, что даже он, живший далеко, слышал об этом. — Ты, наверное, знаешь, что при Сборе там разрушили одну деревню. Мы оставались там какое-то время. Бабушку нельзя было уводить. Когда она умерла, мы слышали шепот. Кто-то рассказал людям короля обо мне, намекнул, что я... необычная. Таких народ зовет запятанными. С тех пор мы в бегах, пытались не привлекать

внимание, — это было сложно, ведь отец вскоре перестал различать фантазию и реальность. Он верил, что может выиграть. — Теперь и отец умер, — добавила я.

— И ты такая же, как я.

Я кивнула, не в силах говорить.

— А я удивлялся, — сказал Пустой, — как ты выстояла, когда я чуть не сбил тебя с моста. Ты не выстояла бы, ударь я тебя даже пальцем. А твой дар больше, чем ты думаешь, девочка. Мы поговорим, но сначала я исполню свое обещание, — он поднялся. Его голова чуть не задела крышу пещеры. — Посиди тут. Не бойся теней, они тебе не навредят. Сиди тихо, ты выглядишь очень уставшей. Я быстро.

* * *

Костер отбрасывал тени, и они двигались странно, на стенах появлялись силуэты — летучая мышь, цапля, тритон, бегущая лиса. Я сидела тихо, как и сказали, гладила спящего поки, а он урчал. Я вспоминала всех людей и представителей доброго народца, что были добры со мной, и понимала, как мне повезло. Доброта была редкой в Олбане Кельдека. Протягивать руку помощи было опасно, любой прохожий мог оказаться шпионом. Но Мара точно никому обо мне не рассказала. А вот ее сосед мог. Я видела в Маре себя, знала, что она никого не выдаст людям короля, и из меня они это вытянут только пытками. Хотя я надеялась, что и тогда у меня хватит сил молчать.

Помимо костра, в трещину попадал лунный свет. Я молилась, чтобы друзья, если их там убили, погибли быстро. Я ненавидела себя за то, что убежала, что не защитила их, не выступила против преследователей, не сделала другой выбор, за то, что спаслась ценой их жизней. Я молилась, чтобы их не взяли в плен. Они могли сбежать из ловушек, используя магию, но если там было железо, они подчинятся воле человека. У всех Силовиков с собой есть цепи? Или они ожидали, что мне будут помогать фейри?

Через какое-то время я услышала голос Пустого в туннеле.

— Там угол, осторожно. Медленно... Айе, сюда, — сердце екнуло. С ним кто-то был. Кто-то выжил.

Они вышли на свет, и я вскочила на ноги с надеждой и страхом. Пустой нес в руках неподвижное тело. Веточки Сореля были обломаны, виднелась красная кожа. И за Пустым шла Шалфей, ее лицо было пепельным, глаза опухли, губы были поджаты. Из-за серого лица ее нос больше, чем раньше, напоминал клюв. С ней был дубовый посох, но он был разломан. А накидка обгорела и порвалась.

— Теперь он дома, — сказал Пустой, уложив Сореля на покрывала. — Я мог лишь отнести его. Я сделаю тебе настой, — он взглянул на Шалфей, а она стояла у огня, словно не понимала, где она. — Нерин, поговори с крохой. Помоги ей. Знаешь? У тебя смелые друзья.

Я ничего не сказала, просто подошла к Шалфей, опустилась рядом с ней на колени и взяла ее на руки. Она застыла на миг, а потом рухнула, и ее тело задрожало от рыданий. Я держала ее и плакала сама. Это моя вина. Ее друг погиб, он жил бы, если бы не я. Ее посох был сломан. Она была такой сильной, но теперь была сломлена.

Пустой занялся завариванием сухих листьев. Через какое-то время Шалфей успокоилась и отошла от меня.

— Ты в безопасности, — сказала она. — Он бы обрадовался. Мы выиграли тебе хотя бы день.

— Прости... — начала я.

Ее руки поднялись в жесте, так похожем на тот, что был у Пустого раньше.

— Нет, нет, не надо. Мы сделали то, что нужно, чтобы ты спаслась. Сорель бы разозлился, если бы ты вернулась и стала жертвой людей короля. Это не спасло бы ему жизнь, но стало бы концом для нас троих.

— А Красный колпак? — спросила я. — И мальш?

— Красный колпак — не боец. Мы уговорили его скрыться. Он доставит весть Сильвер и остальным, даст знать, что ты идешь дальше, что мы потеряли одного из нас, — пауза. Я открыла рот, чтобы снова извиниться, но безмолвно закрыла его. — Это твой путь, — сказала Шалфей. — Тебя будут жестоко проверять. Это ты должна пройти сама. Но пока ты идешь, мы можем тебе помогать, — она посмотрела на неподвижного Сореля. — И мы поможем, девочка, даже если это убьет нас.

— Выпей, — сказал Пустой. — И не говори, пока не допьешь.

Чуть позже, когда настой был допит, а Пустой расспросил о Сореле, а Шалфей рассказала о временах, когда ее друг был храбрым, когда он был глупым, когда доводил ее до криков, я поняла, каким мудрым был броллахан. Может, его одинокие дни и ночи дали ему время обдумать смерть и принять ее. Когда рассказ с улыбками и слезами подошел к концу, Пустой накрыл одеялом Сореля, а я увидела, что лицо Шалфей немного ожило.

— Можешь спеть ему, — сказал Пустой, глядя на меня. — Ту хорошую старую песню. Чтобы отправить его в путь.

И я сделала, все четыре куплета, и когда я допела, Шалфей вытерла глаза и сказала:

— Давно я ее не слышала. Острова... Карга с островов? Если эта старушка еще ходит по земле Олбана, я попрошу ее починить мой посох. Она в свое время хорошо умела чинить. Но они ушли, Великие, ушли так глубоко, чтобы не видеть, как король издевается над их землями. Это ужасно.

— Тебе бы поспать, — сказал Пустой, глядя на нее. — Я помогу вам похоронить павшего друга утром.

— Ах, нет. Я посижу рядом с Сорелем. Не буду оставлять его на ночь одного, — Шалфей посмотрела на меня.

— И я посижу, — сказала я.

— Айе, мне редко составляет компанию одна девочка, а тут еще и пара, — сказал Пустой. — Тут точно не до сна.

— Ты говорил что-то о моем даре, Пустой, — напомнила я. — Что он больше, чем я думаю. Можешь объяснить?

— Пока он не начал, — сказала Шалфей, — ты должна еще кое-что узнать. Одного из тех мужчин я сожгла. Он умер, и Пустой сбросил его в реку. Другого я прикончить не успела. Ранила, но не сильно. Он сбежал. Тебе нужно спешить, Нерин.

Я знала, что это случится. Но все равно было страшно.

— Он побежал к Летнему форту?

Шалфей грустно улыбнулась.

— Я не дала ему выбора, — сказала она.

— Никто не перейдет Бриг Броллахана, — добавил низким голосом Пустой. — Никто не осмелится.

— Я смогла.

— Айе, ты не дрогнула. Ты доказала себя. И я сразу понял, что ты не так проста.

— В смысле? — а мысли путались. Что было лучше? Уйти на рассвете и надеяться, что я успею добраться до леса за долиной до того, как за мной отправятся Силовики? Прятаться

в пещере Пустого и надеяться, что сюда не полезут? Может, преследователи знали, кого преследовали, а, может, просто проверяли слова о подозрительной путнице. Но они видели меня с добрым народцем, защитившим меня. Теперь за мной будут охотиться. Может, стоило уйти сейчас. Луна взошла, может, я не заблужусь. Я снова закашлялась.

Когда я снова смогла дышать, Пустой сказал:

— Я тебе расскажу историю. Давным-давно, на дальнем севере летом, когда восстал морской народ, ведомый злой королевой, завязалась война с броллаханами, что жили в пещерах недалеко от пещер. Королева была ужасной, она заставила свой народ бить, крушить, убивать. В войну втянули и людей, ведь их корабли тонули, сети рвали и детей забирали на их глазах на берегу. Нерин, люди не верят броллаханам. Сказками про нас пугают детей, чтобы они не ходили на утесы, к трещинам к земле. Мой вид тоже не очень любит людей, ведь вы занимали всю землю, не думая о тех, кто был на ней. И шла война, и все страдали от нее. Так было, пока не появился человек там, где бушевали волны. Его звали Корканом. Он всегда говорил, что еще с детства мог видеть и слышать волшебный народ всего острова. Когда Коркану было шестнадцать, или около того, он отправился в путь, и никто не знал, куда, а вернулся он другим. Он стал тише, мудрее и старше своих лет. Оказалось, что он научился быть Зовущим, и когда он вернулся домой, он увидел, как страдает народ, и он понял, что пора применять знания. Он созвал броллаханов, и они пришли к нему, ведь он был Зовущим. И против воли люди и броллаханы сражались на одной стороне, чтобы одолеть морской народ, согнать их на одинокие острова, чтобы они больше не ступали на тот берег. Кто-то говорил, что в тот день пришел даже сам Лорд Севера, но я не знаю, может ли зов быть таким сильным, чтобы призвать Стража. Ты знаешь о дарах, девочка. Они появляются, когда наш вид и люди пересекаются, — он посмотрел на Шалфей. — Добрый народец и люди обычно не ложатся в одну постель, но всякое бывает. А порой дар проявляется в семье годами спустя. Внезапно у дитя может появиться редкий талант к пению, танцу, сражениям или пониманию животных. Но давным-давно был Зовущий — тот, кто мог призывать добрый народец и заставлять их работать вместе. Тебе нужно понять, что разные наши виды обычно не сотрудничают. Мы держимся поодаль. Не в нашей природе объединяться и бороться или что-то строить. Но если Зовущий собирает нас на задание, мы должны подчиняться. Мы не можем отказаться, — он посмотрел на меня оценивающим взглядом маленьких глаз. — Такой дар заставит всех шагать на войну. Вся армия будет слушаться этого зова.

Тишина была многозначительной, и это ошеломительное заявление совсем не удивило Шалфей.

— Я? — мой голос оказался потрясенным хрипом. — Вы думаете, что я — одна из этих Зовущих? Но это смешно. Я не звала Шалфей и Сореля. Я не звала никого, кого встречала по пути. Они просто появлялись. Мой дар — видеть и слышать вас, а не... управлять, — это пугало меня. У людей не должно быть такой силы. Она могла привести к невообразимому кошмару.

— Что думаешь, кроха? — Пустой посмотрел на Шалфей.

— Ты можешь быть прав, броллахан, — Шалфей сидела, ручку положив на одеяло, накрывавшем Сореля. Она напоминала сову. — Я следила за Нерином, когда она еще была крохой, не больше меня, копала с бабушкой овощи и учила, какие травы помогают. И даже тогда я чувствовала что-то редкое. Хотя не все из моего вида согласны со мной. Мы разошлись во мнениях о том, что ты, Нерин, и какой важной можешь быть. Если бы вредная

Сильвер и ее приспешники не были такими упрямыми, мы бы выступили толпой против твоих врагов, и этот храбрец не лежал бы сейчас хладным рядом со мной. Я *говорила* ей... — Шалфей замолчала, помрачнев. — Зовущие появляются редко, — заговорила она. — Уже двести лет таких в Олбане не было. Потому все отвыкли, что девочка или мальчик могут увидеть их, услышать голоса, но некоторые все же могли это делать. Это хороший дар, хотя теперь опасный. Зовущий тоже нас видит, но даже тогда, когда мы прячемся. Он приманивает нас. Без должной тренировки больше ничего не будет. Но если будет, как с Корканом, если найти учителя, развить навык, то дар станет мощным. Дар может решать исход войн. Дар может многое изменить. Ты хотела бы понять, помнят ли это люди. Но у твоего вида короткие жизни и память. И перед появлением следующего Зовущего все забывается.

Я не знала, что спросить сперва. Вряд ли я была тем, о ком они говорили. Но если это все же было правдой, это могло полностью изменить мое будущее. Могло сделать Тенепад не просто убежищем, но... Нет, этого не могло быть. Я бы уже поняла, какими силами обладаю.

— Почему вы верите, что это я? — спросила я у них.

— Мы это чувствуем, — сказал Пустой. — Костями. Как только я увидел, как ты идешь по мосту, я понял, что это ты.

— Тогда зачем заставил меня танцевать, петь и играть?

— Проверял, чтобы убедиться, что не ошибся. Я же не дал тебе упасть.

— Я думаю, что вы ошибаетесь, — сказала я. — Никогда не слышала о Зовущих. Не понимаю, как это. Мне почти шестнадцать — я не ребенок, а женщина. Если бы мой дар был таким мощным, я бы поняла это.

— Знаки были, — тихо сказала Шалфей. — Сорель их тоже видел. Другие спорили, ты знаешь. Многие в тебя не верят, многие думают, что я сошла с ума, преследуя тебя. Я не смогу доказать тебе, что я права. Как и ты, но это проявится со временем. Подумай, почему тебя так хотят получить люди короля? Подумай, почему ты еще жива за три года скитаний? Твой дар делает тебя ценной. Это помогает тебе выживать.

Кожу покалывало. Я боялась. Я не хотела, чтобы это было правдой, но чем дольше думала, тем логичнее это становилось. Когда призрачные воины пели песню и просили меня сражаться, они видели не обычную девочку, а ту, что могла призывать их народ, что могла что-то изменить. Ужас впился в меня.

— Если король хочет Зовущего, — сказала я, и голос дрожал, — он бы не хотел, чтобы этого человека убили. Он бы хотел, чтобы она работала на него. Слушалась. Он бы хотел, чтобы она подчинилась, — я вдохнула. — Я — опасность для вас, — сказала я. — Я уйду с первыми лучами солнца. Я не могу использовать этот дар, я не знаю, как. Я приношу беду всем, кто помогает мне.

— Дети не бегают до того, как научатся ходить, — сказал Пустой.

— И не поют до того, как назовут маму по имени, — согласилась Шалфей.

— И не берут в руки меч, пока не смогли есть ложкой.

— И не плетут одеяло, пока не сшили обувь.

— Что вы говорите? Что я должна научиться быть Зовущей, как юноша из истории? Кто будет меня учить?

Тишину нарушало потрескивание костра.

— Я не могу, — сказал Пустой. — Это старая сказка. Очень старая

— Я слышала, что никто не умел призывать со времен бабушки моей бабушки, — сказала Шалфей. — Если кто и остался в Олбане, они прячутся. Кто будет винить их?

— Никто, — сказал Пустой. — Конечно, люди короля охотятся на тебя, Нерин.

— Но откуда они знают, кто я? Я сама этого не знала, — люди в Лесу воронов знали только, что бабушка учила меня исцелять. И этого хватило, чтобы вызвать Силовиков, но это не объясняло их желание поймать меня. Мог отец, перепив эля, намекнуть на мою способность видеть добрый народец? Это услышал кто-то, знающий о Зовущих? От этого мне стало не по себе.

Пустой устроился на ночлег, растянувшись у огня, подложив под голову большую руку.

— Можете говорить хоть всю ночь, лучше не будет, — сказал он. — И вам точно нужно идти. Куда направитесь?

— На север. Вверх по долине.

— Теперь ты знаешь, кто ты, — сказал Пустой, — ты убежишь или пойдешь вперед?

— Я иду вперед, Пустой. Сама, — я замешкалась. — Шалфей, ты говорила, что я должна доказать себя. Я не знаю, что это. Будут испытания? И что потом? Ты знаешь, что я не просто скитаюсь, а иду кое-куда, но... если я Зовущая, то...

— Если так, — сказала она, — то, думаю, скоро ты поймешь, что будет дальше. А проверка... Зовущий должен проявить некие качества. Достоинства. Иначе ничего раскрывать нельзя. Так сказано в Старых законах.

— Но если я не знаю, что это, как я... не важно, — я задумалась. — Эти достоинства. Их может быть семь?

— Может, — сказала Шалфей с кривой улыбкой. — Большого сказать не могу. Делай то, что нужно, когда будет нужно. Иди по долине осторожно. Между этим местом и соединением реки открытое пространство. Там легко заметить одинокого путника. И когда ты окажешься в ущелье, придется идти по дороге. Ты точно не хочешь, чтобы я пошла с тобой? Я уже не раз помогала тебе в беде, хотя ты, наверное, радовалась увидеть кусты или тень.

Тело Сореля лежало рядом с нами под покрывалом. Я знала, что должна отказаться, хотя была бы рада ей в пути.

— Спасибо дважды, но я должна идти одна.

Пустой долго молчал и слушал.

— Я бы пошел с тобой, девочка, — сказал он, — если бы мог. Но я не могу покинуть пост. Больше некому охранять бриг. Понимаешь?

— Конечно, — я представила, как иду по долине с броллаханом. Он был бы хорошим стражем и спутником, но его было сложно не заметить, и люди короля сбежались бы, как муравьи на мед. А там пришли бы и Силовики с железом. — Я уйду с первыми лучами солнца.

Глава седьмая:

Луна была бледным полукругом, когда я попрошались с товарищами. Солнце еще не встало. Холод воздуха я ощущала в груди, пока пыталась не кашлять. Я пыталась укутать шею, рот и нос. Я скрылась под капюшоном и шла так быстро, как только могла.

Я знала путь. Я шла к месту, указанному Шалфей, как нить за иголкой. Долина сузилась, река и дорога оказались меж отвесных каменных стен. Дорога едва могла вместить телегу. Ущелье было длиной в две мили, и прятаться было негде. Спуститься по реке на лодке еще можно было, но не подняться.

Я рассчитывала дойти до ущелья к середине утра, не знала, доберется ли туда кто-то из Летнего форта раньше меня. Могли ли люди Кельдека знать, что я окажусь Зовущей? Тогда я в большей опасности, чем могла представить. Зовущий мог многое изменить, эта сила могла объединить людей и добрый народец, заставить их работать вместе. Зовущий мог освободить Олбан. А мог стать ужасным оружием, оказавшись в руках короля.

Представив, что сделает Кельдек, если получит возможность командовать добрым народцем, я ощутила прилив тошноты. Может, я и была Зовущей, а, может, и нет, но если Шалфей и Пустой угадали, то я не должна попасть в руки людей короля. Я должна ради всех, кто проявил доброту ко мне, добраться до Тенепада. А там я смогу узнать, кто я и что могу делать.

Как я могла доказать свои качества, если не знала, что доказывать? Я шла и пыталась вспомнить подсказки из разговора, которого подслушала в полусне. Что-то о руке. Дающая рука, да. То, что я делилась скудными запасами, могло показать щедрость? Вряд ли, ведь они говорили, что сложнее делиться, когда мне самой нечего есть. Так что я еще не показала ни единого качества. Дающая рука. Было в этом выражении что-то знакомое, но если я и слышала его раньше, все равно не помнила, где.

Солнце поднялось выше. На западе столпились тяжелые и серые тучи, грозя дождем. Ноги и голова болели. Грудь сдавливало так, что было сложно дышать. Я шла вдоль реки, оттягивая момент, когда ступлю на дорогу. Здесь долина была почти пустой, подъем становился все сложнее, виднелись лишь растрепанные кусты и сухая трава. И признаки, что здесь были зайцы. Я увидела маленькое стадо коз, пасущихся недалеко от берега, и спряталась за покосившейся стеной из камней, сердце колотилось. Козы не рассказали бы никому, но пастухи могли. Когда я убедилась, что животные тут одни, я посмотрела на свою дорогу. Вдали стоял низкий домик фермера, он был серым посреди зелени холма, дымок выходил из трубы. А потом был вход в ущелье. Боги, пусть там не будет поста стражи.

Я прижалась к стене и закрыла глаза. Сев, я чувствовала боль в конечностях, но не приятную после выполненного задания, а глубокую боль, что могла привести к болезням. Голова была горячеей, со зрением тоже творилось что-то странное, мне мешали все видеть точки. Нельзя слабеть. Нельзя оставаться на открытой местности, сидеть на месте. Я заставила себя встать. До ущелья оставалось около двух миль. И еще две мили в ущелье. Я смогу. Должна. А на другой стороне можно укрыться в лесу, что рос за холмами.

Я стояла, и все кружилось. Я выудила фляжку и заставила себя проглотить воду. Стиснув зубы, я вышла на открытое пространство.

Что-то было не так. Даже идти было ужасно сложно, словно я шагала в вязкой грязи. Я

смотрела туда, где стены ущелья отбрасывали темные тени на реку. Нужно идти дальше. Я дойду туда и спрячусь.

Когда я добралась до ущелья, солнце было высоко в небе. Если Силовиков предупредили, то за мной выехал отряд, они скоро будут здесь. Никого не было видно. Людей не было. А вот доброго народца было много — на склонах, под камнями, в трещинах. Я их чувствовала. Но с ними нельзя говорить. Я не хотела никого подвергать опасности.

Я глубоко и судорожно вдохнула и выдохнула. *Вот и я.* Я была простывшей и уставшей, и эти слова казались боевым кличем. Я вышла на королевскую дорогу.

Я прошла, наверное, сто шагов в тени ущелья, когда услышала топот копыт и скрип колес телеги впереди. Я укуталась в накидку и пошла дальше. Какой была история? Я едва ее помнила. Калла. Потоп. Родственники на севере. А место... Стоячая вода?

Телегу было видно, она двигалась в тени. Крепкая лошадь, мужчина на выступе с сумкой за спиной для тепла опустил плечи. Телега приближалась, и я отпрянула к каменной стене, ведь мы бы не поместились на дороге. Мужчина прищурился, но не остановился.

Вдохнув, я поправила сумку и пошла. Еще две мили, и я найду укрытие. Дальше в долине были фермы, конечно, но я не буду идти по открытой дороге, видной всем. Завтра или послезавтра я буду в Трех каргах. А за ними близко и до Леса воронов. Холод впился в меня с воспоминаниями. Идти домой сложнее всего.

Но я видела свет вверху, стены ущелья расходились, открываясь сверху. Почти на месте. Голова кружилась. Ноги отказывались идти ровно.

Звук сзади. Копыта стучали по дороге. Две или три лошади спешили по дороге. Не было времени думать. Как и придумывать план. Негде прятаться. Сердце стучало, как барабан, кожу покрывал холодный пот. Я не могла убежать от них. Я прижалась к каменной стене, зная, что я на виду. Один взгляд, и меня поймают.

Я вжалась щекой в твердый камень, вжалась телом. Я чувствовала внутри медленное биение, мрачный ответ моему панически колотящемуся сердцу. Там было огромное, старое и мудрое присутствие. Станные слова зазвучали в моей голове, часть забытой детской игры. *Камнемон, камнемон, голову склони, Камнемон, камнемон, только не умри!* Камнемон был существом из камней, существом, которого мы с Фарралом боялись перед сном. Сказка. Фантазия.

Биение сердца заполнило мое тело ритмом. Оно было сильнее меня. Оно казалось настоящим.

Всадник показался на дороге — высокая фигура в балахоне на огромной лошади. За ним были другие, они ехали по двое. Первый издал клич, указывая на меня.

Я зажмурилась и прижалась лицом к камню. Если я была Зовущей, если такой дар был, пусть спасет меня.

— Камнемон, камнемон, глаза открой, — прошептала я, зубы стучали. Если это не работает, еще до заката я познаю скребок разума. И буду потеряна. — Камнемон, камнемон, меня скрой.

Вдруг все потемнело. Все вокруг было камнем, я оказалась внутри него. Я не могла пошевелиться. Я ничего не видела, не слышала, была парализована. Я не могла дышать. Я с ужасом выдохнула и ощутила ответ, тяжесть немного ослабла. Я судорожно вдохнула. Я убью себя чарами? Боги, было так темно, не как в ночи без луны или в доме без зажженных ламп, но просто без самого существования света. Словно весь мир исчез, и осталась только я, дышала только я.

— Камнемон, — прошептала я во тьму, — когда все пройдет, отпусти меня.

Ничего не изменилось. Не двинулось. Я искала глазами хотя бы тусклый свет. Тело было напряжено, сердце сжималось. Я ничего не могла поделать. Никто не знал, что я здесь. И я останусь тут, пока не превращусь в груды костей. Как долго я уже здесь? Как долго будут здесь всадники, пока не поймут, что фигуры у камней уже нет? На меня давила тьма, камни были вокруг тела, и время уже не имело значения.

«Выбора почти нет, — заговорил голосок во мне. — Или ты остаешься погребенной живою, или становишься орудием зла. Так ты хотя бы делаешь Олбану одолжение, если сдашься. Зачем биться, если не победить? Этому нет ни рифмы, ни причины».

Рифма. В прошлый раз я говорила не так. Могло все быть так просто? Я пару раз вдохнула, успокаивая попавшее в ловушку тело. Разум в спешке искал рифмы.

— Камнемон, камнемон, как опустеет путь, — голос был дрожащим шепотом. — Камнемон, камнемон, дай мне вдаль шагнуть.

Тьма была абсолютной, камни обнимали меня. Тишина продолжалась. Но я ощутила дрожь камней, словно низкий смех. И затем свет. Я зажмурилась, ослепнув на миг. Камни отпустили меня, и я рухнула на утоптанную землю дороги, ушибив колено и руку. Что-то двигалось. Я взяла себя в руки и подняла голову, но видела лишь каменную стену. Я поднялась на ноги, осмотрела дорогу. Всадников не было. Я спаслась. В этот раз.

Все во мне кричало: *Беги!* Но я не могла. Ноги тряслись, грудь сдавило, словно крепко обвязали чем-то. Преследователи пошли дальше или вернулись в Летний форт? На дороге было много следов копыт и сапог. Это я могла прочесть. Кто-то спешил тут, кто-то осмотрел место, где я стояла в камне на расстоянии вытянутой руки. Они не нашли меня и разделились. Четыре набора копыт пошли в Летний форт. Один конь направился вперед.

Я прошла ущелье, а ноги едва несли меня. Нужно найти укрытие, нужно спрятаться. Долина снова расширялась, хоть и ненамного, но у реки поместились фермерские уголья между холмами с лесом. Бузина и ива покрывали склоны, над ними возвышались дубы. Еще выше на холме были камни. Сверху пролетел орел, крылья ловили лучи солнца, сияя золотисто-коричневым. Листья лежали грудками под голыми деревьями, лес не скроет меня так, как я надеялась.

Мне было холодно. Холод пробирал до костей, тело дрожало, суставы болели. Я озиравалась, пыталась заметить место, где скрывалась пещера, впадина, где я могла бы остаться. Начался дождь, сначала одинокими камнями, а потом и ливнем.

Поблизости не было чащ, роц и места, где спрятался бы путник. Я шаталась, понимая, что вот-вот потеряю сознание. Я не успею дойти до глубин леса.

Если бы голова не была тяжелой от жара, я бы так не рисковала. Но так было, и я увидела ферму недалеко от деревьев. Я бы не приблизилась к дому. Поднимался дым, там кто-то был. Я бы не подошла к окруженным забором полям, там были свиньи, молчаливо стояла корова. Я бы не искала укрытия в домиках во дворе, где я могла столкнуться с курами, гусями или свиньями. Но чуть поодаль стоял амбар, его двери были закрыты, а двор был пустым. Сбоку был проем, открытый, наверное, для скота. Я приблизилась, двигаясь от забора к стене, от куста до груды бревен. Я прикусила губу, ожидая, что залает сторожевой пес или кто-то закричит. Ничего. Никто не вышел. Корова посмотрела на меня, но промолчала. Курицы были у амбара, прячась под навесом от дождя. Тощий петух был на ограде и следил. Он посмотрел на меня, я просила его молчать.

Земля с этой стороны амбара была болотом, сильно пахло свиньями. Ноги скользили, я

могла упасть, но двигалась дальше. Там была брешь с тропинкой для животных. Я подошла и забралась внутрь. Там было тихо, сухо и темно. Какие-то тюки, телега, упряжь на стене, косы и вилы стояли рядом. Голуби курлыкали наверху. На другом конце было сено. Я рухнула на него, укуталась в сырую накидку и уснула.

* * *

— Вставай! Двигайся! — меня жестоко схватили, кто-то поднял меня на ноги. Я не проснулась до конца и покачивалась, я упала бы, если бы не хватка чужих рук. Где я? Что случилось? — Имя! Что ты здесь делаешь? — рычал мужчина. Другой стоял с вилами направив их на мою грудь.

— Н-ничего. Я... — история — *Меня зовут Калла. Я сирота* — не сорвалась с губ. Амбар... искала укрытие. Снаружи было темно. Шея пылала болью, руки и ноги онемели. Я едва могла дышать, куда там говорить.

— Как это понимать? Как ты сюда попала? Кто тебя послал? Куда ты идешь? — меня трясло, и голова болталась, как у тряпичной куклы.

— Калла, — выдавила я. — Каменноводе. Просто... проходила мимо.

— Каменноводе не в этой стороне. Врешь, — меня снова тряхнули, уже сильнее. Здесь был и третий мужчина с заостренной веткой и женщина с мрачным видом и с мальчиком, держащим фонарь.

— Подумай и говори правду, — приказал пленитель. — Если нужно было укрытие, почему не попросила?

Ответить я не могла. Я знала, что никому в Олбане нельзя доверять, и никто не даст путнику переночевать, ведь можно пострадать от руки Кельдека. Я смотрела в пол, думая, что нужно как-то соврать. А можно было показать, что я простыла.

— Ее обувь, — испуганно прошептала женщина. — Финнак, посмотри. Если это не работа народца, я съем чепец бабушки.

Они смотрели на мои туфли в свете фонаря, их лица стали бледными, а в глазах отразился ужас.

— Запятнанная, — сказал мужчина с вилами с отвращением. — Запятнанная. Боги, смилостивьтесь. Ты знаешь, что случилось с людьми в ферме выше, когда у них застали в доме такую...

— Как ты посмела зайти сюда? — женщина шагнула ко мне, голос дрожал от злости и страха. — Как посмела? Ты каждую минуту под этой крышей угрожала нам! Убирайся! Убирайся со своими погаными туфлями! — рывкнула она. Я ощутила на щеке ее слюну. Руки были зажаты, и я не могла ее вытереть. Я просила мысленно отпустить меня.

— Нет, — сказал Финнак. — Подумай, женщина. Мы можем отдать ее. Они ее хотят. Это она убегает от Силовиков. Нам заплатят.

— Отдать? — голос женщины был резким. — Сказать Силовикам, что она была в нашем амбаре? Да они сожгут все это место и нас вместе с ним! — ребенок рядом с ней не двигался и никуда не смотрел.

— Ты не слышала слова того парня? — Финнак осмотрел остальных с видом лорда, произносящего речь. — Зовите, когда увидите ее. Так он сказал. Мы можем не говорить ему, но если он прознает? Нас заставят стать в ряд и попрощаться с жизнью. Свяжите девчонку и зовите мужчину в плаще.

— Я? — спросил парень с вилами.

— Да, ты, Оллан.

— Сейчас? В темноте?

— Айте, сейчас и в темноте, балда, — Финнак потрянул меня. — И быстрее, пока она ничего не сделала. Зажгите еще одну лампу и идите к ферме Семи сосен. Он ведь про нее говорил? — молчание. — Нет, я пойду. Свяжите девчонку и удерживайте, пока я не вернусь. Мы получим хорошую плату, если все сделать правильно.

Хватка ослабла. Я попыталась вырваться, вспоминая бабушку.

Только не это...

Ужас придал на миг сил, от удивления мужчина промедлил. Я уже была у входа, но ноги не слушались, и я рухнула на пол.

— Железо, — сказал Финнак, пока меня поднимали. Я повисла в их хватке, как мешок с зерном. — Веревка не поможет. То, что зашило туфли, может развязать веревку и освободить девчонку в миг. У нее могут быть друзья из народца на каждом углу. Возьмите ту цепь и железные инструменты. Свяжите ее и охраняйте. А я приведу Силовика.

Глава восьмая:

Меня усадили на стул и привязали к столбу веревками. Они взяли цепь со стены. Может, на ней обычно висели туши. А теперь этой цепью обвили меня. Она тяжело легла на мои плечи, давила на грудь. Они окружили меня барьером из железных орудий — кос, топоров и прочего. Они рылись в моей сумке и отобрали нож, что дал мне Флинт.

— Украла, — услышала я слова одного из них. — Точно говорю. Откуда у такой девочки оружие?

Женщина с мальчиком ушла. Я не могла винить ее. Я не могла винить никого из них. Ради своего выживания люди должны были выдать меня.

Я дрожала, не переставая. Я видела бабушку, сидевшую гордо, и двух Силовиков, подходящих к ней, откидывающих ее голову, открывающих рот и вливающих в него зелье, что погрузило ее в глубокий сон. Из укрытия в стене сквозь щель я видела, как подходит Поработитель — мужчина с пронзительным взглядом и ужасающим мягким голосом. На его шее висели маленькие стеклянные флаконы, он хранил там то, что украл у каждой своей жертвы. Я не слышала, как он пел над ней в ту ночь, пока колдовал, ведь заткнула уши пальцами, как она просила меня в моменты после их прибытия в Лес воронов, пока они не постучали в дверь. Я видела, как она проснулась. Как изменилось ее лицо. Я слышала ее невнятные слова. Я видела, как ее мудрые глаза тускнели. И она ушла. Навеки. Боги, дайте сил перенести это с такой же смелостью, как она. Я боролась с желанием умереть сейчас и быстро, пока не пришел за мной этот скребок разума. Трусливо.

— Оружие острое. Спины прямые. Сердца высоко, — шептала я себе, пытаясь подавить дрожь, сотрясавшую меня. А если Поработитель придет в эту ночь и сразу сделает это со мной? И к утру я буду как бедный Гаррет, вот только некому будет заботиться обо мне. Или скребок разума сработает, и я проснусь послушной слугой Кельдека. Невообразимо. — Оружие острое. Спины прямые. Сердца высоко.

— Хватит бормотать, девчонка, — рявкнул один из мужчин. — Мы не поддадимся тебе. Это земля людей.

Я и не пыталась объяснить или защититься. Я не могла выдавать свое имя. Я не могла рассказывать, куда иду и зачем укрылась в их амбаре. Они боялись за свою безопасность, за ферму и любимых. Все в Олбане жили в страхе.

— Я не наврежу вам, — прошептала я.

— Молчать! — ответил другой, пальцами изображая защитный символ. — Я не буду слушать твою ложь, — они отвернули головы, словно думали, что я заколдую их взглядом.

Мы ждали. В амбаре было холодно. Мужчины дули на пальцы, они укутались в мешки. Я сидела на стуле и дрожала, придавленная цепью, смотрела, как двигаются тени в свете фонаря. И мысленно я пела древнюю песню: «Земель Олбана я дитя...».

Прошло много времени, и снаружи раздались мужские голоса. Я старалась дышать медленно. Пыталась сидеть прямо. Я надеялась, что смогу смотреть в глаза Силовика и отвечать спокойно. Завтра я могу оказаться сломленной, обрывком девушки, которой нужна будет помощь даже для того, чтобы одеться и пользоваться ложкой. Завтра я могу стать тем, кем гордилась бы бабушка. Я вдохнула и просила себя не дрожать.

Первым вошел Финнак, пригнувшись, с фонарем в руке. За ним следовал мужчина е

темной накидке Силовика, в сапогах и перчатках. Он выпрямился, и брошь в виде оленя на его накидке блеснула серебром в свете фонаря. Метка короля.

— Девочка здесь, как видите, — сказал Финнак. — Та самая?

Силовик приблизился, разглядывая меня. Свет касался его, выделяя темно-серые глаза, нос, что ломали в прошлом, шрамы в нескольких местах, жестоко остриженные темные волосы. Он скрестил руки, глядя в мои глаза, я была потрясена.

— Это она, — сказал Флинт. — Уберите эти путы и найдите одеяло. Король не обрадуется, если девчонка околеет до того, как начнет отвечать.

Я застыла, мысли путались. Флинт. Флинт, который помог мне. Оставил свою накидку, нож и еду. Флинт, который сказал, что хочет предоставить мне выбор. Он Силовик? Как такое могло быть? В этом не было смысла. Почему он отпустил меня тогда и ловит теперь?

Он вытащил из мешочка на поясе монетки и отсчитал их в ладонь Финка.

— Это пока что, — сказал он. — Больше будет, когда я пойму, что вы держите языки за зубами, — он мрачно взглянул на двух других. — Это касается каждого. Молчите. Никому не говорите обо мне, о ней и об этой ночи. Вы не видели нас. Не говорили с нами. Если я что-то услышу, но у вас будет не серебро в ладони, а железо в животе, ясно?

Пробормотав: «Да, милорд», трое мужчин расчистили барьер, убрали цепь и развязали веревку. Я так долго сидела на холоде, что не чувствовала ног. Слезы боли и разочарования текли по моим щекам. Едва хватало сил, чтобы злиться, но где-то внутри ярость была, где-то рядом с памятью о горящем судне.

Один из мужчин принес одеяло. Судя по запаху, последний раз оно было на лошади. Флинт встряхнул его и обернул вокруг меня, а потом подхватил меня одной рукой вокруг плеч, и другая рука оказалась под моими коленями, словно я весила не больше ребенка. Он шагнул к брешу в стене и обернулся. Трое мужчин вздрогнули.

— Не забудьте, — сказал Флинт. Не дожидаясь ответа, он нырнул в проем, и мы оказались снаружи, где ждала высокая лошадь. Конь Силовика — темный как ночь, с кожаным седлом и серебряными кольцами на уздечке.

— Я... — было сложно дышать. — Где...

Я могла бы и молчать, ведь Флинт все равно не слушал. Он поднял меня, пока я не села боком перед седлом. Я покачнулась и чуть не упала.

— Держись, — приказал он, и я вцепилась в гриву коня, подозревая, что этой ночью меня отвезут в Летний форт. Флинт запрыгнул в седло за мной, придвинул меня к себе и схватился за поводья. — Сиди смирно, — сказал он. По сигналу, что я даже не уловила, конь зашагал, оставляя амбар позади. Никакого дикого бега. Мы двигались спокойным шагом, а когда вышли на дорогу, озаряемую в ночи бледным светом звездного неба, конь повернул не на юг к крепости короля, а на север.

— Чт...

— Тихо, — объяснить Флинт явно не собирался. Может, я и не хотела этого слышать. Воображение рисовало только плохой исход. Когда мы прошли достаточно пути, я увидела огни, к которым мы приближались, и он сказал. — Ночью — подальше от фермы. Завтра — как можно дальше. Это все, что тебе нужно знать.

Я представляла отряд Силовиков, ждущих на ферме, готовых выбить из меня ответы. Я представляла, как проведу ночь в отравленном сне, пока Поработитель будет крушить мои мысли. Но тело Флинта согревало меня, а конь плавно двигался в темноте, и я думала о предательстве, которое произошло так быстро — лишь слово, взгляд и жест.

Голову выше. Оружие острое. Сердце высоко. Я слышала душераздирающий крик Сореля, когда его коснулось железо. Я видела его изломанное тело и мудрое личико, внезапно сильно постаревшее. Доброта проявлялась, откуда ее не ждали. Женщина, состояние мужа которой отрезало их от общества, одинокое существо под мостом.

«Смелость, — говорила я себе. — Будь той женщиной, какой просила тебя быть бабушка».

Я помнила путь, песню, камнемона. Может, это правда. Может, я была Зовущей. Хотелось бы, чтобы сердце не так сильно колотилось.

Мы добрались до фермы и остановились у двери. Флинт спешил и поднял меня с седла. Что-то было не так со мной, он двоился перед глазами, а когда открылась дверь, я отпрянула от света, голова раскалывалась. Раздался напряженный разговор, Флинт отдавал приказы, кто-то шептал в ответ. Я оказалась на большой кухне и женщина с мрачным видом раздела меня, помогла залезть в кадку с горячей водой, оттерла и промыла мои волосы, говоря лишь: «Наклонись» или «Подними руку». Я сидела и слушалась. Тело предательски расслабилось в тепле, стало сонным, несмотря ни на что. Было так приятно согреться. Разум был пустым, голова кружилась.

Вода начала остывать, и она вытащила меня. Я не могла сама стоять. Женщина одела меня в чьи-то вещи: блузку, юбку и шаль. Она вложила в мою ладонь гребешок, усадила на стул и ушла, забрав с собой мою грязную одежду. Мою большую накидку, что дал мне Флинт в день нашей первой встречи, она повесила сушиться у огня. Мои туфли она тоже оставила у камина. Починенные фейри туфли. Я не знала, сколько Флинт мог заплатить ей за молчание.

Через какое-то время он пришел. И без накидки и перчаток Силовика он все еще выглядел внушительно. Я пыталась распутать волосы. Я впервые за много месяцев так хорошо помылась, ведь там, где нам с отцом давали переночевать, не было теплой воды и очищающих трав.

Флинт стоял у стола и безмолвно смотрел на меня, скрестив руки. Я видела только его, но то четко, то размыто. Я пыталась угадать, что он скажет, когда заговорит. Спросит, наверное, про обувь. Будет заставлять рассказать ему, что у меня есть друзья из доброго народца. Выбьет из меня имена всех, кто помогал мне. Или отдаст меня Скребку разума. Я задрожала, хоть здесь и было тепло. Слезы подбирались к глазам, но я боролась с ними. Глупо, но мне было обидно, что я почти поверила ему.

— Ты замерзла, — сказал Флинт.

Я покачала головой. Гребешок впился в колтун, и я заработала им с большей силой, чем требовалось.

— Ты соврала мне, — сказал он ровным тоном.

Я посмотрела на него, но он управлял выражением своего лица. Он, наверняка, провел сотни допросов, и теперь был умелым. Я не ответила. Он ожидал, что я сразу во всем признаюсь?

— Ты сказала, что позаботишься о себе, — он уже не смотрел на меня, а глядел на огонь, у которого стояли мои туфли. — И ты плохо с этим справилась.

Я говорила такое? Ночь, когда умер отец, казалась такой далекой. Тогда я была слабой, испуганной и сломленной. Я позволила себя схватить. Я не могла с ним спорить. Я хотела сказать ему, что и он соврал. Он говорил, что с ним я буду в безопасности. Как он мог говорить такое, если все это время был Силовиком?

— Вот, — вдруг он оказался рядом со мной с ножом в руке.

Я отпрянула, вскинув руки для защиты.

— Твои волосы, — сказал Флинт. — Это ты расческой не уберешь, — ловким движением ножа он обрезал прядь и поймал свободной рукой. Он отошел и спрятал оружие в ножны. Я снова могла дышать. — Мы не останемся здесь, — сказал Флинт, вернувшись к столу. — Мы пойдем дальше.

— Сейчас? — прохрипела я, представляя холод за дверью, путь верхом на коне в Летний форт.

На его лице что-то мелькнуло.

— Утром. Я говорил.

Я не могла этого вынести. Желудок сжимался от тревоги. Если он будет меня пытаться, допрашивать, то пусть начинает сейчас, чтобы я не переносила страшное время ожидания.

— Пойдем... куда? — выдавила я.

— По одной проблеме за раз, — прошептал он. — Пока что ешь и спи. И все.

— Но...

— Не трать силы на спор. Делай, как я говорю, и держи рот на замке.

— Но я...

Дверь открылась, и вошла женщина с высоким худым мужчиной. Он утащил кадку с водой, а женщина вытащила из шкафа еду, организовав ужин из хлеба, сыра, лука и кувшина эля. Все это время Флинт молчал и смотрел то на нее, то на меня. Его присутствие делало атмосферу в комнате напряженной.

У меня не было аппетита. Я проглотила корочку хлеба, плотнула эля и сильно закашлялась. Тошнота выворачивала желудок. Я встала из-за стола и замерла у очага спиной к остальным, пока пыталась удержать в себе те крохи, что съела. Все кружилось. Кто-то отнес меня в угол, уложил на кровать, и меня накрыла тьма.

* * *

Конь Флинта был неумолим, как и его хозяин. Мили долины Раш проносились под его копытами, падали последние листья с дубов, осенний ветер прилетал с горы, напевая снежную песню. Дни стали чередой снов. Ночью я проваливалась в истощенный сон в самодельном лагере. Я уже не знала, сколько дней мы идем — пять или пятнадцать.

Кашель становился хуже. Меня бросало то в жар, то в холод. Тело болело, я не помнила, когда еще мне бывало так плохо. Каким-то образом в конце каждого дня был огонь, еда и укрытие от ветра и дождя — то в пещере, то под навесом, то в шалаше из веток. У меня не было сил думать, как и откуда. Когда дошло до того, что я даже не могла отходить в лес, чтобы облегчиться, не упав в обморок, Флинт начал ходить со мной, держа меня и отводя взгляд, пока я не закончу. У меня не было сил тревожиться.

Если Флинта и беспокоило, что его приз может погибнуть до того, как он сделает то, что запланировал, он хорошо это скрывал. Только порой я видела вспышку чего-то в его глазах, когда он склонялся и касался рукой моего лба, проверяя, стала ли моя температура сильнее. Он сооружал лагерь с постоянным спокойствием, как было и в первую ночь, когда мы покидали Темноводье, отвернувшись от огня и смерти. Но, казалось, что с каждым днем его выражение лица становилось все мрачнее, а глаза щурились все сильнее.

Но потом я перестала замечать и это. Я лежала и дрожала, думая лишь, что хочу умереть. Вскоре после этого мы остановились в хижине, и я была на кровати, где-то рядом горел огонь. Мне казалось, что все это мне снится, и скоро я проснусь на спине коня в милях

от ночлега.

Я просыпалась и засыпала. Было то светло, то темно. Может, мне это и снилось, но эти сны были новыми для меня: они были странными, и я не понимала, реальность это или нет. Я не знала, где была, и мне было все равно. Я приоткрыла глаза и увидела Флинта с чашкой воды или миской жидкой каши, и я послушно глотала каждый раз, горло сдавливало, а потом я закрывала глаза и падала на подушку. Я чувствовала, как меня поднимают и уносят в уборную, а потом обратно, и укрывают одеялом. Порой он вытирал мое лицо теплой мокрой тряпкой, порой он меня купал. Из него получилась хорошая сиделка.

Были звуки. Снаружи пели птицы, в соломе шуршали мелкие существа, ставни стучали на ветру. Был свет: всегда горел огонь, словно Флинт боялся, что холод убьет меня, по вечерам сияла лампа. Ночью было темно, но я знала, что он рядом, спит на скамейке у двери, охраняя дом. Охраняя меня. Разве он не был врагом? Это неправильно. Он охранял меня.

* * *

Депеша: только для короля Кельдека

Район Трех Карг, поздняя осень

Мое почтение, мой король, и выражаю сожаление, что никак не мог отправить весть раньше. Мне пришлось залечь на дно вдали от Летнего форта и товарищей. Дело, с которым я писал раньше, все еще в процессе, непредвиденные сложности отложили результат. Это деликатная миссия. Спешка приведет к катастрофе. Уверяю, месяц или два задержки никак не повредят, а после вы получите преимущество.

Осень в разгаре, и я подозреваю, что депеша не застанет вас в Летнем форте, мой король, но тогда ее отнесут к вам на восток. На это уйдет время. Отряд Оленя скоро уйдет из Зимнего форта, и я вверяю это послание в умелые руки Роана Клинка-убийцы, который возглавляет отряд в мое отсутствие.

(подпись) Оуэн Быстрый меч, глава отряда Оленя.

* * *

Лихорадка отступила, оставив меня слабой, но живой. Я лежала и смотрела, как Флинт носит хворост, режет овощи на столе, варит травяные настои. Порой он уходил ненадолго, возвращался с зайцем или птицей, после чего готовил ужин. Он почти не говорил, долго молчал. Он стал худее. В сиянии лампы его лицо казалось бледнее.

Ко мне возвращались воспоминания, но я не все понимала. Флинт был здесь, как и я. Но где? И почему? Через пару дней стало достаточно тепло, и он открыл ставни, и солнце проникло в комнату. Но в окно было видно только ветви голой березы и бледное небо.

Я чуть не умерла. Под покрывалами из тощего тела выпирали кости. Колени и локти стали острыми, как у старушки. Если я посмотрю в зеркало, то, наверное, увижу лицо призрака. Сколько я лежала беспомощно? Я хотела задать сотни вопросов, но не могла подобрать ничего, кроме *да, нет и спасибо*. Как только я начну спрашивать, Флинт станет мне врагом. Но я с каждым днем становилась все сильнее и однажды утром села сама, посмотрела на Флинта и сказала:

— Я голодна.

Он улыбнулся, его глаза на миг засияли, он вдруг переменился. Но быстро совладал с собой, и улыбка угасла.

— Есть каша, — сказал он. — Для завтрака подходит.

Я вспомнила, что первый раз мы ели вместе кашу с комками, приготовленную на костре

неподалеку от Темноводья, и тогда я боялась, что он утащит меня в постель.

— Где ты взял зерно? — спросила я.

— Не трать силу на такие вопросы, — сказал Флинт, отвернулся и занялся чем-то за столом.

А куда тратить силу? На вопросы, ответы на которые я не готова была слышать? Я оглядела хижину, чтобы не смотреть на Флинта, пока думала. Я знала это место хорошо. Почти все было видно с кровати. Все было неотесанным: от стола до скамейки, на которой спал Флинт, и там не было покрывала и подушки, была лишь его накидка и сумка. На моей кровати было несколько одеял и две перьевые подушки. На полке у стола были кастрюля, несколько тарелок и чашек, разная утварь. Рядом с ними был ряд мешочков со специями. На нити висел заяц, дожидаясь ужина. У двери к стене было прислонено оружие: лук и колчан, меч в черных ножнах, топор, которым явно не деревья рубили.

Что ему сказать? Каждый вопрос поднимал множество других. И даже простой вопрос мог выдать то, что я держала в тайне: куда я шла, с кем говорила, кто помогал мне. Я боялась, что в лихорадочном бреде бормотала. Что во время кошмарных снов проронила слово: «Тенепад».

Флинт снял с огня котелок, разделил содержимое на две миски и одну поставил рядом с кроватью. Он поправил подушки за моей спиной умелыми движениями. Он нашел шаль на кровати и укутал мои плечи. И ни разу не посмотрел мне в глаза.

— Ешь, — сказал он, сев на стул рядом с кроватью и зачерпнув кашу ложкой.

— Я поем сама. Хотя на это и уйдет время.

Флинт безмолвно сунул ложку в мою руку. Прося себя быть сильной, я осторожно проглотила кашу. Он много раз кормил меня. И я часто отворачивала голову, ведь не могла и крохи проглотить. Он готовил суп или кашу, но меня тошнило. Я должна хотя бы съесть это сама, даже если это убьет меня. Я съела еще ложку. Флинт держал миску, глядя на свои руки.

— Хорошо, — сказал он, когда я закончила и легла на подушки, устав. — Завтра приготовлю зайца и сварю суп. У нас еще есть запасы, и я пополняю их, оставляя капканы. А зерно было здесь, когда мы прибыли.

И он все-таки ответил на мой вопрос. Это удивляло.

— Ты бы съел свою кашу. Остынет, — сказала я.

— Это меня беспокоит меньше всего, — сказал Флинт. Он забрал мою миску на стол и взял свою, но смотрел на меня и не спешил есть.

— Где мы?

— Сколько ты помнишь? — спросил Флинт.

Я заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Память медленно возвращается. Я спала в амбаре, меня нашли люди. Они позвали тебя, ты заплатил им и забрал меня. Мы спали на другой ферме. Мы очень долго ехали. Мне было плохо. Я видела странные сны. Непонятные. Больше ничего не помню.

— Путь был долгим, да. Мы прошли Раш, а теперь спустились к месту, что близко к сгоревшему поселению.

Сердцу вдруг стало больно. Я не могла больше удерживать меня. Я смогла только закрыть глаза.

— Отдохни, — сказал Флинт. — Ты еще слаба.

Я вдохнула и сказала:

— Я в порядке. Продолжай, пожалуйста, — Лес воронов. Где-то здесь лежали кости

моего брата, убитого копьем врага. Здесь лежала бабушка в могиле, что мы в спешке вырыли для нее. Мы с отцом убежали из дому с землей под ногтями.

— Хижина на ферме, — сказал Флинт. — Она высоко на холме, с главной дороги не видно. Место занимают летом, когда здесь пасут овец. В другое время года используют иначе. Например, для укрытия людей. Ты уже не могла идти, и я подумал...

Он потерял нить повествования. Я открыла глаза, и он тут же отвел взгляд. Я ждала.

— Я подумал, что ты можешь не выжить, — тон Флинта был сдержанным.

Это было странно. Он поймал меня. Заплатил за меня. До Летнего форта было меньше дня пути, но он повез меня в другую сторону. Он мог доставить меня в крепость короля, пока я не заболела так, что чуть не умерла. А теперь мы были где-то возле Леса воронов.

— За рекой, — прошептала я. — Так далеко, — я очень хотела пройти по обломкам своей родной деревни. Постоять у могил. Попрощаться и успокоить, сказать то, что тогда не успела. Пропеть утерянным старую песню. В груди от этого болело. Я подумала о заботе Флинта. Без него я умерла бы. Правда трепетала на языке. Я прикусила его. Он был добр, да Но нельзя забывать, что он — Силовик. Мог он спасти меня не из-за чувства ответственности или жалости, а для другой цели?

Флинт пристально смотрел на свою кашу.

— Зима близко, — сказал он. — Риск был продуман. Если бы я ждал, пока ты выздоровеешь, на первой ферме, то было бы слишком поздно переходить реку, выпал бы снег. И были дополнительные причины двигаться, — он взял ложку и начал есть, словно разговор был обычным.

Я вдохнула, призывая свою смелость.

— Что ты сделаешь со мной? — спросила я.

— Моя очередь спрашивать, — холодно сказал Флинт. — Когда ты шла в долину Ращ, ты направлялась все в то же место, о котором говорила в ту ночь в Темноводье? Укрытие, где вокруг будут камни и деревья?

Боги, он все помнил. Но, наверное, это было частью его работы. Я часто врала, чтобы избежать таких ситуаций. Но с Флинтом ложь не пройдет. Он видит меня насквозь. Я решила сказать часть правды.

— Сгоревшая деревня в Лесу воронов, — сказала я. — Я жила там когда-то. Все погибли, дома разрушили, но... там могли остаться пещеры или старые хижины... Туда я хотела уйти, — я слышала, как жалко это звучало. Флинт решит, что у меня нет мозгов. Но на меня свалились простуда и плохая погода, иначе я бы выжила сама. За годы пути отец меня многому научил. Теперь я была слабой, приближалась зима, и мои намерения казались смешными. Пока я не позволила друзьям помочь мне. Пока не использовала дар, который едва понимала. Я ярко помнила, как прижималась к камню и шептала стишок камнемону, камень обнял меня и защитил. Силовики уехали в Летний форт. Все, кроме одного, и вот он был передо мной.

— Ты не смогла бы, — ответил Флинт. — Даже без этой простуды ты не пережила бы здесь зиму. Где твои ловушки? Где твой лук и стрелы, нож и гарпун? Какая пещера или хижина может защитить ото льда на каждом пруду и замерзшей земли под ногами?

Я кашлянула, но ничего не сказала. Не таких слов я ожидала от Силовика.

— Ты спросила о моих намерениях, — сказал он. — Ты уже задавала похожий вопрос, и ответ не изменился.

Я устала. Хорошая еда, тепло, возможность дышать клонили меня в сон. Я уже это

спрашивала? И что он сказал? Я вспоминала ночь и странный разговор, когда я была разбита потерей отца, боялась будущего. Что-то о выборе. Что он дает мне выбор.

— Не понимаю, — прошептала я, борясь с желанием закрыть глаза и уснуть. — Какой у меня может быть выбор?

Флинт молчал. Он снял с огня чайник и поставил на стол. И вдруг сказал:

— Поспи. Отнести тебя в уборную?

— Нет, — я посмотрела на свои руки на одеяле. Они были бледными, бело-серыми, с выпирающими костями. Руки трупа. Я спрятала их под одеяло. — Спасибо, что присматривал за мной, — выдавила я. — Знаю, что если бы не ты, я бы умерла.

Долгое молчание, глаза слипались.

— Понимаю, что тебе сложно довериться мне, — тихо сказал он. — Но ты не одна.

Я открыла глаза, повернула голову и увидела его у огня. Он смотрел на меня с серьезным видом.

— Выбор есть. Но ты устала, и мы поговорим в другой раз, — через миг он добавил. — Тебе еще далеко до момента, когда ты будешь готова отправляться в путь, даже если пойдешь не одна. Тебе не нравится, что я нужен тебе, чтобы отгонять волков от двери, а они точно придут. Но у тебя есть только я. И когда-то нам обоим придется рискнуть и рассказать правду.

Глава девятая:

Шли дни, и с каждым из них я становилась немного сильнее. По безмолвному соглашению мы с Флинтом больше не говорили ни о будущем, ни о причинах. Мы вместе нацелились на мое восстановление. В бурю он не выпускал меня на улицу, не считая походов в туалет, но в таких случаях он заставлял меня под присмотром выполнять придуманные им упражнения несколько раз в день. Десять раз сходить до двери и обратно. Десять раз наклониться. Покрутить руками и плечами. Отдых, а потом все повторить. Я становилась сильнее, и он добавлял элементы сложнее.

Я подумывала, что, как Силовик, он тренировал новобранцев. Теперь я могла везде ходить сама, даже приносила маленькую охапку хвороста из горы за хижиной. А в тот день, когда тучи рассеялись, и солнце осмелилось пробиться, я прошла к холму, решив увидеть Лес воронов или то, что от него осталось. Но нас окружали камни, и они же закрывали вид. Мне нужно было забраться выше по холму, к деревьям. В воспоминаниях о доме не было этой хижины; наверное, она была дальше, чем я думала. Не было видно коня, который так долго нес нас с Флинтом. Не было видно добрый народец, даже незнакомый, хотя я вглядывалась в трещины между камнями и заглядывала под низкие кусты, надеясь и отчасти боясь, что они здесь.

Я вернулась и увидела, что Флинт полирует лежащий на столе меч. В свете лампы он мрачно сиял.

— Далеко от хижины не уходи, — сказал он, словно у него были глаза на затылке. — Может, мы и далеко от дороги, но лучше зря не рисковать.

— Где твой конь?

Он вскинул голову.

— Ушла. Здесь за ней сложно ухаживать, — увидев, что мои глаза расширились, он добавил. — За ней присмотрят. Не в этих краях. Такое существо на местной ферме вызовет вопросы.

Я какое-то время думала об этом. Я хотела спросить о многом, но по очереди отметала вопросы. Наконец, я сказала:

— И... когда ты пойдешь... ты будешь идти пешком?

Он посмотрел на меня.

— Зависит от нескольких факторов. Куда я иду. Когда я иду. Будет ли снег. Хватит ли тебе сил идти долго.

Я села на край кровати, ноги устали. Он будто ждал, что я пойду с ним.

— И ты не знаешь, куда пойдешь дальше? — сказала я.

Флинт сильными движениями двигал ткань по сверкающему металлу.

— Всегда есть выбор, — сказал он. — Север или юг. Вверх или вниз. Идти или отступить.

Наверное, на моем лице проявилось недовольство, он отложил ткань и подошел, прислонившись к стене неподалеку от меня.

— Выбор нельзя сделать, пока ты не восстановишься, — сказал Флинт. — Надеюсь, это будет до того, как дороги завалит снегом. Нельзя застрять здесь.

Я ничего не сказала.

— Ты могла бы сказать, куда идешь, — сказал Флинт. — Если бы я это знал, то помог бы тебе добраться. Я вижу, что ты не доверяешь мне, это мешает тебе открыться. Представь меня псом, что идет за тобой, даже если ты кричишь на него.

Я посмотрела на него, а он — на меня. Я поняла, что его очень сложно видеть врагом.

— Я когда-то кричала? — спросила я.

— Нет. Но говорила во сне.

Я задрожала. Нельзя забывать, что он такое. Если я доверюсь не тому, то не буду достойна Тенепада. Может, я уже совершила ошибку.

— Опять у тебя это выражение лица, — сказал Флинт. — Словно ты закрыла ставни.

Я просила себя не слышать доброту в его голосе. Я просила себя не смотреть в серые глаза, что сейчас были не такие настороженные, как обычно.

— Ты человек короля, — ровно сказала я. — Почему я должна доверять тебе?

Он скрестил руки.

— Я ношу знамя, да. Но я здесь и все это время был здесь. Ты со мной, и я не только лечил тебя.

— Потому что тебе что-то от меня нужно.

— Нерин, — голос Флинта стал тише. Я невольно подняла голову. Он с уверенностью смотрел на меня. Если он и притворялся, то был в этом экспертом. — Мне легко догадаться, куда ты шла. Это место в нескольких днях пути отсюда, и идти придется по такой местности, где не поедешь верхом. Нынче будут бури, а ночи холодные. Тебе нужны силы, чтобы идти пешком и устраиваться на ночлег на улице, — я смотрела на него, не понимая, догадался ли он, куда я иду, а Флинт добавил. — Если я пойду с тобой, ты будешь в безопасности. Если бы ты подождала бы меня тогда, то уже зашла бы намного дальше.

Я молчала. Он и тогда знал, куда я иду? Как?

— Думаю, ты задавалась вопросом, почему я повез тебя дальше, а не в Летний форт, — он теперь шептал, словно за закрытыми ставнями нас могли подслушивать. — Если я скажу, что и не собирался отдавать тебя им, это поможет тебе доверять мне?

— Да, если я смогу в это поверить.

— Я не жду от тебя всей правды, хотя даже капля правды очень помогла бы мне. Со своей стороны я скажу тебе только то, что тебе нужно знать. Мы с тобой понимаем, как опасны знания, когда есть те, кто могут силой вырвать их из нас. Просто знай, что я защищаю тебя. Приглядываю за тобой. Чтобы ты добралась до своей цели.

Так ты не человек короля? Я не могла задать этот вопрос. Он был и влиятельным с брошью серебряного оленя, и добрым с обещаниями убережет меня. Мог он быть шпионом? Это могло бы многое объяснить. Но чему он тогда был верен?

* * *

Казалось, мы играем в опасную и сложную игру. Каждый день я исполняла упражнения под его присмотром. Я ела то, что мне давали. Отдыхала, когда мне говорили. Я начала помогать по дому — готовить еду, разжигать костер, стирать одежду и развешивать их у камина. Пару раз он выводил меня на короткую прогулку, хорошо укутав одеждой. Воздух был холодным, и вскоре у меня заболело в груди, и он отнес меня внутрь к огню. Но я медленно, но верно набиралась сил. Вскоре мы снова поговорим о будущем.

Флинт не задавал сложных вопросов. Порой он напоминал, что если бы я открылась, мы могли бы обсудить, что ждет нас дальше. Он был терпелив, обрабатывал меня, как вода камень, капля за каплей.

И между нами установилось напряженное доверие. Его доброта казалась настоящей. С каждым прошедшим днем он все больше казался не Силовиком, а другом, не обманщиком, а надежным мужчиной. Они ни разу не повысил голос и не поднял на меня руку. Он был терпелив. Он ухаживал за мной, хвалил за каждый успех, а когда я уставала или не могла чего-то сделать, он отходил, давая мне прийти в себя, и снова подбадривал. Если он и тревожился из-за того, что проходила осень, он не говорил об этом.

Конечно, все это могло быть уловкой, чтобы завоевать мое доверие. Тогда Флинт был очень хитер. Но таким и был бы шпион. И нельзя было понять, кто он на самом деле — Силовик или одинокий воин, человек короля или мятежник. Или кто-то еще. Я часто думала об этом, но ответа не находила. И хотя между нами были вопросы, мы уже проще общались друг с другом. Я давно не улыбалась, давно не радовалась. Я почти забыла, что такое счастье за годы пути. Но тут в хижине все было понятным, теплым и тихим. Я была спокойна.

— Флинт?

— Мм? — он выходил до этого, чтобы собрать морковь и репу из кладовой. Теперь он резал их в котелок, пока я рубила лук.

— В детстве ты играл в «Камнемона»? — я не могла спрашивать его о недавних временах, о его семье, о жизни Силовика. Никто не задавал такие вопросы, и я думала, что Флинт на них и не ответил бы. Далекое прошлое было безопаснее. — Вряд ли мы с братом ее сами придумали.

Я сказала слишком много. Флинт быстро это заметил.

— Брат?

— Умер несколько лет назад. В Лесу воронов, — умер в своей крови. Невинный. Мой милый и храбрый Фаррал.

Нож Флинта двигался ровно. Вскоре последовал ответ:

— Он был юным.

— Ему почти исполнилось четырнадцать, — сказала я. Слезы в моих глазах были не из-за лука. Проклятье. Я хотела поговорить о детстве Флинта, а не о своем. История брата была слишком опасной. Фаррал был слишком юным и разозленным, чтобы признать силу молчания. Но я давно выучила этот урок, я не должна была говорить о нем.

— Нерин, — тихо сказал Флинт.

Я перестала резать лук и посмотрела через стол на него. Его взгляд был спокойным, а глаза — чистыми, как лесной пруд под зимним небом. Прекрасные глаза. Я и не замечала, какой красивой формы его губы — тонкие и сжатые в линию, я лишь раз видела его улыбку. В остальном его лицо было обычным, в шрамах. За время в хижине его волосы отросли. Как и борода со щетиной.

— Что? — спросил он, рука с ножом замерла.

— Ничего, — меня будто застали подглядывающей. Словно я заглянула в запретную комнату. Мои мысли смущали меня.

— Сомневаюсь. Ты меня разглядывала.

— Я пыталась понять по длине твоих волос, сколько дней прошло.

Флинт провел рукой по голове. На миг на его лице проявилось удивление.

— Больше месяца, — сказал он. — У тебя слезы в глазах.

— Это лук.

Он отложил нож и посмотрел на меня так же оценивающе, как я до этого.

— Расскажи о брате. Он умер из-за болезни? Случая? Или его убили, когда народ Леса

воронов восстал против людей короля?

Так он знал об этом.

— Он умер от копья Силовика, — я услышала горечь в своем голосе. — Это разбило отцу сердце. Они все сожгли. Фаррал пожертвовал собой зря, — я сжала ладони в кулаки перед собой. Я склонила голову, понимая, что нельзя было выдавать это, но я хотела, чтобы Флинт услышал это.

В тишине я почти чувствовала, как он думает.

— Тогда ты должна сделать то, что он не смог, — сказал Флинт так тихо, что мне могло показаться. А я услышала голос бабушки: «Ты должна быть такой женщиной, какой я быть не смогла, Нерин». Она имела в виду — мудрой, понимающей добрый народец, быть сильной духом. Быть той, что не сдастся под давлением. Выступит против людей короля так, что это будет что-то значить.

Хижина казалась живой. Я ничего не могла сказать.

— Камнемон, камнемон, поднимись, — сказал ровно Флинт. — Помню это. Игра с прыжками, вроде.

Я подняла голову.

— Ты полон сюрпризов.

— Это ты бормотала во сне.

Что еще я выдала? Он мог узнать все обо мне за эти дни и ночи странных снов. Сейчас я почти была прежней собой, но сны все равно были странными, смущающими и беспокоящими, очень яркими. Мог ли такое думать человек после скребка разума? Я даже думала...

— Флинт, — сказала я.

— Да?

— Пока мне было плохо... никто не приходил? Кто-то ведь приносил припасы.

— Почему спрашиваешь?

Я замешкалась, подбирая слова.

— В горячке я потеряла счет времени. Но я знаю, что порой ты уходил. Ходил проверять ловушки, собирать хворост и приносил воду. Может, не только за этим. И хотя хижина хорошо скрыта, вряд ли ты за это время ни разу не видел других. Люди с фермы явно знают, что мы здесь.

Флинт налил воду из фляги в котелок с овощами. Его глаза сузились, он хмурился.

— Есть парень, которому я доверяю, — сказал он, не глядя на меня. — Он пару раз приходил с припасами. Но не заходил. И он забрал Тень. Лошадь.

Парень. Вряд ли это Поработитель.

— Ты растеряна, — сказал он, глядя на меня. Я покачала головой.

— Всего один парень? Кто еще знает, что мы здесь?

— Никто, — тихо сказал Флинт. — Только парень. И даже это риск для нас и для него. Нам лучше поскорее уходить, — вскоре он добавил. — Если тебя кто-то найдет, то это точно не из-за моей беспечности.

— А когда ты уходил? Кто-то мог прийти, пока я была одна, — я услышала вздох Флинта.

— Ты не веришь, что я могу убереечь тебя, да? Поверь, я бы не покинул хижину даже ради еды, если бы не мог обеспечить безопасность. Дверь хорошо запирается, люди не знают, как ее открыть. Я выходил ненадолго. Я обучен достаточно, чтобы меня не заметили.

— Но...

— Если бы кто-то приходил, я бы узнал.

Я молчала. Скребка разума не было. Если он не врал.

— Тебя учили и убедительно врать? — спросила я. Мы уже далеко зашли, я не отступлю.

Улыбка, но не искренняя, а с горечью.

— О, да, — сказал Флинт. — Это я умею. Но тебе я врать не буду. Худшее для меня — скрыть то, что тебе нужно знать.

— Твои слова как лабиринт, — сказала я. — Уловка. Головоломка. Ты умеешь говорить убедительно, рассказывая мне то, что служит твоей цели, — часть меня уже доверяла ему. Часть меня уже верила, что он доведет меня до Тенепада, а потом оставит без вопросов. Но годы побега и тишины тяжелым грузом легли на меня. Я не могла легко отринуть это. — Я могу идти она, — сказала я. — Ты можешь подсказывать, если хочешь помочь. А потом заберешь свою лошадь и вернешься в Летний форт, или где там ты работаешь, — было сложно представить, как Флинт прощается со мной и возвращается к кровавому долгу Силовика. Я не хотела думать об этом.

— Ты уже лучше, чем была, но все еще не готова идти. А еще...

— Что?

— Скажем так, в моих интересах, чтобы ты добралась целой, — сказал Флинт. — Больше никаких вопросов.

— Мы не можем играть в это вечно, — сказала я. — Ты не можешь объяснить, почему помогаешь мне? Да, знания опасны, но здесь никто не слышит, и я не прошу всю историю. Хватит и столько, чтобы я поняла все это.

— Каждый мог шаг отбрасывает опасную тень, — голос Флинта был шепотом. Он осмотрел комнату, словно в углах были шпионы. — Каждый раз, когда я открываю рот, я поднимаю выше копьё. Ты сказала как-то, что хочешь жить одна, окруженная камнями и деревьями. Это я понимаю. Молчание и отступление — так можно выжить. Но не вечно. Твой брат погиб, выступив против жестокости. Ты сказала, что его жертва была напрасной. Нет. Каждая жертва поддерживает огонь свободы.

Я не могла ничего сказать. Совсем. Я смотрела на него огромными глазами, а он спокойно смотрел в ответ.

— Если завтра повезет с погодой, попробуем погулять подольше, — сказал Флинт ровным голосом. — Думаю, у нас есть дней десять, пока здесь не станет опасно находиться. У нас много работы.

* * *

Ночью мне снился Флинт. Он ехал по долине, черный плащ развевался за ним, тучи собирались над ним, а лицо его было белым, губы — сжаты. Один. Видение изменилось, и я увидела его в большом зале, полном мужчин и женщин в хорошей одежде. Он опустил на колени и склонил голову, а потом поднял взгляд, серые глаза были ясными и спокойными. Честные глаза.

— Мой король.

Я не видела Кельдека. Но слышала голос.

— О, мой давно отсутствовавший друг. Ты все-таки вернулся.

— Как видите, мой король.

— Надеюсь, не без рассказа?

— Да, мой король. С рассказом, что только для вас.

Проснувшись, я помнила только это. И после странного разговора, где Флинт выразительно поддерживал мятежников, сон пугал меня. Я завтракала в тишине, а Флинт не начинал разговор. И когда мы доели, он сказал:

— Сегодня ясно. Одевайся теплее, и мы попробуем походить подольше.

— Сейчас?

— Чем скорее, тем лучше, Нерин. Позже придет парень, и мы должны успеть все сделать.

Я укуталась в шаль, потом в накидку Флинта, висевшую рядом с его формой Силовика.

— Откуда ты знаешь, что он придет? — спросила я.

— Сигнал. Мне нужно с ним переговорить. Снаружи. Он тебя не увидит.

— Но он знает, что я здесь.

— Я говорил, что тут уже прятали народ. Парень знает, что я не один. И все. Чем меньше я ему говорю, тем всем нам лучше. Готова?

— А обувь... — я двинулась к ним, но Флинт опередил меня.

— Садись.

Я села на край кровати. Он опустился рядом со мной, придерживая туфли, пока я обувала каждый из них. Он завязал шнуровку, и я ожидала его слова насчет крошечных стежков, необычного шитья, насчет того, что обувь уцелела от долгого пути. Но он безмолвно завязал шнуровку и на миг коснулся моих ног, когда я уже хотела встать. Тепло что-то пробудило во мне. Проснулась та часть, о которой я и не знала.

— Нерин.

— Да.

— Прости. Прости, что не могу рассказать больше. Прости, что нужно идти, хотя ты еще не в себе. Прости, что не могу дать время. Его просто нет.

Сердце колотилось, щеки пылали. Я не могла понять, что сказать, но смогла кивнуть.

Флинт поднялся на ноги.

— Идем, — сказал он, протянув руку. Я взялась за нее, и мы вместе вышли.

* * *

Мы шли по холму. Флинт разогнался, и вскоре мои ноги заболели, но я стиснула зубы и шла дальше. Дыхание вырывалось облачками в холодном воздухе.

— Ставь цель, которую видишь, — сказал Флинт, остановившись, чтобы я догнала. — Тот камень — около десяти шагов. Дойдешь до него и выберешь новую цель.

Я забралась на камень. Дальше был ствол упавшей сосны, часть ее уже обруббили, возможно, для нашего камина. Дойдя до ствола, я тяжело дышала.

— Отдохни, — сказал Флинт. — Хорошо постаралась. Если тебе плохо, склонись и упрись руками в колени. Можно обернуть шалью рот и нос. Воздух холодный, а ты привыкла к теплу.

Добрый тон сбивал с толку. Он ждал, пока я переведу дыхание, а потом сказал:

— Теперь пойдём к деревьям. Сначала ты, — я полезла дальше, он говорил сзади. — Ты сможешь, Нерин.

Деревья были в тридцати шагах по прямой. Цель. Я смогу. Я достаточно сильна.

Через десять шагов рука Флинта подхватила мою.

— Хватит идти одной, — сказал он.

Его тело было теплым. Прикосновение дало мне силу. Мы пошли к деревьям. Их ветви

без листьев были полны птичек, ищущих сушеных ягод или орехов, что уцелели. Мы повернулись. Мы вышли из-за каменной ограды, окружавшей хижину, перед нами открыла долина под высоким небом с облаками. Ниже, в миле на север, было темное пустое место. Разбитая стена. Руины домов. Ряд грустного боярышника. Я помнила, как помогала украшать ветви лентами весной, чтобы почтить богиню, чье имя уже не произносили. На этом месте был волшебный лес когда-то. Многие деревья сгорели при нападении, но остальные стояли кругом, как безмолвные стражи-свидетели.

— Лес воронов, — выдохнула я и отпустила руку Флинта.

Боги, там были руины домика бабушки, и терновник, под которым умер Фаррал. А там Силовики устраивались на ночлег, чтобы посмотреть, кто вернется, не упустили ли они кого-то. На холме в конце долины был дом, где мы с отцом укрывались. Там я ухаживала за бабушкой последние месяцы боли, оттуда уходил отец каждый день, чтобы найти работу, чтобы мы не голодали. Туда он возвращался и каждый раз был все мрачнее. Сердце разрывалось от боли.

Флинт коснулся моей спины. И от этого я резко вздрогнула, я была далеко мыслями. Он отдернул руку, и это было хуже всего. Мне было холодно и одиноко, я смотрела на руины своего дома и не знала, как сказать Флинту, что мне нужно тепло человеческого прикосновения, рука на моих плечах, рука в моей руке. Я хотела верить, хоть на миг, что у меня есть друг.

— Лучше нам возвращаться. Ты замерзнешь, — сказал Флинт.

— Я хочу спуститься, — голос стал ниже из-за сдерживаемых слез. — Когда это случилось, не было времени... мы не смогли... — я не думала, что будет так больно.

— Это опасно.

Я посмотрела на место, где был Лес воронов. Здесь остались только призраки прошлого.

— Флинт.

— Да? Идем, мы должны идти.

Я обвила его руку, не спросив. Он был живым, теплым и сильным среди этого горя и потери.

— Когда ты сказал, что мы пойдем... ты имел в виду, на север, да? Как мы сделаем это, не пройдя Лес воронов?

— За теми деревьями есть дорога, что ведет к горам и дальше на север. Ты можешь ее даже помнить. Вы с братом, наверняка, бегали по этим холмам летом, как дети. Дорога ведет к месту, названному Одиноким озером. Этот путь безопаснее. Отдаленнее, — он посмотрел на меня. — Путь сложный.

— Я справлюсь, — сказала я.

Мы прошли по камням, окруженным колючими кустами, Флинт издал едва слышный звук. Через миг я оказалась оттолкнута в укрытие.

Я скорчилась между камнями, куда меня толкнул Флинт, и ему не нужно было просить меня молчать. Я не видела, чтобы он доставал меч, но это его рука толкнула меня.

Я ждала. Представляя варианты. Местные охотились на меня, чтобы получить серебро короля. Дикie псы, голодные волки. Силовики. Нет, Флинт не бросил бы меня одну. Я медленно дышала.

— Нерин!

Я чуть не подпрыгнула. Голос не принадлежал Флинту, это был кто-то маленький.

— Нет! — прошептала я. — Не сейчас!

— Да, сейчас!

— Быстро, пока он не вернулся!

Лица выглянули из-за колючих веток. Глаза появились в трещинах. Голоса доносились из луж. Я не видела следов доброго народца, сколько была здесь. Теперь они были всюду.

— Ну, говори же! — молили они. — Пока его нет рядом.

— Тшш! — зашипела я. — Тихе, спрячьтесь. Сейчас не время.

— Опасно!

— Прячьтесь! — приказала я.

И ветер донес голоса с холма. Флинт говорил с парнем.

— ... раньше, — услышала я Флинта. *Ты пришел раньше.*

Парень. Флинт ждал его. Я дышала снова.

— ... послание... иди к переходу. Много...

— Как долго...

Голоса их таяли, они уходили. Добрый народец послушался и скрылся, стал незримым для людей. Я знала, что они все еще смотрят на меня. Кожу покалывало от их близости.

Я ждала, прячась и замерзая все сильнее. Я представила, как иду в Лес воронов. Как склоняюсь у могилы Фаррала, отмеченной горкой камней, сделанной незадолго после того, как ушли Силовики, убедившись, что место очищено от запятнанных и мятежников. Мы вышла из укрытия, став печальными выжившими, и отдали почести умершим. Мы скрыли обломки жизней в сердцах и ушли. Я мысленно пела для брата: «И Острова секрет хранят, и сплю спокойно я в Тенях».

— Нерин.

Флинт был здесь. Я поднялась на ноги. Они не хотели меня держать. Он поймал меня, не дав упасть.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел задерживаться. Уже все хорошо. Идем домой.

— Домой, — прохрипела я. — Я бы посмеялась, если бы могла, — ноги были как желе. Я стиснула зубы и сделала шаг.

— Я тебя понесу, — сказал Флинт.

— Нет! Это просто судорога, — я двигалась вперед. — Он ушел? — прошептала я, пока мы шли к хижине.

— Мм, — ответ Флинта был неразборчивым. Через миг он добавил. — Поговорим внутри.

В хижине, когда за нами закрылась дверь, я боролась с желанием рухнуть на кровать. Я повесила накидку и села на скамейку у стола. Я хотела вернуть силу. Я хотела вернуть прежнюю Нерин, которая могла пройти много миль, не останавливаясь, разжечь костер и сотворить себе ужин.

Флинт был серьезным. Он был мрачнее обычного, его губы были поджаты, челюсть — напряжена. Взгляд запрещал вопросы. Он бросил бревно в огонь, наполнил чайник и поставил его кипятиться. Он снял накидку, серебряный олень блестел в свете огня, и повесил рядом с моей накидкой. Он встал рядом со мной, скрестив руки. Мы не сказали ни слова, сколько были внутри.

— Ты, вроде, с кем-то говорила там.

Этого я не ожидала. У него был острый слух. Голоса доброго народца были очень тихими, и я говорила шепотом.

— Я молилась о брате, — сказала я ему. Отчасти это было правдой.

— Угу, — Флинт склонился, глядя на меня.

— То был парень, что сюда приходит? — спросила я.

Он кивнул.

— Что он хотел?

— Ничего важного, — сказал Флинт.

А это напоминало ложь.

— Я слышала, что он говорил, что кто-то идет к переходу.

— Я могу это отрицать, как это сделала ты. Мы можем играть в это, пока нас не схватят.

Я промолчала. Он хотел рассказывать мне лишь то, что мне нужно было знать. А ему не нужно было знать про добрый народец.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал Флинт. — Тебе лучше отдохнуть.

— Я буду сильной, — прошептала я, не зная, злюсь я на Флинта или на себя, или на короля Кельдека, или на все королевство Олбана.

«День, — подумала я. — Всего день, когда мне нужно думать обо всем этом. День, когда я могу выйти и прогуляться, почувствовать солнце, не оглядываясь через плечо. День, когда можно поговорить с Флинтом и добрым народцем, поговорить со всеми, кто придет, не боясь слов», — я просила не так и много. Но это было невозможно.

— Сначала отдохни, — сказал Флинт. — Мы погуляем еще позже. Но...

— Но что?

И теперь выражение его лицо обеспокоило меня. Это было лицо Силовика, и тон подходил ему. Все было твердым.

— Завтра меня не будет весь день. Мне нужно твое обещание. Нерин. Ты не должна покидать хижину, пока меня не будет. Даже не выходить в туалет, можешь использовать ведро. Если кто-то придет, если что-то услышишь, не выходи и молчи. Ни звука. Понимаешь?

— Понимаю, почему люди боятся Силовиков, — сказала я, заставляя себя смотреть ему в глаза. — Куда ты пойдешь? Это из-за того парня? Из-за его послания?

Флинт вздохнул.

— Тебе не нужно этого знать. Как и мне не нужно знать, что ты делала, когда я оставил тебя на холме. Я ведь надеялся... — он замолк и передумал это говорить. — Я заварю тебе травы. Тебя нужно согреть.

— Это послание расстроило тебя. Кто-то идет сюда? Кто-то угрожает мне? — я задумалась. — Или тебе?

Он расставлял чашки на стол четкими движениями. Это было ловко для его больших рук. Мне нравилось следить за ним.

— Ты понимаешь, почему я не могу тебе этого сказать, — ответил он.

Конечно. Иначе не отступила бы.

— Если не можешь сказать, — начала я, — то договори начатое. На что ты надеялся?

Он смотрел на готовящийся настой.

— Надеялся, что наступит день, хоть один, когда мир будет правильным, когда не нужно будет тревожиться, цела ли ты. Когда я смогу открыть двери и окна и впустить солнце. Когда не будет сражений, когда будет ясно, где правильно, а где нет, как свет и тьма, — Флинт скривился. — До такого дня еще далеко. Может, его и не будет, — он ушел к камину и чайнику.

Я думала о его речи, пока Флинт заканчивал приготовления и ставил чашку передо

мной. Меня пугало, что наши мысли были схожими. Он сел напротив меня, обхватив руками чашку. Он избегал моего взгляда.

— Правильное и нет ясно разделены, — сказала я. — Разве не так? — но были времена, когда я крада еду, чтобы мы с отцом не голодали, а отец потом продал меня. Я видела себя, бегущую по Бригу Броллахана, оставив друзей позади преследователям. Я слышала крик Сореля.

— Я не всегда это видел.

— А в детстве, Флинт? Дети все видят четко и просто. Пока...

Пока не увидят невообразимое, пока убеждение, что правильное всегда побеждает не исчезнет навеки.

— Это не имеет значения.

Он закрылся плотными ставнями, запретив дальнейшие расспросы. Я никогда еще не видела ни у кого такого лица, и мне стало страшно. Он был слишком юным для такого выражения лица. Он тоже был невинным ребенком когда-то. А это было лицо человека, забывшего значение радости.

Я потягивала целебный настой из зеленых трав и молчала. Тепло огня окутывало хижину, выгоняя холод. Флинт смотрел в пустоту. Молчание сгущалось.

— Я хочу, чтобы ты пообещал, — сказала я.

— Пообещай не выходить завтра. Мне нужно только это.

— То, что ты сказал... Я думала о чем-то похожем. О правильном дне, что был бы идеальным подарком. У тебя будет этот день, Флинт. Как и у меня. День без страха, день солнца и открытых разговоров, — вдруг мне стало важно, чтобы он поверил в это. — Ради этого умер мой брат. Я боюсь смерти. Многого боюсь. Я не знаю, смогу ли быть такой же храброй, как Фаррал. Но я надеюсь. А без надежды никто не может идти. У тебя будет день свободы, как и у меня. Может, придется подождать, но этот день настанет, — я добавила после паузы. — Может, я сказала слишком много. Может, не этого ты хотел, — я не знала, что он думает о моей речи.

— Пообещай, что будешь в хижине завтра, — сказал Флинт. — Скажи это, Нерин.

— Я не могу обещать. Случиться может что угодно. А если это место загорится? — он уставился на меня. — Обещаю, что буду действовать разумно. Я знаю, что выходить одной нельзя. Я буду пользоваться ведром.

Лед в глазах Флинта немного оттаял.

— Вижу, большего я от тебя не добьюсь. Отдыхай. И не спорь, просто ложись и закрывай глаза. Когда поспишь и поешь, мы снова прогуляемся.

* * *

Я спала, а мне снился Флинт, сидящий за столом и пишущий. Даже во сне я подумала, что это странно — откуда у него пергамент, чернила и перо? Разве он умел читать и писать? Он справлялся с заданием, словно оно было не только трудным, но и неприятным. Закончив, он спрятал материалы, свернул пергамент и запечатал воском горячей свечи. Он спрятал свиток в сумку, задул свечу и сидел, ни на что не глядя. И новое выражение его лица было как у человека, что был близок к бездне.

Сон переменялся. Я была на каменистом острове, в диком милом месте, где небо и море объединялись, а пейзаж был мириадами оттенков серого, синего и зеленого. Плавали морские котики, летали сверху чайки. Мальчик лет пяти или шести играл одиноко камешками на пляже. Его темные волосы трепал ветер. Его серые глаза были

напряженными, он ставил камни кругом на плоском валуне.

Камнемон, камнемон, поднимись! Камнемон, камнемон, но не ушибись!

Он махнул резко рукой, камни застучали и попадали. Мальчик сжался на миг, замерев, словно сам был из камня. А потом начал заново выстраивать их. Облако закрыло солнце, на ребенка упала тень.

Когда я проснулась, у Флинта уже был готов ужин. Я помнила сны. И я хотела задать вопросы. Он рос на западных островах? Кто научил его читать? У того, кто стал Силовиком, явно много призраков прошлого. Его воспоминания сложно нести. А он оставался в своей власти, хоть и считался человеком короля.

Я ела, пока Флинт смотрел на меня соколиным взглядом. Позже мы снова пошли, и он показал мне, где начинается тропа на север, за деревьями. Я чувствовала, что добрый народец близко, но они прятались в присутствии Флинта.

Ночью я устало уснула, снились только обрывки. Я проснулась на рассвете, а Флинт уже поправлял сумку. Он был в накидке и сапогах. Ведро стояло в углу, котелок горячей каши — у огня. Я села на краю кровати, потирая глаза.

— Мне нужно идти, — он опустил передо мной и обхватил мои ладони. — Я постараюсь вернуться дотемна, но если меня не будет — не тревожься. Еды пока что хватит, я принес хвороста, — он замешкался. — Если...

— Что? Если ты не вернешься? — было слишком рано для такого разговора. Я была сонной и не управляла своими словами и выражением лица.

— Я вернусь, — сказал Флинт. — Даю слово.

Я посмотрела в его глаза и не увидела в них сомнений.

— Будь осторожен, — сказала я, понимая, что всего пару дней назад не посмела бы ему этого сказать.

Губы Флинта изогнулись. Он словно пытался улыбнуться.

— Осторожен, — повторил он. — Я всегда осторожен, Нерин. А ты более импульсивна. Сдержи обещание, — он выпрямился. — Мне пора. Будь осторожна.

* * *

Флинт ушел, и я послушно заперла дверь. Ставни были закрыты. В свете лампы я позавтракала, помыла тарелки, заправила кровать и подбросила хвороста в камин. Вязанки, что оставил мне Флинт, хватило бы на пару дней. Я поежилась. Как он мог быть уверенным, что вернется? Все могло случиться снаружи.

А я могла лишь сидеть и думать. Куда он пошел? Что он делал? Я вспомнила ночь, когда он выкупил меня на ферме и решил отвезти на север, не на юг. К свободе, а не плену. Он мог быть среди Силовиков, что преследовали меня до ущелья, мог видеть, как я исчезла на глазах. И тогда он отправил остальных и пошел один. Он знал, кем я была? Может, он знал это с самого начала. Может, его послали за мной в Темноводье, но он ослушался и спас меня по каким-то своим причинам. Непослушание привело к гибели людей. Хотелось бы знать, где он. Он мог быть в ужасной опасности.

Это сводило с ума. Я думала по кругу и ни к чему не приходила. Нужно стать сильнее. Я не хотела быть обузой для Флинта в пути. Девять дней. Я должна быть готова. Я буду готова.

Я выполнила набор упражнений. Отдохнула. Повторила их, думая, что хотя руки и ноги болели, справилась я лучше, чем пару дней назад. Флинт был хорошим тренером.

Я вскипятила воду в чайнике, сделала настой. Не думая, поставила две чашки на стол. Я села и смотрела на них, представляя Флинта таким, каким видела во сне — мчащимся в

Летний форт с лицом смерти. Лишь бы это видение не было пророческим.

Позже я приготовила ужин из того, что нашла в хижине: ячмень, сушеное мясо, травы. Я поставила котелок у огня, чтобы готовилось медленно.

— Приходи невредимым, — прошептала я, — и получишь горячий ужин.

Я приоткрыла ставни, чтобы понять, сколько времени прошло. Похоже, не очень много. Мне ничего не мешало сложить сумку и отправиться в Тенепад. Я понимала, что не справилась бы, даже если бы была полна сил. Я не хотела думать об этом.

Пока еда готовилась, я лежала на кровати, надеясь, что смогу немного поспать. Я закрыла глаза, но резкий стук в ставни заставил меня вскочить. Сердце колотилось. Через миг что-то стукнуло по крыше, кто-то постучал в дверь. Совсем низко, у земли.

— Нерин! Нерин, открой дверь!

Флинт просил молчать. Если бы стучали люди, я бы послушалась. Но голос не принадлежал человеку. И стучали так не человеческие руки.

— Вам нельзя заходить, — сказала я. — Уходите.

— О, нет, нет, нет! Поговори с нами! Услышь нас! Опасность!

Хор голосов — высоких, низких, мягких, пронзительных и хриплых. Я не слышала мудрый голос Шалфей среди них.

— Я не могу открыть дверь, — сказала я. — Не могу выйти. Я обещала.

Последовало молчание, а потом они яростно зашептались, споря.

— Мы можем войти, — сказал кто-то. — Открой дверь.

Я замерла, вспоминая обещание действовать разумно.

— Я не могу вас видеть, — сказала я. — Если я вас не вижу, то как могу вам верить?

— Нам нужно войти, — этот голос я узнала. Сильвер. Та, что отказывалась верить, что я — Зовущая. — Там всюду запах воина. Можешь не открывать дверь. Один все равно пролезет.

Я не учла способность доброго народца сливаться. Низ двери чуть пошатнулся, и через миг там оказалась фигурка. Я видела этого последователя Сильвер — наполовину человека, наполовину птицу, что доставал мне до колена. Он поклонился.

— Мы с предупреждением, — сказал он и огляделся, словно боялся, что тут кроются враги. — Ты должна идти с нами. Сейчас.

— Идем! — раздался за дверью хор голосов.

— Какое предупреждение? — мне стало не по себе. Добрый народец хорошо знал Олбан. Если они чувствовали беду, если это тревожило их так, что они пришли ко мне, несмотря на сомнения, то будет глупо не слушать их. — Я в безопасности здесь. Я обещала Флинту, что не выйду. Я болела.

— Мы видели, видели. Не верь ему! Даже сейчас он предает тебя.

— Предает тебя! — вторил хор.

Я сдвинула засов и открыла дверь.

— Лучше заходите, — сказала я. Они вошли безмолвной линией. Большую часть я помнила с ночи в Среброводье. Существо с пальцами-прутиками, туманное существо с большими глазами. Зашли и другие. Последней следовала Сильвер, она смотрела на хижину так, словно она дурно пахла. Не было Шалфей. Как и Красного колпака.

Они вошли, и я заперла дверь. Они настороженно шептались.

— Садитесь, — сказала я и устроилась на полу. Через миг они уселись кругом. — Рассказывайте.

— Нельзя терять времени!

— Собирайся и беги! Идем с нами!

Я подняла руку, они замолчали.

— Вы сказали, что сейчас он предает меня. Что это значит?

Я не хотела этого слышать, но должна была. Я молилась, чтобы они ошибались.

— Мы видели его, Нерин, — властно и спокойно сказала Сильвер. Она сидела ровно, а платье из паутины ниспадало красивыми складками. — У перехода из долины с отрядом таких же, как он. Людей короля. Силовиков. Они пришли прошлой ночью и устроились в лагере ждать его. Он пошел к ним этим утром.

Глава десять:

— Ошибаетесь, — сказала я. Как я могла объяснить это, не раскрыв секрет, что Флинт явно некий шпион, мятежник под личиной человека короля? Я медлила, напряжение росло. Я чувствовала тяжесть взглядов доброго народца. Они судили Флинта и меня, все не так расценив. — Я знаю, что он хороший, — добавила я. Не самый лучший аргумент. — У него есть свои причины говорить с Силовиками. Он не приведет их ко мне. Он помогал мне вылечиться. Если он хотел меня выдать, то сделал бы это давным-давно, избавив себя от проблем.

— Ты говоришь уверенно, — сказал человечек, похожий на птицу. — Но откуда эта уверенность? Что ты знаешь о нем, кроме его же слов?

— Силовики — умелые лжецы, — поддакнул мужчина в шапке из скорлупки ореха. — Они впитали искусство обмана с молоком матери.

Если это и не было всей правдой, я уловила их мысль, и она совпадала с моими сомнениями. Я пыталась не думать об этом. Но сомнения никуда не девались.

— Если бы ты видела то же, что и мы, — сказал человечек, похожий на птицу, — то поняла бы, что мы говорим правду. Ты бы не мешкала, а хватала сумку и бежала.

Я застыла. Грудь сдавило, словно на сердце лег камень.

— Что вы видели? — заставила себя спросить я.

— Они шутили и смеялись. И ели у костра.

— Это я ожидала. Флинт... — нет, я не могла им рассказать свою версию. Это не мой секрет. — Он их товарищ. Он Силовик, да, но... он не навредит мне. Я почти уверена в этом, — я думала, что Флинт пошел на встречу с товарищем, чтобы обменяться новостями и отчитаться, но не ожидала весь отряд. — Он, наверное, хочет сбить их с моего следа, — предположила я. Сильвер посмотрела на человечка-птицу, а существо с прутиками на туманное существо. Они не скрывали недоверия, и я добавила. — Встреча — не предательство. Он мой друг.

Многозначительная тишина.

— Он Силовик, — тон Сильвер был спокойным и властным. — Он не может быть твоим другом. Они поели и поговорили, а потом оседлали коней и отправились в путь. Но не к Трем Каргам, и не к Летнему форту, а к Лесу воронов. Твой друг поехал с ними. Он не сбивает их со следа, Нерин, а ведет к тебе. Если ты не уйдешь сейчас, то поступишь очень глупо. И я сомневаюсь, что Шалфей была права насчет тебя.

И хотя я была ошеломлена ее словами, я ощутила закипающий гнев.

— Если сомневаетесь во мне, то почему вы здесь? — возмущилась я. — Почему соизволили предупредить меня? Если я не Зовущая, то вам должно быть все равно, кому я верю и куда иду.

— Красный колпак принес новости о гибели Сореля, — сказал человечек-птица. — Позже с ним пришла Шалфей. Она рассказала немного о твоём пути. Потом они оба ушли. Они не сказали, куда, мы не спрашивали. А мы здесь, потому что птичка поведала мне, что у тебя новый друг. Друг, что так близок с железом, что тут им все пропахло, хоть его здесь и нет... — он замешкался и посмотрел на Сильвер.

— Услышанное встревожило нас, — сказала Сильвер. — Не пойми превратно, я все еще

сильно сомневаюсь в тебе. И я верю, что Шалфей уже слишком стара. Но ты остановилась и выслушала воинов в Скрытой воде. Ты не поддалась мольбе уриска. Ты выстояла перед броллаханом. Ты прошла по долине, и вскоре поползли слухи, что что-то необычное случилось в ущелье. Мы слышали это и поняли, что больше не можем отметать слова Шалфей полностью. И тут мы узнали, что ты дружишь с Силовиком, что ты болеешь, что ты слабая и в хижине с ним, потому что его кулак силен, а язык хорошо уговаривает. Пока он был тут, мы не могли приблизиться. А теперь мы чуть не опоздали. Подпустив его к себе, ты подвергаешь себя большой опасности.

— Что ты рассказала ему? — осведомился человек-птица. — Что он знает о твоих планах?

— Мало. Я была осторожна. То, что знает Флинт, он знал и до того, как спас меня в долине, — боги, неужели это правда? Он все это время врал мне так умело, что я верила каждому слову? Я вспомнила сон, где он смотрел, преклонившись, на короля Кельдека, и взгляд его был таким искренним, что никто в Олбане не поверил бы, что он лжет. Он часто так смотрел на меня, и я думала, что этот взгляд доказывает его честность. От этого воспоминания горло сжалось.

— Спас? — фыркнула Сильвер. — Если ты все еще веришь, что он — твой друг, то он точно зачаровал тебя. Он нянчился с тобой по одной причине: потому что король хочет тебя невредимой и готовой к работе. Если вождю подносят на пиру трофей-свинью, он не ждет ее тощей, уже почти умершей. Воин ждал, пока не удостоверится, что у тебя хватит сил дойти до Летнего форта и прийти ко двору короля в Зимний форт. Он откармливал тебя для убийства.

— Не для убийства, — возразил человек в шапке-скорлупке.

— Это образно, — сказала Сильвер. — Нерин, он готовил тебя для короля. Таков его план. Королю нужна ты. В его руках ты станешь орудием уничтожения.

Молчание. Казалось, я могу слышать биение своего сердца, в котором боролись паника и горе. Нужно успокоиться. Нужно все обдумать.

— Вы сказали, что все еще сомневаетесь в моем даре. Но вы сами себе перечтите. Если я не Зовущая, то я не могу стать орудием разрушения. Если я нужна королю, то он сильно ошибся, или я такая, какой меня видит Шалфей.

— Я думала, Зовущему хватит мозгов не попасться в руки людей короля и оказаться в месте, полном железа, чтобы мы не могли подойти, — резко ответила Сильвер. — Если бы этот твой *спаситель* не ушел утром со своим оружием, ты бы сидела тут до вечера, пока он не привел весь отряд за тобой.

— Она права, — сказал человек-птица. — Тебе повезло, что он оставил тебя одну, и что мы были рядом. Собирайся и уходи с нами. Мы поведем тебя вперед.

— А если вы ошибаетесь? Они могут идти сюда по другой причине. Это может быть не связано со мной, — боги, может, они ехали в Тенепад. Может, они хотели напасть и уничтожить это место. — Будет безопаснее сдержать обещание и остаться здесь, пока не вернется Флинт, — я слышала свой лепет, видела их лица. Меня обманули. Перехитрили. Умело. А я все еще не верила в это.

— Оставайся и жди, если хочешь, — сказала Сильвер. — Забыла, что случилось с твоей бабушкой?

Я похолодела.

— Нет, — прошептала я.

— Флинт — прихвостень короля. А он обратит твой дар против нас. Он использует скребки разума, чтобы подчинить тебя своей воле. И ты призовешь нас. Мы придем, ведь не можем ослушаться. Зовущего нужно слушаться. И люди Кельдека уничтожат нас.

Я оглядела их, скользя взглядом по маленьким личикам, может, в моих глазах был вопрос.

— Не все из нас маленькие и слабые, — сказал человечек со скорлупкой. — Если позвать, на помощь придут все из окрестностей, все, кто есть в лесах, полях, в горах. Позови, и ты узнаешь больше, увидишь больших, например, троу или водную лошадь. Позови, когда твой дар будет силен, и ты получишь силу древнего сердца Олбана.

— Вы не можете говорить о Стражах.

— Айе, о Великих, — сказали голоса.

— Говорят, — добавила Сильвер, — что Зовущий, доказавший себя, может призвать даже их.

— Но они сильны, почти как боги, — возразила я. — И я слышала, что они давно покинули Олбан, — так говорил Пустой.

— Айе, они ушли, — сказал человечек-птица. — Но не так далеко, чтобы Зовущий не мог разбудить их и вернуть. Так говорят в сказаниях.

Это было правдой. В истории, что Пустой рассказал о Коркане и морском народце, упоминался один из Стражей, Лорд Севера. Я не помнила, чтобы Пустой говорил, что Коркан призвал его, была лишь возможность, что он был там. История была старой, никто не знал, что было на самом деле.

— Доу прав, — сказала Сильвер, кивнув на человека-птицу, выдав мне его имя. — Великие будут в его власти, и король получит больше сил, чем кто-либо со времен давних сказаний, — Сильвер скрестила тонкие руки на коленях, глядя на меня большими красивыми глазами. — Или так он представляет. Потому воин не вредил тебе, Нерин. Потому выжидал, чтобы ты поверила. Потому нянчился, заставляя Силовиков держаться подальше, пока ты не будешь готова. Время пришло. В руках короля твой дар станет страшным злом. В его руках ты станешь карой всего Олбана.

— Разговоры это хорошо, — сухо сказал Доу. — Но мы должны помогать девочке сбежать, а не запугивать словами. Давай-ка, ты, собирай ее сумку. А ты — осмотри ее обувь. Ты — наполни флягу, и хватит. Девочка, тебе лучше взять теплую накидку.

Я поднялась на ноги. Плакать не буду. Не пророню ни единой слезы. Флинт. Флинт — враг. Каждое прикосновение, каждое доброе слово было ложью. Я подошла, забрала накидку, укуталась в нее. Гордость уговаривала бросить ее, разум говорил, что это тепло мне в пути пригодится.

Я отодвинула засов и открыла дверь, ощутив кожей холодный воздух. Хижина все же казалась домом. Убежищем. Я не могла уйти из тепла и света.

Вокруг затопали ножки, меня касались их тела.

— Пора идти, — сказал кто-то.

Я мешкала. Я отказывалась от всех предложений доброго народца идти со мной, ради их и своей безопасности. В этот раз все было иначе. Предательство Флинта тяжким грузом легло на меня, и я знала, что даже после всех его стараний, я не восстановилась до конца после болезни. Поход в Тенепад в одиночку ломает меня. Но если я не дойду, то смогу умереть, замерзнув, и Силовики не найдут меня.

— Понимаете, как рискуете, идя со мной? — тихо спросила я. Мне хотелось, чтобы они

пошли, хотелось их слов и грубой доброты, их тепла рядом. С ними, может, я не буду думать о Флинте.

— Мы не вчера родились, девочка, — сказал Доу. — Так что? Идешь или остаешься, пока не придут люди короля?

Я закрыла за собой дверь и ушла. Огонь угаснет. Ужин в котелке остынет. В лампе кончится масло. Флинт придет в холодный темный дом. Дом. Было глупо так думать. Сны расслабили меня, заставили потянуться за дружбой и теплом, а не за справедливостью? Я не буду думать о Флинте. Я не буду думать, как он идет по долине к товарищам, ужинает с ними и рассказывает, как хитро заманил меня и обманул. Я не буду думать, как он ведет их ко мне, пока я глупо убиралась и готовила ему ужин. Я буду думать лишь о том, как переставлять ноги и двигаться вперед.

Мы добрались до леса и тихо пошли под деревьями к тропе, о которой говорил Флинт. Товарищи не отставали. Страх хлыстом подгонял меня. Если Силовики были на конях, они придут дотемна. Флинт... Я стиснула челюсти, прищурилась и пошла дальше. Боги, как же тут холодно. Вершина холма над нами казалась невообразимо высоко, тропа вилась к пологим склонам. Далеко ли до Одинокого озера? Я помнила место, которому мы с Фарралом придумали название. Мы кидали камешки в воду. Мы лазили по камням и прыгали с высоких выступов. Это было очень давно.

Мы забрались на склон. Тут мы были открыты. Долина раскинулась под нами, Раш серой лентой вилась под тучами. У реки был Лес воронов, черное пятно среди безжизненных деревьев. *Прощайте. Прощайте снова.* Было сложно дышать.

Интересно, Флинт догадается, куда я пошла? Он рассказывал мне об этой тропе, что скроется от людей в долине, едва мы пересечем холм. Но, может, он подумает, что я выбрала другой путь, оставив его. За Лесом воронов я заметила силуэт Великаньих кулаков за фермами. Я споткнулась. Я посмотрела с холма вниз. Мои спутники остановились. Двое шли в конце с ветками сосны. Ими они заметали путь, стирая следы.

Мы не ушли далеко. Крышу хижины было видно за рощей, у защищающих ее камней с берез. Тонкая нить дыма поднималась из трубы. Вороны сидели на деревьях и каркала.

— Иди, — сказал Доу. — Нет времени озираться. Они идут.

Холодный воздух ранил мою грудь.

— Подождите, — сказала я. Я сняла сумку и накидку, укутала шалью голову, рот и нос, а потом укрылась накидкой. Я потянулась за сумкой, но пара существ уже несли ее.

— Все еще не в себе, — отметила Сильвер, разглядывая меня. — Ты далеко не уйдешь.

— Я буду идти столько, сколько нужно.

— Хмм, — в ее тоне были сомнения. — Тогда идем.

Мы шли среди холмов. Тропа вскоре стала узкой. Тучи сгущались, тяжелые от дождя. Я пыталась не думать об одиноком холодном пути к озерам. Я была с друзьями. До Тенепада несколько дней пути. Я смогу.

На вершине холма мы спрятались за рядом камней, точнее, пригнулась я, а спутники были скрыты и без этого. Я оглянулась на долину и увидела в районе Трех Карг силуэт вдаль на дороге. Наверное, всадники. А, может, стадо коз. Было еще рано Флинту и его товарищам появляться в поле зрения.

— Ближе, — прошептала Сильвер. Добрый народец столпился в кучу за камнями.

— Если это люди короля, — сказал Доу, — они идут к твоей хижине, а потом пойдут за нами.

— Стыдно, что ты не можешь призвать никого большого и сильного, — отметило существо, похожее на собаку. — Если бы ты вызвала великана или монстра, то он отнес бы тебя туда, куда нужно. Наша помощь тебя не спасет.

— Айе, — сказал человечек в желтом шарфе. — Печально, что против нас время.

Я кашлянула.

— Я призвала камнемона, — сказала я. — Наверное. В ущелье. Силовики схватили бы меня, но я... я рассказала стишок, и камни скрыли меня. А потом, когда опасность миновала, отпустили.

Они уставились на меня.

— Она призвала камнемона! — пробормотал кто-то. И вокруг разразился спор:

— Это шесть из семи!

— Нет!

— А что тогда?

— Смелость, балда!

— Жалкий камень, это не смелость, а глупость!

— Нет!

— Мы слышали о чем-то необычном в том месте, — сказала Сильвер, игнорируя их. Её тон был спокойным, но взгляд изменился. Было ли там уважение? — Мы не думали, что... это было так необычно. Ты умеешь звать на помощь. Это может помочь тебе в пути. Сильное существо понесет тебя и напугает врагов. Ты об этом не думала?

Во мне все спорило.

— Не думаю, что это хорошая идея, — выдавила я, хотя было заманчиво. — Я еще не умею правильно использовать дар. Я чуть не осталась в камнях, призвав камнемона. И если меня понесет кто-то большой, нас будет видно издалека.

К моему удивлению, они шептались и кивали.

— Она права, — сказал кто-то. — Камнемон силен и вынослив. Но его нельзя назвать быстрым. И он не сможет скрыться, пока несет девочку. Может, лишь раз.

— А озерный монстр?

— Что? Чем вы думаете? Мы не в Глубоководье. В округе только мелочь. И так будет, пока она не доберется до Сгибов. А тут только головастики с маленькими зубками.

— Сгибы? — я не слышала этого названия раньше и, видимо, не должна была, потому что на него тут же зашикали пятеро или шестеро.

— Это рядом с местом, куда ты идешь, — сказала Сильвер.

— Вы не знаете, куда я иду, — отметила я. Здесь было холодно. Поднялся ветер, тучи темнели. А в долине все сильнее казалось, что приближались всадники.

Спутники молчали. Все мы были напряжены.

— Новый план, — сказал Доу. — Найдем укрытие и затаимся. Выждем, пока они пройдут. Укрытие за холмом в половине пути до озера. Нерин, возьми за руку меня и ее. А вы несите сумку. Идем!

* * *

Идти с добрым народцем было не так, как с Флинтотом. Я еще помнила его руку в своей, тепло его тела, силу его присутствия, хоть я и хотела отогнать это воспоминание. Его предательство ранило меня. Все внутри было пустым. Я старалась удерживать гнев, что придавал мне сил идти, но это было сложно, ведь становилось все холоднее, а путь вился дальше по холмам, по камням, среди луж и ям. Все это время добрый народец был со мной,

они по очереди держали меня за руки, шептались. Их глаза, ладошки и слова помогали мне двигаться.

Мы шли по узкой тропе, что проходила под утесом. Периодически один из спутников забирался туда и смотрел на долину. Мы ждали и шли дальше.

На третий раз Доу, стоявший на утесе, помахал нам забираться. Мы влезли к нему. Мы ушли дальше, чем я думала. Лес воронов был далеко позади, все еще темнел за скелетами деревьев. Откуда-то там поднимался дым. Не из руин поселения, там нечему было гореть. С холма неподалеку. В Лесу воронов ходили всадники, словно искали.

— Люди короля близко, — сказала Сильвер. — Но он повел их по другому пути.

— Этот дым, — сказала я. — Это хижина. Где мы... где я оставалась. Они могли разделиться. И кто-то уже может идти за нами.

— Даже если ты не угадала, — сказал Доу, — они поймут, что на той тропе нет наших следов, они подумают об этой дороге. Идем, нужно спешить.

— Как далеко укрытие? — спросила я у Сильвер. Я не знала, сколько смогу идти.

— Не близко, — сказала Сильвер, — и не далеко. Тихая! — женщина, которую она позвала, была милой, светловолосой и в сером одеянии с капюшоном. На ее плече была любопытная плетеная сумка. — Тебе стоит дать Нерин одну из своих настоек.

— Я не... я слышала... — пролепетала я, а та открыла сумку и вытащила маленькую каменную бутылочку, запечатанную пробкой.

— Олбан полон историй, девочка, — сказала Тихая, достав чашку из скорлупки. — Это не отправит тебя в мир иной, не привяжет к нам. Лишь придаст сил.

Еще один риск. Выпить это и принять последствия или не дойти до укрытия до прихода Силовиков. Я взяла чашечку и прижала к губам. Там было на один глоток, и настой обжег рот. Я хотела выплюнуть его.

— Глотай, — прошептала Тихая с хитрым взглядом. По ее голосу я слышала, что она делала так много раз. — Вскоре ты ощутишь силы.

— Что там? — пролепетала я.

— Ах, пара травок, — сказала Тихая, вытирая чашку травинкой. — Это тебя не убьет, — она посмотрела на Сильвер. — Немного времени, и мы пойдем, айе?

Мы ждали. Я видела, как в Лесу воронов Силовики собрались в группу. Хотелось бы видеть лучше, у некоторых людей был такой дар. Я представила их: черные плащи, темные кони, спорящие мужчины. Ехать по долине или оставить лошадей и пойти по тропе в холмы? Флинт мог сказать им, что я бы скорее выбрала менее очевидный путь, тот, о котором он рассказал мне, что позволял убежать на север. Как он мог? Если бы мне рассказал кто-то другой, а не добрый народец, я бы не поверила в его предательство.

Жизнь возвращалась в мои руки и ноги. Разум прояснился, хотя я знала, что все равно устала.

— Я готова идти.

Тихая осмотрела меня.

— Айе, так и есть.

— Идем, — сказала Сильвер. — Скоро дождь. Тропа уйдет от холмов. Больше мы следить за ними не сможем. Нужно идти быстро.

* * *

Тропа спустилась в долину между склонами камней странной формы. Наверное, по этому пути мы с Фарралом в детстве ходили исследовать Одинокое озеро, но я не помнила,

чтобы тут было так зловеще пусто, что склоны были такими пологими, а открытые места — такими одинокими. В таком тихом месте я чувствовала себя незваным гостем.

— Быстрее, Нерин, — прошептала Сильвер. — Двигай ногами.

— Жаль, что ты не можешь призвать огненного зверя, — отметило существо, похожее на собаку, которое вроде звали Мигом. — У них есть крылья. Они схватили бы тебя и отнесли в укрытие.

— Айе, но при этом зажарили бы, — сказала Тихая. — Держи свои идеи при себе, пусть девочка старается. Уже недалеко.

Недалеко могло трактоваться по-разному. Мы шли медленнее из-за сложной местности и туч, что нагоняли тьму. Сильвер сказала остановиться, чтобы мы немного отдохнули, и Тихая дала мне еще настоя.

Каждый раз придавал мне сил и надежды, но я отмечала, что эффекты пропадали все быстрее. Я устала и обрадовалась, когда стало видно большой камень в форме приготовившегося к прыжку волка. Я замерла, шатаюсь, Доу был слева, а Тихая — справа.

— Ревун, — сказал Доу.

— Что?

— Ревун. Ревущий камень, так его некоторые зовут. Это наше место. Иди за Сильвер.

Я замешкалась, глядя, как Сильвер обходит бок волка и исчезает, как по волшебству.

— Мы идем... в другое королевство? Мне нужно будет вернуться и добраться... до своей цели.

— Это не другой мир, девочка, — улыбнулась Тихая, сверкнув зубами. — Это нора. Туда могут зайти все, кто найдет вход. Бери меня за руку, я поведу тебя.

— Уверена...

— Айе, мы уверены. Это полезная пещера, вот и все. Идем, пока ты еще стоишь на ногах.

Да, мне осталось всего пару шагов. Я пошла за Тихой вокруг камня и к узкой щели, скрытой растениями. Там был туннель, темный и уходящий в сердце камня, пока он не приводил в комнату, озаренную сверху маленьким треугольным отверстием, что могло быть на макушке головы волка. Пол был мягкой землей. Тихая отпустила мою руку.

— Садись, Нерин, — сказала Сильвер. Это был приказ, и я послушалась, глотая слезы радости. Сильвер принялась отдавать приказы. — Миг, собери дерево. Блеск, — обратилась она к сияющему существу непонятной формы, — разожги огонь. Ребята, — она указала на крепких парней, что вполне походили на низких крепышей-малышей, — еда. И не вздумайте дать Нерин что-то, не подходящее ей. Доу?

Они отошли для разговора. Доу покинул пещеру, уйдя в сумерки, а остальные принялись переделывать пещеру в убежище для ночлега. Сильвер подошла ко мне.

— Простите, — сказала я. — Не хотела обременять вас. Куда пошел Доу?

Сильвер села рядом со мной, ее тонкое платье легло складками вокруг нее. Одна бледная нога показалась из-под расшитого края. Она прошла путь без обуви. Тихая села по другую сторону от меня.

— Ушел шпионить за преследователями, — сказала Сильвер. Я удивленно уставилась на нее, она добавила. — Доу — друг птиц. Он может летать, может попросить ворону стать его глазами. Мы не используем эти умения без надобности. Это истощает нас.

Миг и другие строили костер, используя принесенный хворост. Сияющее существо ждало момента разжечь его.

— Они увидят дым, — сказала я. — Силовики, — но тут я вспомнила, что огонь Шалфей и Сореля не дымил, но грел.

— Наш огонь тебя не выдаст, — сказала Сильвер. — И наши следы скрыты. Только самый умелый следопыт найдет нас здесь. Мы переночуем тут, уходить пока что не стоит. Тебе нужно поесть, попить и отдохнуть. И поговорить.

Так и было, у меня было сотни вопросов к ним. Но я едва могла задавать их, мысли пугались, а сердце болело из-за предательства Флинта.

— Позади много прощаний, — мягко сказала Тихая. — Много их и впереди, Нерин. Тебе нужно быть сильной.

Я подумала об уходе за бабушкой, годах дороги с отцом, долгом холодном пути дальше. Я вспомнила, как позвала камнемона. Я видела себя, выходящую из хижины утром и закрывающую дверь в последний раз.

— Я сильная, — сказала я.

Глава одиннадцатая:

Мы прятались внутри Ревуна, сев вокруг маленького костра. Я устала, сердцу было больно. Я хотела предаться печали, сжаться и скорбеть по другу, сильному и верному, который оказался врагом. Я выпрямила спину и приказала себе отогнать все это. Времени мало, слишком много вопросов было без ответов.

— Ваша помощь сегодня оказалась полезной, — сказала я, стараясь следить за словами. — Я заметила, что вы работаете сообща, хоть у вас и есть разногласия. Судя по всему, что я слышала, это для вас необычно. Надеюсь, это значит, что некоторые из вас все же верят, что я — Зовущая, или могу такой быть, если меня обучить. Я бы хотела узнать, как использовать этот дар. Я знаю старую историю о Коркане и войне между морским народцем и броллаханами. Коркан уходил и обучался, после чего вернулся сильным. Кто его учил? Я понимаю, что нужны... особые качества... которые нужно показать до обучения.

Это вызвало жаркий шепот среди собравшихся, но я слышала лишь знакомый спор о том, сколько из семи я уже показала.

— Ты о достоинствах, — холодно сказала Сильвер. — Они или есть, или их нет. Безопасным твой путь точно не может быть. Меня тревожит то, что ты так легко поверила воину, хотя от него воняет злом короля. Может ли Зовущая быть такой доверчивой?

Я покраснела.

— Может, — сказала я, — если она не знала, куда идет или как туда попасть, или как использовать свой дар. Изначально Флинт хотел помочь мне. Он спас меня от Сбора в ночь, когда мы встретились. Когда я подумала, что он отведет меня к королю, он принес меня в укрытие. Он ухаживал за мной, пока я болела. Я не понимаю, зачем он делал это, если не из дружбы. Он мог отправить меня королю еще в первую ночь.

— У него есть свои причины. Он темный и опасный Силовик. Но ты защищаешь его Человека со знаком короля. Он исполняет волю короля. Ты настолько очарована им, что мне нужно повторить, что мы видели утром?

— Нет, — сказала я. Правда о Флинте не могла быть такой простой, как думал добрый народец, но сомнений не было, его предательство сегодня снова делало его врагом для меня. — Я вам верю.

— Насчет причин, — сказал Доу, вернувшийся и доложивший, что Силовики устроились на ночлег в долине, — то тут и мы разошлись во мнениях. Сильвер верит, что он хотел подготовить тебя как особый дар королю. Я считаю, что он хотел, чтобы ты отвела его куда-то. Туда, где есть народ, неугодный королю.

— Флинт знал об этом месте, — сказала я. — Он сказал, что знал, куда я иду, он мог мне помочь попасть туда.

— Он человек короля, — сказала Сильвер. — Он соврал. Что если я скажу, что твой друг в черном плаще посылал весточки с помощью мальчишки? Перевязанные лентой свитки с восковой печатью — разве не так посылают депешу главе? Судя по словам наших шпионов, один из этих глав ушел, как только вы двое добрались до «укрытия». Могу лишь догадываться, что было в сообщении, и для чьих глаз это предназначалось.

Один удар за другим. Во сне Флинт сидел за столом и писал. Может, это было не совсем сон. Я представляла, что могло быть в послании: *«Меняем план; девчонка больна. Когда она*

сможет идти сама, я приведу ее к вам». Это не объясняло, почему он унес меня так далеко на север.

— Можете сказать, хотя бы, показывал ли эти достоинства Коркан? Я понимаю, что вы не можете мне сказать, какие они. Шалфей мне уже так отвечала.

— О, Шалфей, — сказала Сильвер с жестом презрения. — Она бы рассказала тебе все что нужно для ее цели. Но в этом она права. Зовущая должна показать все достоинства, а потом уже можно будет обучать ее. А насчет достоинств... Если я и расскажу тебе, ты мало поймешь, ведь они в старом стихотворении.

— Айе, — сказала Тихая, — в стихках, что мама поет дитю перед сном.

— Смысл не в самих словах, — сказал Доу. — Важнее выбор, который делает тело.

— Семь достоинств, да?

Еще больше шепота, больше взглядов в сторону Сильвер. Никто не хотел говорить. Может, она уже рассказала им, что стоит объяснять мне, а что нужно хранить в секрете.

— Сильвер, — вмешалась я, — что случится, если я попробую Зов до того, как покажу эти достоинства? До того, как меня научат?

Молчание. Сильвер сказала:

— Будет так же, как если бы младенцу дали нож.

— Хуже, — сказала Тихая. — Ты можешь навредить не только себе, но и тем, кто с тобой.

— Когда я позвала камнемона, никакого вреда не было.

— Тебе повезло, — строго сказала Сильвер. — Не вздумай повторить. Ты не представляешь всей опасности. Лучше бы, чтобы тебя уничтожили вместе с твоей семьей, чем дать тебе использовать этот дар сейчас.

Это меня заткнуло. Груз потерь — давних, новых — опустился на меня, укутав печалью.

Через какое-то время Тихая прошептала:

— Не расстраивайся, девочка. Ты уже в пути, у тебя хорошее сердце. И, насколько мы слышали, если бы ты в тот день не использовала дар, призвав камнемона, ты бы с нами тут не сидела, — Сильвер хотела перебить, но Тихая вскинула голову с упрямым взглядом. — Ты найдешь правильный путь, не сомневайся, — она уставилась на Сильвер, та смотрела в ответ с нескрываемым недовольством.

Я не хотела быть причиной раздора в их компании. Связи дружбы были редкими.

— Надеюсь, это будет уже скоро, — тихо сказала я. — Там, куда мы идем, я буду куда полезнее, если хотя бы начну обучение Зовущей.

Стояла странная тишина, словно я сказала что-то страшное.

— Что? Что такое?

Сильвер кашлянула.

— Ты сказала «куда мы идем», — в ее голосе не было враждебности. Она звучала даже виновато. — Дальше мы с тобой идти не можем.

— Но... — я запнулась, вспомнив долгие холодные ночи, одинокий путь. — Я думала... — я много раз просила добрый народец не ходить за мной, чтобы не привести их к опасности. Теперь я слишком сильно хотела их общества.

— Мы не можем идти с тобой, — сказала Тихая. — Никто из нас, — она обвела рукой круг существ, — не может пройти место, что ты зовешь Одиноким озером. Это на границе нашего Поста.

— Поста?

— Айе, — сказала Тихая. — Недалеко от Одинокого озера Северный пост. Мы не можем пойти туда, это запрещено Старыми законами.

Наверное, я выглядела тупо, потому что сразу несколько голосов стало объяснять одновременно. Сильвер подняла руку, заглушив их.

— Законы Стражей, Нерин, — сказала она, по ее тону было понятно, что это было очень важно. — Они поделили землю Олбана на четыре Поста. Когда Стражи были среди нас, в старые дни, каждый обитал в своем Посте, и те, кто жил там, искали у Стражей мудрости и защиты, решения споров. А теперь Великих нет, но мы соблюдаем их законы. Мы не можем пересечь границу своего Поста, это запрещено.

— Расскажите, куда они ушли, — сказала я, едва мирясь с тем, что завтра я снова буду идти одна. — Великие.

— Это твой король Кельдек прогнал их, — сказала Тихая. — Стражи пришли на эту землю давным-давно. Они правили нашим видом от духов до броллаханов, до морских чудищ, и правили они, в основном, мудро. А потом в Олбане появились люди. Они не всегда были жестокими. Но могли вести себя бездумно. Были хорошие времена и темные. Но этот король Кельдек — темнейшее из всех времен. Он пришел с холодным железом и прогнал магию, он сжал в кулак сердце старой земли, — они судорожно вздохнули. — Стражи ушли глубоко, — сказала Тихая, — а народец поменьше, как мы, начал блуждать. Но некоторые старые приказы остались. Последний из Старых законов остался, и это правила Постов. Мы живем в пределах своего Поста, храним его границы, привязаны к его сердцу и духу. Мы храним знания.

— Ясно. Я за границей есть добрый народец? Который знает вас?

— Может, там есть те, кто поможет тебе, — сказал Доу. — Но мы не уверены. И мы не можем послать им весть, чтобы попросить их о помощи.

— Но вы ведь можете летать, да? Или послать птицу, что будет вашими глазами? Не могли бы вы...

— Нельзя перелететь или использовать магию за границей, — сказала Тихая. — Закон есть закон. Он такой же, как был в старину, в давних песнях. Когда ты во тьме, тебе нужна лампа. И закон — наша лампа.

— Понимаю, — сказала я, сердце было тяжелым. Я уже ходила одна. Почему теперь это казалось тяжелым делом? — Я смогу. Но я все еще слаба после болезни. И, может... Тихая, может, вы дадите мне с собой немного своего настоя? Я буду использовать его с умом. Так у меня будет надежда, что я дойду, — я все еще не могла произнести название Тенепада.

Тихая покачала головой.

— Нет, девочка. Я не могу. Это мощный и эффективный настой, айе. Чем больше у тебя есть, тем больше будет хотеться. Я уже дала тебе три чашки, а ты хочешь еще, потому что настой дает редкое чувство здоровья, чувство, что ты можешь забраться на гору. Из-за такого желания можно и погибнуть. Тебе лучше идти без такой помощи, ведь это уже будет не благо, а отравка.

Ответа не было. Я чувствовала желание, но не настолько отчаянное, чтобы молить или красть. Это было предупреждение о том, что случится, если поступить глупо. Я не могла винить Тихую за такую помощь, без этого настоя я не дошла бы до этого укрытия. Я буду спать эту ночь в укрытии. Среди друзей. А завтра тенью нависло надо мной.

«Вряд ли я меня получится», — раздавалось в голове, но я не могла произнести этого вслух. Смелость будет моим единственным оружием, когда добрый народец оставит меня, и

я не могла отказываться от нее.

— Есть и другой ответ, — сказала существо, что до этого молчало, морщинистое и с лицом, похожим на засохшую репу, с черными блестящими глазами. Оно приковывляло ближе, сжимая в руках крохотную трость из ясеня. Тело его могло быть какой угодно формы, поскольку было укутано в балахон с заплатами, ниспадающий до пола. Его волосы были белыми, как перья лебедя, и торчали. — Есть другой путь.

Сильвер смерила существо испепеляющим взглядом, но оно не дрогнуло. Через какое-то время сильфида вздохнула и кивнула.

— Расскажи ей, — разрешила она. — Нерин, это Терн. Он — старейшина нашего клана. Мы долго спорили из-за тебя. *Если* ты Зовущая, и *если* тебя можно обучить, то у тебя будет значительная сила. Ты понимаешь, думаю, что эту силу можно использовать как во благо, так и в злых целях, — ей не нужно было добавлять, почему она сомневалась во мне. — Терн покажет тебе другой вариант. Безопаснее.

Что может быть безопасным при Кельдеке?

— Хорошо, — сказала я. — Расскажите, — я поклонилась старейшине с уважением.

— Когда стало ясно, что король собирается сокрушить все добро в Олбане и его народе, — сказал Терн, его голос был низким и сильным для такого крохи, — Великие ушли. Далеко. И многие наши, большие и маленькие, сильные и слабые. Многие скрылись. И только некоторые решили остаться в печальном месте. Каким стал Олбан при правлении твоего короля.

— Не моего, — возразила я.

— Кельдек — человек, как и ты. Но он не Зовущий, и хотя у него есть власть, эта власть — жестокая сила. Не все оружие есть в его руках. Ты — одно из таких орудий, Нерин, или станешь, если последуешь пути Зовущей. Это делает тебя ценной. Делает тебя опасной. Как и сказала Сильвер, мы говорили об этом, видя твою связь с Силовиком. Некоторые из нас думают, что тебе не стоит идти.

Я потрясенно выпрямилась.

— Я должна идти! — воскликнула я. — Я не могу сдать! Так все будет у Кельдека! Так никто не будет бороться за Олбан!

— Спокойно, девочка, — сказала Тихая. — Выслушай Терна.

Я кивнула, хотя сердце похолодело. Добрый народец не верил в меня. Они сомневались, что у меня получится.

— Мы можем предложить тебе убежище среди нас, — сказал Терн. — Там ты будешь жить без страха этого короля. Он не достанет тебя, место скрыто древней магией. Это хорошее место, Нерин. Там нет других людей, ты будешь среди нашего народа, и я не думаю, что это тебя пугает. Ты сможешь жить спокойно, зная, что Кельдек не использует тебя для зла. Я вижу сомнение на твоём лице, я понимаю его. Знай, это предложение — большая привилегия. Раз в пятьсот твоих лет человеку позволяют жить среди нас. Выбери это, и ты не сохранишь Олбан, но убережешься сама, Нерин, не сможешь стать той, кто разрушит Олбан.

— Если я соглашусь, — сказала я, чувствуя вдруг себя старой и уставшей, — будут ли те, кто не скрылся, бороться за свободу? Станете ли вы бороться с кем-то из моего вида, чтобы одолеть Кельдека?

В тишине добрый народец переглядывался, и это говорило мне больше любых слов.

— Зависит от Зовущего, да? Как тогда с морским народцем и броллаханами. Без Зовущего добрый народец и люди не будут сотрудничать, и Стражи не вернуться. Значит, и

Кельдека не свергнут.

— А за ним придет его сын, — сказал с горечью Доу. — Паренек в отца, несомненно. Этот выбор был ужасным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я бы дал тебе время, — с жалостью говорил Терн. — Но ты здесь до рассвета. Если хочешь уйти, то потом ты покинешь это место.

Этот выбор определял мою жизнь. В пещере было спокойно, и я знала, что мне не нужно время.

— Я уважаю ваше предложение, — робко сказала я. — Это почетно. Но я не могу его принять. Место, куда я иду, вы уже, наверное, знаете, куда, хоть я и не назову его, может быть единственным во всем Олбане, где народ попытается выступить против Кельдека. Я хотела попасть туда и до того, как узнала, что я — Зовущая. А теперь я могу предложить им нечто большее, чем тот же образ мыслей. Вы зря сомневаетесь во мне. Я не дамся королю живой, — я оглядела народец, а они не были удивлены. — Я иду. Мой брат умер, борясь за Олбан. Я знаю, что риск высок, но я должна это сделать.

— Айе, — сказал Терн. — Этого мы и ожи...

Свет блеснул на его лице, что-то вспыхнуло в туннеле. Его глаза расширились, мои спутники моментально исчезли. Я вскочила на ноги, сердце колотилось. У входа был Флинт в черном плаще. Он вошел сюда беззвучно. Огонь отразился на его броши в виде оленя.

Я застыла и смотрела на него, а Флинт — на меня, его лицо было белым. Губы потрескались от долгого тяжелого пути. Тени танцевали на его лице.

— Ты жива, — сказал он. Он не смотрел на крошечные котелки на углях, на плетеные маленькие корзинки, в которых были орехи и ягоды, на следы на земле маленьких ножек. Он смотрел только на меня. — Ты в безопасности, — сказал он, и я уловила в его голосе улыбку, которую не отразило уставшее лицо.

Неразборчивый звук сорвался с моих губ. Я отступила. В безопасности. Он решил, что я глупая.

— Нерин, ты не представляешь, как я... — он вскинул руки, сдаваясь. — Ты обещала, что останешься, сказал он. — Ты нарушила обещание.

Я обрела голос.

— Где они? Твой отряд Силовиков, люди, что пришли утром в долину? Ждут снаружи, пока ты выманишь меня? Или слушают в туннеле, как ты? Как ты посмел обманывать меня, заставляя думать, что ты друг? Как ты смеешь говорить об обещаниях? — я не дам пролиться этим слезам. Я буду сильной. Я буду смелой. Что бы ни случилось.

— Нерин, — Флинт провел рукой по голове, взлохмачивая короткие волосы. — Я один. Никто не ждет. Нерин, я думал, ты... Думал, тебя... ранили. Или ты поранилась. Одна, в темноте, без укрытия. Зачем ты сорвалась и убежала одна? Я говорил тебе оставаться в укрытии! — он осмотрел пещеру, словно только сейчас заметил странности.

— Это правда? — спросила я. — Ты точно один? — выражение его лица, тон его голоса перечили тому, что он предатель. Он звучал искренне. Он выглядел так же, как когда был моим другом.

Флинт вздохнул.

— Правда. Я искал тебя какое-то время, думая, что найду тебя где-то под камнем на последнем издыхании. Со мной никого нет, клянусь, — он осмотрел крошечную, будто детскую, утварь. — В отличие от тебя. Похоже, у тебя есть свой повар, и кто-то убирал твои

следы. Я чуть не сбился.

Стояла тишина, и я думала о том, сколько он услышал, сколько успел увидеть, пока его не выдал блеск серебра. Был ли смысл притворяться?

— У меня есть еда, — сказал Флинт. Он уже лучше контролировал голос. Он звучал как путник, пытающийся помочь незнакомке. — Моя сумка снаружи. Вижу, у тебя тут есть подобие огня. Ты голодна?

Я поняла, что за время болезни привыкла к его голосу, к изменениям в нем, к оттенкам. Я могла уловить, когда он что-то утаивал. Когда он что-то скрывал. Сейчас этого не было.

— Я хочу, — сказала я, — объяснений от тебя. Честных. Готовь ужин, если хочешь, но при этом рассказывай мне.

— А... — Флинт оглядел пещеру, где еще недавно сидел добрый народец.

— Мы одни, — сказала я. — У тебя холодное железо. В таком месте вас не подружить.

— Разве у тебя нет ножа? Я ведь, помнится, давал тебе его.

— Помнится, меня выдали тебе, как пленницу, — сказала я. — Они забрали нож с остальными моими вещами. А до этого я... — нет, я не буду рассказывать ему, как я прятала нож, чтобы он не вредил народу. — Я прятала его, — сказала я.

— Угу. Обещаешь не исчезнуть, пока я хожу за сумкой?

Я села у огня, удивляясь себе. Он ходил к своим товарищам, добрый народец не сорвал бы мне. Он приехал с ними. Почему тогда даже сейчас я хотела ему верить? Я хотела, чтобы объяснение расставило все по местам.

— Я буду здесь, — сказала я. — Хоть это и глупо.

* * *

Он готовил. Я смотрела. Если народец и смотрел из стен Ревущего камня, они точно думали: «А мы говорили». За долгое время мы с Флинтом только обменивались настороженными взглядами.

— Ты подумала, что я приведу людей, чтобы схватить тебя, — сказал Флинт, его кастрюлька кипела на огне. Он присматривал за ней, огонь озарял его изнуренное лицо. — Ты поверила в это.

— Как долго ты был здесь? — спросила я.

— Ты о том, что я услышал? Немного.

— Что именно?

— Тебе предложили убежище, но ты отказалась. И такой ответ я от тебя ожидал.

Я уставилась на него, а он смотрел на меня в свете огня, его глаза ничего не выражали.

— Твои друзья сомневаются во мне, — сказал он. — И ты тоже.

— Ты говоришь, что я ошибаюсь, — во мне закипал гнев, грозя пробиться сквозь мою маску. Его присутствие было катастрофой. Но почему было так приятно его видеть? — Ты не работаешь на короля. И заботился не потому, что хотел выдать меня ему в хорошем состоянии. И ты не обманывал меня в том, что ты мой друг. И не ходил говорить с Силовиками. И не привел их в Лес воронов.

Флинт смотрел на кастрюльку, пока высыпал половину содержимого в миску для меня. Еда была такой же, как та, что он приготовил в первую нашу встречу. Желудок сжался в тревоге. Еда была последним, о чем я думала.

— Правду так легко исказить, — сказал он.

Теперь я была так зла, что не следила за словами.

— Серьезно, Флинт! Силовики уничтожили мою семью! Они лишили меня дома и

всего, что мне дорого! Я убегала от них с двенадцати лет. Я видела, что делают люди во имя короля. И за все время, что мы знакомы, я смогла хоть немного поверить тебе. И тут это. И ты думал, что я никак не отреагирую на случившееся? Ты не объясняешь ничего. Конечно, я сомневаюсь. Я знаю, куда ты ходил утром, и с кем говорил. И я знаю, какой была встреча. Знаю, что ты приехал с ними. И мне рассказали, что ты все это время отправлял вести, пока мы были в хижине. Доверия быть не может. И если ты хочешь, чтобы я тебе верила, пока выдавать правду.

Тело дрожало. Сердце колотилось. Как я могла так говорить? Я была такой осторожной, хранила секреты, говорила только необходимое и безопасное. Риск мог стоить мне будущего, свободы, шанса сделать своим даром добро. Я смотрела на Флинта, а он — на меня глазами цвета шторма в море. В его лице я видела только честность.

«Они впитывают обман с молоком матери».

— Я ходил на встречу с ними, — тихо сказал он. — Мальчик принес послание, что они идут. Я поговорил с ними. Цель встречи выдать не могу, но она не касается тебя. Мне пришлось ехать с ними, иначе это вызвало бы подозрения. Это правда. А насчет ухода за тобой во время болезни — сложно поверить, что человек может помочь другу в беде?

Думая об ответе, я выпалила первое пришедшее в голову.

— Хижину сожгли?

Флинт передал мне миску каши.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я видела дым. Я думала, они пришли и сожгли ее, — через миг я добавила. — Это меня расстроило.

Он вскинул удивленно брови.

— Расстроило? Ты привязалась к этому месту?

Я не ответила, ведь не могла объяснить свои чувства. Эта хижина стала уголком безопасности во всем безумии.

— Она еще стояла, когда я ушел на поиски тебя. Но огонь был, да. Не там, — он скривился. — А котелок, что ты оставила на огне, весь почернел.

— Я спешила, — я вспомнила, как старалась приготовить ужин, словно колдовала, и эти чары могли вернуть его невредимым. Боги, как глупо. И теперь я снова ела его кашу и не могла получить ответы. Я рассеянно опустила ложку в кашу и проглотила.

— Как и я, — сказал Флинт. — Увидев, что ты ушла... забудем. Ты жива.

— Мне нужно больше, — сказала я.

Флинт ждал.

— Той ночью у Темноводной, когда умер мой отец, ты был послан следить за мной? Что ты знал обо мне? Ты знал, что туда придут Силовики?

Он глубоко вдохнул, словно успокаивал себя, а потом выдохнул.

— Ты легких вопросов не задаешь, — сказал он. Оглядевшись, он добавил. — Уверена, что нас не подслушают?

— Нет, — сказала я. — Но уверена, что нас услышат друзья, и они не используют это для плохих целей.

— Хорошо. Тебе может не понравиться ответ на первый вопрос, потому что это и да, и нет. Да, по долгу службы Силовиком я какое-то время искал бродягу, обедневшего мужчину, любившего поиграть и выпить. По слухам, с ним ходила его дочь пятнадцати лет. Короля интересовал не игрок, а девушка, ведь слухи о ней достигли его ушей. Народ шептался, что у

нее может быть необычный дар, — видимо, я напряглась, потому что он добавил. — Не суди меня, пока не выслушаешь все, Нерин. Ты искала правды, и я хочу дать ее тебе, насколько могу. Я какое-то время искал тебя, шел по следам, но отыскать тебя было очень сложно. А когда я столкнулся с тобой, обстоятельства были печальными. Набег был неизбежен. Но у меня было время забрать тебя. Мне жаль, что я не смог спасти твоего отца.

— Ты купил меня для короля за три серебряных. А потом отпустил.

В тишине я чувствовала, как он не хочет говорить.

— Ты позволил погибнуть всем на борту, — сказала я. — Ты мог предупредить их. Но промолчал.

— Моя жизнь полна таких решений.

— Что ты? — я склонилась, уставившись на него, пытаюсь все осознать. — Что ты делаешь?

Флинт смотрел на свои ладони. Они были сжаты так крепко, что побелели костяшки.

— Что *ты* делаешь? — сказал он. — Что так интересуется Кельдека, что он позволяет своему доверенному лицу обыскивать земли в поисках тебя, не исполняя долг главы отряда?

Я прижала ладонь к сердцу, которое могло выпрыгнуть из груди.

— Доверенному лицу, — мой голос дрожал. — Если это ты, то разве король одобрит то, что ты делаешь сейчас? Или все это — паутина лжи, в которую ты меня заманиваешь? — я зашла так далеко, что не могла остановиться.

— Это отчасти правда. Мне приказали найти тебя любой ценой, уберечь, как только я получу тебя, и привести к королю. Первое и второе я выполнил, хотя ты решила все это разрушить. Третье я делать не буду. Да, я Силовик. Я человек короля. Но верен я не ему.

Оказалось, что я задержала дыхание.

— Твои необычные друзья предложили тебе убежище, где ты будешь защищена до конца жизни. Хотел бы я предложить то же самое, хотел пообещать жизнь, какая была у людей раньше, когда самой большой тревогой был урожай или болезнь скота. Сейчас времена проверки. Времена, когда нам нужно искать... искру внутри.

Я сидела и слышала в его голосе силу и боль.

— Я прошу тебя поверить мне, хотя не могу рассказать всего, что знаю, — сказал Флинт. — Клянусь, что когда-нибудь в будущем, когда все изменится, мы поговорим открыто. Но пока я не хочу вредить тебе, выдав слишком много. Нерин, в горах, недалеко отсюда, есть место, где скрывается... сила, перемены. Риск высок, потому что местоположение и детали знает мало людей. Движение только начинается. Но цели грандиозны. Думаю, название ты знаешь.

Я не дышала и ждала продолжение.

Флинт оглядел пещеру, темные углы. Он заговорил еще тише:

— Я думаю, что ты идешь в место, известное как Тенепад. Если ты попадешь туда, то обретешь друзей, единомышленников. Они зовут себя мятежниками Регана. Название — насмешка. И их количество можно было сосчитать по пальцам двух рук.

Он замолчал и посмотрел мне в глаза.

— Но теперь их больше, и там есть люди с особыми способностями, похожие на тебя, Нерин. Ты не хочешь говорить мне, в чем твой талант. Но я видел, как ты используешь его, и ни у кого в Тенепаде нет таких сил. Ты исчезла на наших глазах. Как по волшебству. И это хорошо, иначе мне пришлось бы объяснять спутникам, почему тебя не нужно немедленно вести в Летний форт. Когда мы с тобой шли, я часто замечал чужие шаги, другие голоса, что

шептались вокруг нас в ночи. И этой ночью... Я слышал о людях, что были так близко к... кем бы они ни были... в древних сказаниях, а это выдумки.

Я смотрел на огонь. Он знал все. Знал все это время. Почти все.

— Если бы ты была лидером, — сказал Флинт, шепот смешивался с треском костра, — а твой враг был далеко, а его армия была намного больше твоей по количеству и мощи, что стало бы твоим самым нужным оружием?

Я не сразу поняла, что он говорит не обо мне, а о себе.

— Шпион, — сказала я. Конечно, об этом я тоже думала. Но, глядя на белое лицо Флинта и глаза с кругами под глазами, я поняла, как опасна такая жизнь. Он сказал, что он — доверенное лицо короля. Кельдек обладал ужасающей властью, его боялись все в Олбане. Если король поймет, что его правая рука — враг, его месть будет ужасной. Одно неверное слово, один неверный взгляд, и Флинт столкнется с тем, чего я боялась все эти годы. Мне стало страшно. — Шпион в центре штаба врага, — добавила я, — тот, кто сможет завоевать его доверие, кто сможет вести себя как друг и помощник, тот, кто сможет всех убедить, что он верен. И продолжать убежать, что бы ни случилось.

Он кивнул. В его глазах было столько печали, я отвела взгляд, не в силах вынести это.

— Ты ведь не врешь? Не врал раньше, и не врешь сейчас.

Что-то в моем голосе выдавало мои чувства, и он поднялся, обошел костер и сел рядом со мной. Он обхватил руками мою ладонь. Его прикосновение было теплым.

— Я не вру. Если я не рассказал всего, то это для твоей и моей безопасности. Я знаю, ты это понимаешь.

Мы сидели в тишине. Я не могла облечь мысли в слова, я была в смятении. И потом я сказала:

— Прости.

— И меня прости, — сказал Флинт. — Прости, что не могу предложить тебе мир безопаснее. Прости, что приходится сдерживать слова, даже в этом странном укрытии. Прости, что идти нам еще далеко, и если бы я мог перенести тебя туда, я бы так и сделал.

— Мы уже близко. И я сильнее, чем была. Я смогу туда дойти.

— Не сама. Этот путь — проверка, — он замолк. — Ты хочешь идти со своими друзьями?

— Они не могут, — сказала я. — Ты этого не слышал, но они не могут пересекать свои границы.

— Я отведу тебя, — сказал Флинт. — Время будет, если мы уйдем с первыми лучами, — пауза. Он все еще держал в руках мою ладонь. — На пути будет опасность, Нерин. Опасности, которые я не могу объяснить, проверят, настоящая ли ты, и могу ли я защитить тебя. Прощу, позволь сделать это ради тебя.

— Не ради меня, но ради Олбана.

— Ради обоих, — сказал Флинт.

Глава двенадцатая:

Мы ушли на рассвете вдвоем. Добрый народец не пришел со мной прощаться, и я подозревала, что это не только из-за железного оружия Флинта. Я поступила глупо, решив ему поверить, и они явно решили больше не связываться со мной.

Я бы хотела больше ответов от него. Хотелось узнать больше о мятежниках Регана: кто они, как образовались, поддерживает ли он с ними связь, какие у них планы насчет невозможного свержения Кельдека. И я хотела знать, где сейчас Силовики, почему они пришли в долину, будто выслеживали меня. Флинт говорил, что это со мной не связано. А какова его цель? Почему повел их сюда? Тревогой за мою безопасность нельзя было объяснить его мрачное поведение и настороженный взгляд.

Я не спрашивала его ни о чем. Флинт был прав, чем больше человек знал, тем больше из него можно было выпытать угрозами или пытками. Я еще не была в Тенепаде. А он, судя по всему, никогда не был в безопасности.

Когда мы шли вместе раньше, я была простужена, я почти ничего не помнила о том спасении, кроме бесконечной тряски на лошади. Теперь я шла рядом с Флинтом, следовала за ним на узких горных тропах, держала за руку, пока мы перебирались по скользким камням, доверяла ему, когда мы раскачивались на самодельном мосту над горным ручьем, и я вспомнила, как он терпелив и неутомим. Он умело выбирал путь, подстраиваясь под мое состояние. Находил безопасные места для отдыха. Находил места, где можно было незаметно разжечь костер. Когда пошел дождь, он нашел укрытие. Ночью умело устроил лагерь. Я была ужасно уставшей, тело требовало сон. Флинт заставил меня укутаться в его одеяло и сидеть так, пока он собирал хворост, разжигал костер, набирал воду и готовил ужин. Он не давал мне помогать.

— Я сам, Нерин, — сказал он. — Тебе понадобится вся сила завтра.

И мы шли, цепляясь за завтра. С каждым днем мы оказывались все дальше от Леса воронов и ближе, я надеялась, к Тенепаду. Мы прошли Одинокое озеро. Пока мы шагали вдоль серой воды и огромных камней, я не могла найти ни одного счастливого воспоминания, хотя часто играла здесь с Фарралом. Место было пустым, блеклым и печальным. Я следовала за Флинтом.

Мы были на территории Северного поста, судя по словам доброго народца. Я не увижу уже Доу и Тихую, Сильвер и Терна, но я прислушивалась и приглядывалась, на случай если местный народец решит пойти за мной.

Железо Флинта не могло отгонять их полностью, ведь они все равно могли подходить к хижине. Но теперь не было тихих шажков, глаз среди листьев. Не было шепота или уханья, не принадлежащего сове. Ничего не было. Кроме одного раза, когда из долины ниже донесся звук галопа лошадей. Сердце сжалось. Я слышала топот копыт в ущелье, тогда приближались Силовики. Флинт обхватил мою руку и прижал палец к губам, прося меня оставаться тихой. Мы сидели неподвижно у маленького костра, который он сделал в трещине между камней. Звук утих, все успокоилось.

— Они ближе, чем я ожидал, — прошептал Флинт, его теплая рука все еще обхватывала мою холодную ладонь. — Я должен... — он замолк, повисло напряженное молчание.

Мне не нужно было спрашивать, кто эти они. Я задрожала. Флинт поднялся, отпустил

мою руку, снял свой плащ и накинул мне на плечи поверх того, что уже был на мне. Но дрожала я не из-за холода, а из страха. Было ошибочно думать, хоть на миг, что мы в безопасности.

— Нерин, мне придется оставить тебя. Завтра или послезавтра. Уверяю, ночью я не уйду.

Я не позволила себе говорить, хотя сердцу было больно понимать, что я снова буду одна.

— Не расстраивайся. Ты будешь в безопасности, обещаю. Я найду место, где они тебя не достанут. Поверь, я бы этого не делал, если бы был выбор. Ты их слышала — они уже близко. Я не ожидал... что так... — он снова замолчал.

Я пыталась закончить за него, но не могла. Он ожидал, что отряд пройдет раньше? Позже?

— Почему они... — голос нервно дрожал. Я сглотнула, вдохнула и попробовала еще раз. — Уверен, что они не ищут меня? Почему они так близко? Уже почти зима, Сбор давно закончен.

Флинт смотрел на огонь, лицо его было будто вырезано из камня. Молчание затянулось.

— Флинт?

Он покачал головой.

— Со мной тебе безопаснее всего. Пока ты не доберешься до цели. А там я тебе уже не буду нужен, — он с горечью скривил губы, и мне стало интересно, о чем он при этом думал.

Я думала о том, что можно сказать, и отбрасывала каждый вариант. Если он собирался снова оставить меня одну, я не могла этому помешать. Я не могла рассчитывать здесь на добрый народец, который появился бы и пошел со мной, защитил от вреда. Нужно будет слушаться Флинта и ждать его в каком-то укрытии среди камней. Если в этот раз он не вернется, мне придется идти одной. Сколько еще дней до Тенепада?

— Прости, — прошептал Флинт, шевеля хворост палкой. Угли сияли, отбрасывая на его лицо розово-золотой свет, но в глазах его были тени. — Мои поступки... мой путь... тяжело испытывают меня выборами, — его губы сжались, словно он хотел сдержать слова. Он уже мог сказать мне больше, чем собирался.

Мне казалось, что у Силовиков не так и много выборов. Они исполняли волю короля с идеальным послушанием. Я не могла сказать это. Я не могла спросить Флинта, как себя чувствуешь, когда сжигаешь, бьешь и казнишь. Я знала, что он не плохой. Он мог быть нежным и добрым. Я слышала, как он искренне говорил о борьбе за свободу. Но если его приняли в Силовики, сделали доверенным лицом короля, его терзают страшные поступки. Я даже не знала, сколько можно так выдержать.

— Можешь рассказать о мятежниках? — спросила я. — Кто такой Реган? — я понимала из слов Флинта, что он был в Тенепаде. Может, он был мятежником уже давно. «Их количество можно было посчитать на пальцах двух рук».

— Лидер, — едва слышно сказал он, словно и здесь громко говорить было опасно.

— Юный? Старый?

— Юный по годам. Старый по опыту. Его имя — пароль к... определенным вещам. Это могут посчитать предательством. Это опасное место, Нерин. Лучше не будем говорить на эту тему.

Тишина. Свет мерцал, пока Флинт шевелил угли. Мы хорошо поели, ведь Флинт поймал зайца, которого мы сварили с зеленью.

— Где ты вырос? — спросила я, вдруг вспомнив сон об одиноком ребенке на берегу моря. — В горах или где-то еще?

Флинт не спешил отвечать. Я видела, что вопрос удивил его.

— Почему ты это спрашиваешь?

— Мне снился ты, ребенком. Я узнала тебя по глазам и спокойствию. Ты был на морском берегу. Один.

Флинт скривился.

— А мне снилась ты, Нерин. Как вы с братом бросали камни в воду Одинокого озера. Вы были радостные. В те дни было солнце.

— Это... очень странно. Нам снилось то, чего мы не могли знать.

Он не ответил.

— Такого раньше не было со мной, — сказала я. — И с моим братом.

— Место, что ты видела, — прошептал Флинт, опустив руки на колени и сцепив пальцы. Он смотрел на огонь. — Это западные острова. Место моего... обучения. Я не говорю о семье. Никого не осталось.

Я кивнула.

— Тогда ты понимаешь, как это одиноко.

Он прищурился, глядя на меня.

— Я долгое время был один. Мои дела... не для человека с... отношениями.

Он говорил таким тоном, словно рассказывал о хворосте или том, как правильно складывать одеяло. И только паузы дали мне понять, что он мог подразумевать под отношениями быть сыном, братом, другом.

— Ты еще молод, — сказала я.

Флинт посмотрел на меня.

— Ты упрекаешь меня?

— Упрекаю... нет, конечно, нет. Кто я такая? Я ничего о тебе не знаю.

— Ты знаешь меня лучше многих, Нерин. Я рассказал больше, чем стоило, пока мы были вместе. Есть в тебе такое качество, тепло, несмотря на все, что ты испытала... Это рушит все мои старания. Стать моим другом и принять кошмар. Я никому такого не желаю.

Я не могла ответить. Не могла объять все его одиночество. Я была одна после смерти отца, не так и долго, хоть у меня и не осталось никого в Олбане. Но был добрый народец. Я не была совсем одна. А теперь был и Флинт.

— У тебя нет друзей и среди людей, с которыми ты работаешь?

Выражение его лица испугало меня. Флинт умел делать себя устрашающим, но сейчас маски не было, и эта боль на его лице вызывала у меня слезы, хоть я и не до конца понимала причину.

— Прости, — сказала я, положив ладонь на его руки. — Не нужно было этого спрашивать.

Пальцы Флинта обхватили мои пальцы, и я подумала, что это не вяжется с его словами.

— Ты сказал, что что-то во мне заставляет тебя говорить необдуманно, рассказывать слишком много, — отметила я. — Но ты мне почти ничего не рассказал. Я все еще не понимаю, что ты делаешь, кроме постоянного риска пути по линии между жизнью и смертью, доверием и предательством. Я все еще не знаю, как ты сохраняешь обе части своей жизни. Знаю, ты не можешь мне рассказать, но... Я все же думала, что мы уже друзья, или что-то в этом роде. Я ошиблась?

Повисла долгая пауза. Он держал меня за руку, но не мог посмотреть в глаза. А потом сказал:

— Нерин, что случилось с твоей бабушкой?

Я никогда этого не рассказывала. Никому. С отцом мне не нужно было озвучивать это.

— Я... не... — я судорожно вдохнула. Флинт был моим другом. Мы были пока что одни. Он помог мне, провел, был открытым, как только мог. Рассказывать будет больно, но, наверное, пришло время. — Ее схватили Силовики в Лесу воронов, — мой голос был напряжен. — Они заставили ее уснуть, а Поработитель занялся ею. Когда она проснулась... — голос оборвался.

— Продолжай, — тихо сказал Флинт.

— Она уже... не была собой. Она рухнула с кровати и плакала — а бабушка никогда не плакала — и она звала меня, но я не могла выйти, потому что там был Поработитель, и снаружи — Силовики. Мне пришлось ждать, пока они уйдут... — я видела, как сидела в укрытии за стеной, глядя в трещину, едва дыша, чтобы меня не нашли и не сделали со мной то же самое.

«Будь неподвижной, как камень, Нерин, — предупредила она меня. — Сколько бы ни пришлось ждать. Что бы они ни делали».

— После этого она не понимала, что случилось. У нее не хватало после этого разума, чтобы делать даже что-то простое. Она... никак не могла себя обслуживать. Она была такой сильной раньше, такой мудрой...

Флинт обхватил рукой мои плечи.

— Ты это видела? — тихо спросил он. — Когда они пришли, когда он это делал, ты была там?

Я кивнула. Стоило мне начать этот рассказ, как я уже не могла сдерживать правду. Они лилась, как вода из треснувшей плотины.

— Я пряталась. Они пришли быстро, мы с бабушкой не успевали сбежать. Папа работал в другом поселении, а Фаррал... Мальчики взяли самодельное оружие и пошли защищаться. Бабушка знала, что они пришли за ней. Она заставила меня спрятаться, приказала молчать, что бы ни происходило. Она знала, что они не сожгут дом, ведь у них на нее были другие планы. Это... — я судорожно вдохнула. — Видеть скребок разума... я чувствовала себя грязной. Испачканной. Разъяренной. Я долго стояла там, всю ночь, смотрела на нее и слышала звуки снаружи, в поселении. Звуки, с которыми рушился мой мир. Утром, когда они поняли, что чары не сработали, они ушли, а мне казалось, что мне сто лет.

— Что ты сделала?

— Выбралась из укрытия. Усадила бабушку, накормила и сидела с ней, пока она не уснула. Я выглянула за дверь, а все вокруг было сожжено, мертвые лежали в своей крови, изломанные. Я пошла на поиски Фаррала. Он еще был жив, пронзенный копьем. У меня не было силы освободить его. Я оставалась с ним до конца. Осталось несколько женщин и девочек, один или два старика. Когда вернулся отец, мы похоронили всех погибших. Никого не осталось в Лесу воронов. Мы с отцом взяли немного вещей и пошли по холму к заброшенной ферме. Отец брался за любую работу. Я присматривала за бабушкой. Она прожила два времени года. А когда умерла, у нас не осталось причины задерживаться там. И было... предупреждение, так что отец решил, что нам нельзя оставаться надолго в одном месте. Мы похоронили бабушку и ушли.

— Мне жаль, — сказал Флинт.

Я вдруг разозлилась. Как он посмел? Я отодвинулась, разразившись недовольной тирадой:

— Жаль? В чем смысл этого слова? Я знаю, что в сердце ты не человек короля, но когда ты при дворе, когда ты со своим отрядом, ты исполняешь его волю. Чем ты лучше тех, кто пронзил грудь Фаррала копьем и разрушил все, что было мне дорого?

Через миг Флинт сказал:

— Ничем не лучше, Нерин. Потому мы не можем быть друзьями. Поверь, если бы ты знала обо мне все, ты бы избегала меня, как прокаженного.

Я взяла себя в руки. Описание той ночи расшатало мои нервы. Если бы я не могла вот-вот заплакать, я бы не накричала на него так. Теперь мне было стыдно.

— Это не так, — прошептала я, вытирая глаза. — Прости, что сказала такое. Я ненавижу то, что тебе приходится делать такое. Но я знаю, что глубоко в душе ты хороший. Я вижу это в твоих глазах. Если бы ты был плохим, то не был бы так добр ко мне.

Холодная улыбка изогнула губы Флинта.

— Добр? Так обо мне еще не говорили.

— Ты забыл, что долгое время заботился обо мне? Ты делал все для меня. Если ты и злился, что я так медленно поправляюсь, я ни разу не видела этого. Разве это не доброта? — видя насмешливое выражение на его лице, я добавила. — Так сложно поверить, что я вижу в тебе немного добра?

— Я могу тебе врать, — сказал Флинт, — но ты поймешь, наверное. Похоже, я утратил способность убеждать ложью. Если бы Олбан был другим местом, Нерин, мы могли бы стать друзьями. Или чем-то большим. Но мы живем в этом королевстве и в этом времени. Здесь нет места для мягкости. Если подпустить людей близко, они тебя и ранят.

Я сказала после паузы:

— Но мы близки, Флинт. Иначе я не пошла бы за тобой в этот раз. Иначе ты не смог бы оставаться рядом со мной, пока я болела.

— Ты не так меня поняла. Я хотел помочь тебе, потому что верил, что ты можешь предложить что-то ценное. Тебе нужны были силы, чтобы попасть туда. Я помог тебе. И все, — он подложил ветку в огонь, хотя он и без того хорошо горел. Я не видела его лицо.

— Я тебе не верю, — сказала я. — Я думаю, что мы друзья, и не в невозможном Олбане в будущем, а сейчас, в этом печальном испуганном королевстве, в котором мы родились. Ты сказал, что я бы избегала тебя, если бы знала правду. Почему бы не рассказать мне эту страшную правду, чтобы я сама приняла решение?

— Не имеет значения, что ты думаешь. Когда мы дойдем до Тенепада, ты останешься, а я уйду.

— В Летний форт?

— К королю. Я так поступаю, Нерин. Я делаю то, из-за чего ты бы плакала. Из-за которых была бы в ужасе. Из-за которых разозлилась бы, как в тот день, когда нашла брата умирающим. Я не могу быть никому другом.

Больше говорить было нечего, и мы устроились на ночлег по разные стороны от костра. Я долго не спала, слушая ночь и пытаясь осознать наш разговор. Я была рада, что смогла рассказать ему о бабушке, хоть от воспоминаний мне и становилось плохо, а сердце яростно колотилось. Я прошептала молитву за нее, за Мару и ее Гаррета. Я поклялась, что если дойду до Тенепада, сделаю все, что в моих силах, чтобы больше ни к кому не применяли скребок разума. Это было злом, разрушением. Кто-то должен остановить это. Иначе Олбан обречен.

Я ворочалась, пока не заметила в свете огня, что глаза Флинта открыты. Он лежал и смотрел на меня.

— Холодно? — прошептал он.

В эти дни было все время холодно, ведь ветер спускался со снежной вершины горы. Ночью можно было промерзнуть до костей.

— Мне хватит тепла, — у меня уже была моя накидка и два одеяла. Я не хотела, чтобы он отдавал мне и свою накидку. А разжигать огонь в другом месте было рискованно. — Никак не могу успокоить разум и уснуть.

Он перевернулся на спину и смотрел теперь на темное небо. Свет огня плясал на высоких камнях, окружающих место нашего ночлега, силуэты теней напоминали существ из древних сказок.

— Не бойся, — сказал Флинт. — Мы дойдем за два или три дня. А когда мне нужно будет уйти, я найду для тебя укрытие. Я же говорил.

— Ты говоришь о моей безопасности, — мой голос звучал тихо в темноте. — А как же ты?

Молчание.

— Боишься, что меня убьют такие же, как я, и я не вернусь за тобой? — спросил он.

— Я не это имела в виду.

В тишине сверху раздался зов птицы, он был громким в холодном осеннем воздухе. Может, за камнями были тихие шаги, может, это было лишь мое воображение. Флинт прижал палец к губам. Мы ждали. Через какое-то время, пока я боялась сделать лишний вдох, он кивнул, показывая, что все в порядке, и я успокоилась.

— Здесь пройдет лишь зверь, — прошептал Флинт. — Люди ночью ходить не будут. Закрывай глаза, Нерин. Тебе нужно отдохнуть.

Я сглотнула.

— Долгое время после той ночи в Лесу воронов я боялась спать, — сказала я ему. — Боялась того, что увижу во снах, того, как это изменит меня. Да и сейчас я порой лежу и вспоминаю все, чувствую ужас, который был у нее, когда она проснулась лишь оболочкой себя.

— Закрой глаза, — снова сказал Флинт. — Думай о хорошем. Ты играешь с братом. Бросаешь камешки. Читаешь стишок камнемона. Думай о времени, когда твои родные были живы, чему они научили тебя. Думай о том, сколько взяла у них и носишь внутри.

От слез щипало глаза. Часто я видела их по очереди — маму, отца, Фаррала и бабушку. И все они оставили меня.

— Ты сильная, Нерин. Такая же сильная, как камни и горы. Как дубы, чьи корни глубоко в земле. Ты выглядишь хрупкой, как горный цветок, но внешность обманчива. Если я и не хочу оставлять тебя одну, то это не из-за того, что считаю тебя слабой и неумелой. Это...

— Что? — его слова застigli меня врасплох. Смутили меня. Мне стало интересно, каким он был на самом деле, в душе.

Его голос донесся до меня едва слышным шепотом:

— Потому что если я увижу, что ты сломлена, значит, увижу и сломленный Олбан. И тогда уже никому из нас не жить. Защищать тебя — значит защищать сердце этой земли. Спи, Нерин. Пусть хоть в эту ночь у тебя будут хорошие сны.

Этими словами он успокоил меня. Я едва понимала, что он имел в виду, но слова были

как теплый свет и приятный путь, они стали бальзамом для моего сердца.
— Спокойной ночи, Флинт, — прошептала я и провалилась в сон.

Глава тринадцатая:

На следующий день дорога была в гору, тропа — опасной, мы шли высоко над долиной. Флинт сказал, что хочет уйти днем, но когда солнце достигло пика, а он начал искать для меня укрытие, вокруг не было ни пещеры, ни трещины, только открытая местность. Мы прошли еще немного, Флинт становился все нервнее. Наконец, мы увидели сосновую чащу — единственное зеленое пятно в сером пейзаже. Но когда мы подошли, Флинту не понравилось укрытие деревьев. Мы остановились, чтобы перекусить и наполнить водой фляги. Мы сидели на камнях у ручья, сверху летали вороны, каркая. Я следила за ними, а они сели на одинокую сосну в ста шагах от нас на север вдоль края. Что-то мерцало под деревом. Существо? Человек? Я застыла с предупреждением на губах.

Все успокоилось. Я прищурилась, не понимая, что привлекло меня. Не человек. Не заблудившаяся овца или коза. Нет, я видела другой цвет, черное пятно под одиноким деревом, едва заметное глазу. Оно пропало. Появилось. Тень. Метка. Брешь.

— Флинт, — сказала я, — возле сосны, наверное, есть какая-то пещера. Сложно разглядеть. Там отчасти скрытые камни, а среди них — узкий проход.

Я поднялась на ноги, закрывая глаза от солнца. Флинт встал рядом со мной.

— Ничего не вижу.

— Нужно подойти и посмотреть, — сказала я.

— Если ты так говоришь, — он явно думал, что я заблуждаюсь, но когда мы собрали вещи, то пошли в ту сторону. Мы прошли одинокую сосну, и перед нами появились камни, которых не было видно издали. — Странно, — отметил Флинт. — Могу поклясться, что там был только склон холма. И я не вижу вход.

— Наверное, он скрыт, — сказала я, вспомнив Ревущий камень и подозревая, что мы нашли очередное укрытие доброго народца. Я закрыла глаза, глубоко дыша, и пыталась ощутить путь. Слева и, вроде, чуть ниже.

— Что ты делаешь?

— Тшц, — я открыла глаза и встретила его удивленный взгляд. — Попробуем с той стороны.

И там оказалась брешь, отчасти закрытая свисающими растениями, что пострадали от холода, и отмеченная двумя белыми камнями. Флинт смотрел туда, понимая, видимо, как и я, что камни эти — древний знак.

— Откуда ты знала, что вход здесь? — спросил он и добавил. — Не надо отвечать. Это идеально. Я разведу тебе костер, и мне пора уходить.

— Это мудро? Костер?

— Если сравнивать шансы того, что костер увидят, и того, что ты замерзнешь, я готов рискнуть.

Внутри пещера была тусклой, сухой, и если в ней кто и жил, это были летучие мыши. Темные глубины, казалось, тянулись глубоко в холм. Я разложила вещи, пока Флинт ходил за хворостом. Когда костер был готов, он оставил меня, пообещав, что вернется к ночи.

Я устроилась у огня, развесив одеяла сохнуть, и принялась готовить ужин. После этого я вышла к одинокому дереву и посмотрела на север.

Передо мной раскинулась земля оттенков серого, фиолетового и голубого под небом,

покрытым тучами. Неподалеку вверху белела снежная верхушка горы. Где-то среди скал мог лежать Тенепад. Разглядывая окрестности, я замерла. Из каменного склона выступала грубая каменная колонна. Вершина ее напоминала сжатые пальцы огромной руки. Кулак Великана. Так бабушка его и описывала.

«Найдешь Кулак Великана, — говорила она, — и ты найдешь Тенепад».

Флинт был прав — отсюда было около двух дней пути туда. И вдруг два дня показались бесконечными. Разве я могу столько ждать? Я хотела прыгать, бежать, лететь, чтобы завтра уже быть там, или прямо сейчас.

Но те холмы были тусклыми и пустыми. Там могли жить люди? Где они скрывались? Когда будут снега, они не смогут уйти. Я поежилась, представляя, как в Тенепаде узнаю, что мятежников нет, что Флинт ошибся, что все это лишь выдумка, созданная в отчаянной надежде.

Склон, по которому мы шли, не вел к тем холмам. Нам нужно будет спуститься в долину и пройти по ней, а потом взбираться снова. Долина выглядела пустой. В горах жили волки и орлы. Народ не водил сюда овец. Сосны смягчали склоны тут и там, но пасти животных было негде. Силовики не пойдут так далеко. Если не узнают про Тенепад.

Нельзя о таком думать. Если размышлять о том, что все пойдет не так, мечта ускользнет. Я вернулась в пещеру и задумалась о том, где сейчас Сильвер, Доу и остальные. Флинт ушел, и я ожидала, что северный добрый народец появится из теней. Но никто не пришел.

Огонь горел. Фляги были полны воды. Вещи высохли, ночлег был обустроен. Я могла лишь сидеть и ждать. Я обещала оставаться в пещере. Я уже нарушала обещание, выйдя посмотреть на долину. Нужно лечь и отдохнуть. Но осознание, что Тенепад так близко, наполнило меня желанием действовать, и было сложно сидеть на месте.

Я смотрела на огонь маленького костра, вспоминая всех, кто помогал мне, кто делился со мной мудростью. Призрачные воины в Скрытой воде, поющие старую песнь. Мы все хотели, чтобы Олбан был свободным. Хотели справедливости и мира. Но мне нужно было многому научиться. По словам доброго народца, я была в начале пути.

Я подумала о Флинте. Пусть он будет невредим. Пусть вернется дотемна.

День казался бесконечным. Я сидела, стояла, ходила. Пару раз выходила к дереву посмотреть на Кулак Великана. Тенепад был так близко. Но я чувствовала только сомнения. А если я приду, предложу помощь, но не смогу научиться использовать дар? А если никто не сможет научить меня быть Зовущей? Я призвала камнемона, да. Но мне повезло, я угадала, как его призвать, стишки сработали. Мне может так и не везти больше. А эти достоинства? Может, мне не суждено узнать, как использовать дар. Может, мне не быть Зовущей.

Я легла и закрыла глаза. Я не хотела спать. Я боялась снова. Но пещера была пустой без Флинта, все было не так. Глупо был так думать, словно одно его присутствие успокоило бы меня. Он Силовик. Мятежник. Как может человек играть обе роли и оставаться собой?

Что-то задвигалось снаружи, вблизи входа пещеры. Я резко села, кожу покалывало. Движение. Легкая перемена света. Я беззвучно встала на ноги, сердце колотилось, я смотрела туда. Ничего не было видно за свисающими сухими растениями. Но кто-то был там. Я чувствовала.

Флинт оставил мне нож. Я не думала, что он мне понадобится. Он лежал рядом с моей сумкой в ножнах, что я сделала давно для другого оружия. Один шаг к нему, другой, я молилась, чтобы не было ни звука. Тень упала на вход пещеры, а потом быстро исчезла. Кто

бы там ни был, он был быстрым и беззвучным.

Я ушла вглубь пещеры, держа перед собой нож, а он дрожал. Я никогда никого не убивала. Я не знала, смогу ли. Я ждала.

Время шло, ничего не происходило. Может, мне все показалось, может, это было в полусне. Но я не двигалась. Я мысленно считала до пятидесяти. Я ничего не слышала и не видела. Я сунула нож за пояс, чувствуя себя глупо, и вернулась к огню.

Шум снаружи и ругательства. Я застыла. Голос раздался снова:

— Ни на что ни годная шавка! — кто-то тяжело дышал. — Что ты наделала! Я весь день собирал это дерево, — стон боли. — Ах! Спина!

Голос принадлежал старику, был ворчливым. Он словно был у входа в пещеру. Он знал, что здесь кто-то есть — дым от моего костра был очевидным. Я приблизилась и теперь видела силуэт человека, согнувшегося и прижавшего руку к пояснице.

Маленькая собачка вбежала в пещеру и замерла в нескольких шагах от меня. Старик, кряхтя, выпрямился. В брешь среди занавески из растений я увидела его лицо. Его глаза были белыми, он ничего не видел.

Собака была интересной окраски — одна сторона была черной, другая — белой. Она начала пронзительно лаять. Мое сердце колотилось, ладони вспотели, но я взывала к разуму. Старик не был Силовиком, которых я боялась. Он не мог представлять опасность для меня. Я легко убегу от него. Я вдохнула и заговорила поверх лая собаки.

— Вы поранились? — я приблизилась, занеся ладонь над ножом. Собака прижалась к земле, завывая. — Вам нужна помощь?

Старик был узловатым, как древний можжевельник, на плечи спадали спутанные белые волосы. Он был в бесформенном тряпье непонятного цвета, но одежда казалась его неотъемлемой частью, как кора у дерева. Она был согнут из-за возраста. Я с болью вспомнила бабушку.

— Споткнулся о собаку, уронил хворост. И теперь болит чертова спина. Заткни пасть, псина! — взгляд старика пугал. Зачем он пошел за деревом сюда? Это попытка выманить меня из пещеры? — Хватит! — рявкнул он.

Собачка притихла, хотя зарычала, стоило мне сделать шаг.

— Вы ранены? — спросила я.

— Девочка, — сказал он. — Не ожидал найти девочку в Дыре Чудака.

— Так называется это место?

— Ты не отсюда, да?

Я не думала, что он ждал ответа на это, и я промолчала. Он нес большую охапку хвороста, ветви валялись у входа в пещеру с нитью, что связывала их.

— Дурацкая собака вечно под ногами, — проворчал он. — Думает, что так помогает.

— Может, в следующий раз лучше оставить ее дома.

Он посмеялся, кривясь от боли.

— Не могу, девочка. Она — мои глаза.

Он был слепым или почти слепым, не мог ходить один. Я огляделась. Никого не было видно.

— Почему бы вам не сесть, пока я соберу ваш хворост? — сказала я. — Вам далеко идти?

— Довольно-таки, — он опустился на камень, тихо ругаясь, и сидел там, пока я собирала его хворост. Собака была в пещере, и я надеялась, что она не доедает мои

припасы. — Хорошо бы что-то съесть, — сказал старик. — Тут хороший огонь. Я чувствую.

Я могла сказать многое, но молчала. Он был старым и устал. Лучше быть с ним вежливой, помочь тем, что смогу. Если повезет, он уйдет и не расскажет никому, что встретил меня. Было удивительно, что он здесь. Я не спрашивала его, где он жил. Вопросы вызвали бы вопросы в ответ, и я не могла этого позволить.

Связав охапку хвороста, я вернулась в пещеру, наполнила котелок водой из фляги и поставила на огонь. Двухцветная собака лежала на одеялах, но не спала: глаза ее были приоткрыты и следили за мной. Старик зашел за мной. Он опустился на землю проще, чем раньше, протянул узловатые руки к огню и вздохнул.

Я сделала настой. Сухие травы почти закончились. Хорошо, что Тенепад в паре дней пути. Мы молчали, пока я не сунула в его ладони чашку и опустилась со своей. Я смотрела на него сквозь пар и надеялась, что не ошиблась

— Ты пойдешь четыремя путями, — сказал старик.

Кожу покалывало.

— Не понимаю, о чем вы.

— Север, юг, восток и запад, — говорил он с терпением, словно считал меня глупой. — Ты посетишь все их по очереди.

Может, возраст притупил его разум. Или была в этом хитрость.

— Я не смогу побывать везде сразу, — сказала я. Если он думает, что я скажу ему, куда иду, то он глуп.

Старик расхохотался, испугав собаку, вскочившую на ноги.

— Нет, конечно, — сказал он, переведя дыхание. — Но тебя ждет небольшой путь.

Я молчала.

— Но это не значит, — продолжал он, — что путь короткий. Он длинный, если измерять в милях. В других пониманиях — еще длиннее. Надеюсь, ты справишься лучше, чем Чудак.

О чем он? Он знал обо мне что-то или просто бормотал бред? Я ухватила за безопасную часть.

— Чудак... тот, в честь которого названа пещера? А что было с ним?

— У тебя есть еда?

Я подавила вздох.

— Немного сыра, — сказала я, выудив припасы, что оставил Флинт. — И сушеных фруктов.

— Этого хватит.

Я вытащила сыр, а собака принялась пристально смотреть на меня, напоминала поки Пустого. Животное было странной, я никогда не видела, чтобы существо было так разделено между светом и тьмой, днем и ночью. Я дала старику то, что могла, а потом предложила маленькой гончей кусочек сыра, ожидая, что она жадно выхватит его из моих пальцев. Но она приняла дар с изысканным видом, а потом устроилась на одеялах.

— Этот Чудак, — сказал старик позже, когда закончил отряхивать свои лохмотья. — Длинная история. Ты еще не ходила в конец Дыры? — он смотрел вдаль, за мое плечо.

— Нет, — я хотела услышать историю, но и хотела, что он ушел. Казалось важным, чтобы он ушел до возвращения Флинта.

— Ах, не любопытная.

Я промолчала.

— Она уходит далеко вниз. Вглубь. Далеко-далеко. Об этом месте люди говорят дольше, чем ты можешь представить, девочка. Пещера когда-то называлась иначе, но это название забыто. Чудак обладал определенным талантом, он слышал истории. А его история довольно проста. Он пришел сюда посмотреть. Вошел. Спустился. Он не был готов, потому не вернулся.

— Это не долгая история.

— Могла быть дольше, — он скрестил руки на коленях.

— В пещере что-то есть? Что было в давних историях? Чудак что-то искал? — определенный талант. Мог ли этот дар быть таким же, как мой?

— Мог.

— Сокровище? Портал?

— Я могу показать, — сказала старик, я посмотрела на него и увидела другого человека — выше, сильнее, и глаза его были не белыми и слепыми, а сияющими, в которых огонь переплетался с ночью. Мое сердце колотилось. Чем он был? Когда добрый народец был неподалеку, я чувствовала внутри себя их присутствие, словно они были частью меня. Этот человек казался обычным. И сейчас он был таким — за один вдох он стал снова слепым, морщинистым и узловатым. — Я могу провести тебя, — сказал он медовым голосом.

— Раз он Чудак, то, наверное, не умен, — я старалась держать голос ровным. — Я здесь лишь ищу укрытия, — успею ли я пробежать мимо него к деревьям?

— Это умно, — сказал он. — Но смелости мало, да? Раз у тебя при себе этот ножик.

Холодок поднимался по спине.

— Если вы это видите, — сказала я, — то вам не нужна собачка для поиска пути.

— Ах, — сказал старик. — Это разные вещи.

— Я слушаюсь здравого смысла. Я не вижу причины идти дальше. Зато вижу пару причин не делать этого.

— Я не скоро смогу снова зайти туда. Но пока я могу завести тебя и вывести. Тебе может что-то сильно понадобится там. Но если не пойдешь, не узнаешь.

Я подавила возражение, слова бы прогнали его. Достоинства. Может, это шанс показать одно из качеств Зовущей, как Дающую руку, но другое. Проверка на смелость. Что кроется в тенях Дыры Чудака?

— Это будет похоже на... испытание? — спросила я.

Старик улыбнулся, и на его месте оказался мальчик двенадцати лет с белым лицом, в темной одежде, и свет падал на его лицо, явно не от моего огня. Его волосы дико торчали темными прядями вокруг головы. А глаза были такими же, как в тот раз — красными и черными.

— Возможно, — сказал мальчик, вскинув брови и опасно улыбаясь. — Внизу, — он указал на темноту пещеры, — ты найдешь пруд. Говорят, там утонул Чудак, утопился из-за увиденного. Слишком глубоко. Но ты не утонешь, если я буду держать тебя за руку.

Боги, что это? Ловушка? Или важная часть пути Зовущей? Какое существо будет так скрывать свою природу? Он напомнил мне обманщика из давних историй, переворачивающего все, которого можно было задобрить, если поймать при смене обличий. Игрок, которому нельзя было доверять.

— Говори честно, — сказала я, обхватив рукоять ножа, хотя я подозревала, что обычного оружия против него не хватит. — Ты пришел помогать или убивать? — я встала на ноги, шагнула к мальчику, хотя инстинкт просил убежать.

Собака низко зарычала. Слишком низко для такой крохи. Я рискнула посмотреть на нее и задохнулась. Собака стала крупнее. Спина ее доставала мне до пояса, тощее тело стало мускулистым. Рыча, она обнажила угрожающие клыки. Намек был ясен: «Я могу сама загрызть рослого кабана. А тебя? Одним ударом».

— Я еще не решил, — сказал мальчик и снова стал стариком, собиравшим хворост. — А насчет того, что ты найдешь в Дыре Чудака, так это может быть проверка и может быть карта. Ты можешь увидеть там весь путь. Конечно, порой это не поможет понять, что будет, какие друзья умрут раньше их времени, какие ужасные ошибки сделаешь, кто тебя предаст, кого ты уничтожишь или оскорбишь. С другой стороны, карта поможет знать, куда идти. В твоём случае, карт будет четыре.

Проверка. Проверка в темноте, в темном пруду.

— Я не умею плавать, — сказала я. Голос звучал по-детски, испуганный и одинокий. Я взяла себя в руке и заговорила увереннее. — Проверка не поможет, если я утону.

Снова улыбка, изменения были такими быстрыми, что я не успевала понять, пока не видела результат. Или он был сильным магом, или это было одно из существ из древних сказаний. Мог ли человек с даром уметь так идеально менять облик? Я сомневалась. Но если он был из доброго народца, почему не боялся ножа?

— Пытаешься понять, кто я? — понял он, словно, несмотря на слепоту, знал, что я разглядываю его. — Не выйдет. Я — величайшая загадка всего Олбана. Меня не решить. Совет — принимаешь или уходишь. До нашей новой встречи, а она будет, тебе лучше привыкнуть к таким играм. Иначе твой путь закончится слезами. Некоторые тонут, некоторые — нет. Одно ясно: если слишком боишься попробовать, проверку ты не пройдешь.

— Мне кажется, что попытка закончится тем же, чем и у Чудака.

Мужчина рассмеялся, закинув голову. Звук отражался от стен, собака завывала.

— Когда пошел Чудак, — сказал он, — у него не было проводника. У тебя лучший проводник, девочка. Прояви смелость, и я уберегу тебя. Поведешь себя жалко, и я захочу бросить тебя. Но в качестве хорошего поступка я расскажу тебе короткий стишок, чтобы оживить тебя. Готова?

Я стояла и безмолвно ждала.

Голос старика стал дрожащей песней. Он пел, а слова приходили ко мне издалека, они были знакомыми, и я не могла поверить, что забыла их. За голосом мужчины я слышала мамин голос, поющий крохе-Нерин, которой всего два года, и я сидела на ее коленях, а перед нами в воде медленно и загадочно танцевали морские котики под лиловым закатным небом цвета вереска, серым, как крыло голубя, красным, как огонь.

— *Мудрый взгляд и неподвижность,*

Смелость по тропе ведет.

Смелость сердца и решимость,

Щедрый дар рука дает.

Он посмотрел на меня белыми глазами. Я не знала, видит ли он меня.

— Это шесть, — сказал он. — Ты уже получила их, так мне говорили. Некоторые крохи готовы спорить весь день о том, что требуется, но я бы назвал это тратой времени. Так мы идем или нет?

Это было мое воображение, или в пещере вдруг стало темнее и холоднее? Я старалась не дрожать.

— Хотите сказать, что я уже показала шесть качеств из семи? — это невозможно.

— Не радуйся так сильно, девочка, — сказал старик. — Это еще не конец. Есть и другой куплет в этой песне.

— Расскажите!

— Ах, не так быстро, — он вскинул руки, защищаясь. — Сначала спустись, сделай, что должна, а потом я расскажу остальное.

Я вспомнила историю, в которой доверчивый юноша спустился в колодец, чтобы вытащить сокровище загадочной старушки, ведь ему пообещали небольшую награду, но когда сокровище оказалось на поверхности, старуха выхватила его и сбросила юношу обратно, убив. Но старик говорил так, словно знал, что мы встретимся снова. «Тебе лучше привыкнуть к играм». Может, я не погибну в Дыре Чудака. Что бы сказал мне Флинт? Он бы начал защищать меня с оружием и выражением лица Силовика. Но если бы он сам делал выбор, то я знала, что он не отказался бы.

— Хорошо, — сказала я. — Я сделаю это.

Старик поднялся на ноги. На миг его силуэт упал на стену за ним, и это была тень не сгорбленного старика, и не растрепанного мальчика. Черты были гордыми и сильными, принадлежащие воину, лидеру. Он повернул голову, и силуэт пропал.

— Идем, — сказал он. — У нас не так и много времени.

Я глубоко вдохнула.

— Иду, — я спрятала нож за пояс, подхватила ветку из огня, не зная, долго ли она сможет там гореть.

Первой пошла собака, что снова была маленькой. Старик уверенным шагом следовал за ней: или у него было другое зрение, или он так много раз это делал, что ноги сами несли его. Я шла последней с пылающей палкой в руке, а другая рука была свободна, чтобы схватить нож.

«Это место назовут Глупостью Нерин, — мрачно подумала я. — Она пошла за стариком и собакой, и больше ее не видели».

Вскоре пещера сузилась до туннеля, пронзающего камень. Длинного туннеля. То тут, то там виднелись боковые проемы, или это были небольшие пещеры. Воздух был холодным и свежим, значит, где-то неподалеку были отверстия наружу. Но это было маловероятно, ведь я чувствовала, что мы под землей.

Мы долго шли, ноги начали болеть от усталости. Я вспомнила, что мы с Флинтом шли полдня, пока я не нашла пещеру. Он может вернуться, обнаружить, что место пустое и подумать, что я снова ушла одна. А если он пойдет к Тенепаду в поисках меня, а потом я появлюсь отсюда и не успею его догнать? Я отогнала эти мысли и продолжила путь.

Странно, но факел, который я взяла, не выгорел и не мерцал, а горел ровно, освещая наш путь в темном проходе. Туннель уходил вниз. Сначала потихоньку, а потом все сильнее. Здесь было влажно. Стены блестели каплями, и я чувствовала кожей холодок.

Мужчина с собакой резко остановились, я с трудом не врезалась в них. Я подняла факел. Его свет открыл, что путь стал узкими ступенями, ведущими вниз. Что-то блестело там, бледное, как лунный свет. Пруд? Зеркало? Может, все вместе.

— Вот и это место, — голос принадлежал не старику, но и не мальчику. Он был сильным и властным, и когда я оглянулась, рядом увидела высокого мужчину, которому подходил тот силуэт на стене, сотканный из тени. Королевское величие, власть. — Спускайся, — приказал он.

— Одна? — мой голос дрожал, как и факел. — Хорошо.

— Отдай факел, — он вытянул изящную руку с длинными пальцами, на которых мерцали темные кольца, и я передала ему пылающую ветку. На несколько мгновений наши глаза встретились, и я увидела в них тот же танец цветов — красного и черного — что и раньше, не теперь они мерцали быстрее. Тени двигались по его лицу с высокими скулами. Он вскинул брови. — Не жди долго, — сказал он. — Или утратишь желание идти. Будь осторожна. Не поскользлись.

— Погодите, — было глупо его спрашивать. Я была растеряна этим его обликом и напугана. Я была ничтожеством рядом с ним. Он хотел так поиграть со мной? Но, если я и была ничтожеством, Тенепад таким не был. Свобода Олбана такой не была. И если у меня все получится, может, я сыграю свою роль в получении этой свободы. Я слышала в голове голос Флинта, тихий, как дыхание, и сильный, как камень: «Если я увижу, что ты сломлена, значит, сломлен Олбан, а если это случится, никому из нас не жить. Защищать тебя — как защищать сердце нашей земли». — Разве вы не говорили, что будете держать меня за руку? — спросила я.

— Держаться, — сказал мужчина с огненными глазами. — Мы посмотрим отсюда.

И мне оставалось лишь спускаться по этим ступенькам. Они были узкими, а поверхность была не только влажная, но покрытая каким-то мхом, на котором скользили мои туфли. Держаться было не за что, стены были близко, но когда я протянула руки, камень словно отпрянул от меня.

— Скорее! — заявил мужчина, собака гавкнула в предупреждение.

Я спускалась шаг за шагом. Мудрый взгляд. Неподвижность. Смелость. Сила сердца. Решимость. Дающая рука. И теперь я была у пруда. В его глубинах что-то зловеще сияло, словно под водой горел огонь. Старое место, принадлежащее доброму народу. Живое из-за магии.

Места едва хватало для двух моих ног. Никакого выступа, чтобы помешать ребенку или животному упасть. Только крошечная ступенька и вода, острые камни поднимались отовсюду. Я застыла, а в глубинах двигался и менялся свет. Мог ли этот пруд показывать будущее? Быть местом древнего ритуала? Что мне нужно делать?

Громкий лай собаки, и стены с каждой стороны вдруг ожили светом и тенью. Силуэты прыгали и ныряли — летящая сова, воин на коне и с топором, девочка с волосами, похожими на длинные водоросли. За мной будто горел огромный костер, бросая тени на камень. Я оглянулась через плечо на ступеньки. Мужчина стоял с вытянутой рукой, в другой он держал мой скромный факел. Он был магом или чем-то большим.

— Смотри вперед, — сказал он. Это был приказ, и я послушалась. На камнях впереди тень мужчины отчаянно сражалась. Он был на ногах, вооруженный лишь чем-то похожим на палку или посох. Против него были три воина на конях. Он замахивался палкой, хитрил. А я хотела, чтобы он выжил, ведь он выглядел таким настоящим.

Сзади раздался холодный и спокойный голос.

— Прыгай!

И я прыгнула. Вода приняла меня, холодная, как зимняя ночь, и это пронзило меня. Я погружалась все ниже, пока не должна была тонуть, но мне не нужен был воздух. Я спускалась, а вокруг появлялись и исчезали картинки. Я была в воде или огне? Свет и тень мерцали, дразня меня, пока я спускалась. Лица в огне, знакомые, но быстро меняющиеся,

дым закрывал их, или это была рябь, и они пропадали... Исчезали, и я не успевала коснуться, заговорить...

— *Останьтесь!* — кричала я, но голос выходил пузырьками. — *Стойте!*

Я увидела маму, она появилась и исчезла, как сон, милый, но растаявший. Я боролась, билась руками и ногами с водой.

— *Останься! Мне нужно... я хочу...*

Нет. Это проверка. И я заставила себя сдаться воде. Без боя. Не дышать. Как в ту ночь, когда я пряталась за стеной. Замереть как камень. Как смерть. Вода тянула меня в глубины Дыры Чудака.

И вот она на берегу, пела мне в ее руках, прижавшуюся к ее теплому телу.

— Сила сердца и решимость, — пела она, и я чувствовала, как она нежно гладила меня по волосам. — Щедро дар рука дает, — она склонилась и поцеловала меня в лоб. — Моя девочка, — прошептала она. — Моя дорогая девочка.

Я обрела голос и заговорила не как дитя в ее руках, дитя из воспоминаний, а как девушка, которой была теперь.

— Я люблю тебя, мама. Ты оставила меня рано, и я скорбела. Но ты дала мне то, что дороже всех даров. Может, ты уже тогда знала, что уготовило мне будущее, — в сознании появилось новое изображение. Женщина там была похожей на мою маму, но не полностью, она была младше, и в ней было что-то тяжелое, словно она пережила долгий путь и несла в себе опыт, который было страшно облекать в слова. На ее коленях было другое дитя. Я чувствовала тепло в своих руках, хрупкое, но и сильное. — Моя девочка, — прошептала я. Огонь поднялся, вуаль дыма закрыла их — мать, дочь и внучку.

И снова вода: как глубоко я погружусь, пока все не закончится? Тело напряглось, желая борьбы. Страх вопил мне убираться отсюда.

— Смелость, — прошептала я или подумала. — Пройди проверку до конца, или предай всех, кто в тебя поверил.

Закрыв глаза, расслабив конечности, я падала. Я падала в свет летнего дня. Он освещал белое лицо брата, струйку яркой крови, текущей из его рта. Он пытался вдохнуть еще хоть раз, сказать слова, что я уже слышала: «Нерин, прости».

Нерин того времени плакала, молила Фаррала остаться, молила не оставлять ее одну. Последним звуком, что он слышал перед смертью, был вой сестры. Теперь я опустилась рядом с ним на колени и прошептала на ухо:

— Ты отдал жизнь за правду. Ты показал мне, как быть смелой. Передал мне этот огонь, брат. Теперь я буду его нести, — я видела перемену в его взгляде, а потом свет покинул их, и он улетел в голубое небо, раскинувшееся над холмами Олбана. — Прощай, Фаррал, — прошептала я.

Я была тоже в небе, меня вращали четыре ветра, я парила. Лица в облаках. Воин, ребенок, гордый жеребец, жук, собака, странный старик, девочка, что смотрит, как отец продает ее за три серебряника. Огонь охватил его, сделал из него кричащий столб пламени, его рот был раскрыт, глаза — выкачены, а боль пронзила и меня, я закричала, но ветер унес мой голос далеко.

О, это было жестоко. Печаль давила на меня, мешала сказать слова. Отец, страдая, смотрел на меня. Я хотела сжаться, закрыть руками лицо и притвориться, что его здесь нет. Но я должна была пройти проверку с открытыми глазами, руками и сердцем, без горечи, сожаления или обвинений. Я должна смотреть и отпустить потерянных.

— Отец, — сказала я, давясь, — у тебя был тяжелый груз, ты долго его нес. Ты сделал все, что мог, для меня. Мира тебе. Я люблю тебя. Я прощаю тебя.

Дочь... Слово было шепотом, вдохом, уносящимся прочь. Он ушел.

Еще не все. Я погрузилась еще ниже, глубже воспоминаний. В этот раз я думала, что не справлюсь. В этот раз я хотела закрыть глаза и уши. В этот раз я проиграю, не смогу с этим справиться, ведь это нельзя было вынести. Я молила себя не сдаваться.

Выбора не было. Ни борьбы, ни укрытия, я могла лишь двигаться к самому темному, самой страшной боли, ране, которую нельзя было исцелить. Решимость. Она была у нее до самого конца. В ее голосе, когда она просила меня спрятаться, не издавать ни звука, сколько бы ни пришлось ждать, что бы они ни сделали с ней, что бы я ни увидела. Она была в ее глазах, когда они схватили ее, пока она не потеряла сознание.

— Бабушка, — сказала я, пузырек с ее именем поплыл к свету. — Где ты?

Пришло две бабушки. Одна была рыдающей старухой последних дней. Страх оставил глубокие морщины на ее коже, она цеплялась за лицо руками, словно там была маска. От нее неприятно пахло мочой и затхлой едой. Но я так и не смогла ее отмыть, хоть и старалась.

— Нерин, — прошептала она, озираясь. — Нерин, это ты? — я обняла ее, ослепленная слезами.

— Я здесь, — сказала я. — Я рядом.

— Подними голову, дитя.

Я посмотрела туда, и хотя ее хрупкое тело дрожало в моих руках, но при этом она стояла передо мной с прямой спиной, ясным взглядом. На ее лице сохранилось тепло мудрости, любви и жизни.

— Вот ты где, — сказала она и улыбнулась.

Я не могла найти слова. Но они и не требовались. Она шагнула ко мне и обняла меня, хотя я обвивала руками ее второй облик.

— Моя дорогая, — сказала она. — Смелая малышка.

И из меня полились слова:

— Нужно было заговорить, выступить против них. Так сделал бы Фаррал! Как я могла просто стоять и не помогать тебе, позволить им...

— Тише, Нерин. Ты была ребенком и не могла помочь. Так вышло, это в прошлом, и ты не можешь этого изменить. Если бы ты бросилась на помощь тогда, кто прошел бы эти проверки и этот путь? Поднимись к свету. Поднимись и иди.

И она исчезла, как роса с травы. За один удар сердца. Я не могла облечь мысли в слова. Но, может, и это не нужно было, ведь она всегда понимала.

Я поднималась. Медленно, как листок на ветру, крутясь, я поднималась сквозь дрожащие тени к поверхности. Появлялись картинка, и они были мимолетные, но не менее яркие, чем раньше. Я у пещеры у моря смотрю на запад. Морщинистые руки обхватывают мои. Старушка шепчет: «Будь плавной, как вода».

Я поднялась выше, появилась новая картинка. Я была в зале из снега и льда, он сверкал загадочным сиянием. меховая накидка, словно из волка, была на моих плечах. Кто-то стоял за мной, но я не видела, кто именно. Воин с копьем в руке, но не Флинт, этот силуэт был тоньше. Голос был другим — ниже и сильнее: «Терпи, как терпит земля».

Вода мерцала вокруг меня, становясь зеленой, золотой, серебряной, белой, как в зимнем видении. И вот снова я — в синем платье и с распущенными волосами, падающими на плечи. На голове был венок цветов. Голос — женский, властный, но певучий — сказал:

«Видь с ясностью воздуха».

И снова вверх. Свет плясал вокруг меня, заполняя воду магией. Я ждала четвертого изображения, ведь старик говорил о четырех путях и карте. Эти видения были связаны со Стражами? Карга с островов. Лорд Севера. Белая леди. Мне придется искать каждого из них? Они были ключом к силе Зовущей?

Голова оказалась на поверхности, я была в пещере, свет блеснул на стенах, ступеньки уходили вверх. Я замахала руками, отчаянно пытаюсь оставаться на плаву, пока не уцепилась за край, чтобы не утонуть, ведь теперь это было бы обидно. Моя нога коснулась дна. Я споткнулась и выпрямилась. Пруд был глубиной по грудь. У верхней ступеньки стояли мужчина и собака. Огонек на ветке превращал лицо мужчины в маску с черными дырами вместо глаз.

— Поднимайся, — приказал он.

Я полезла наверх, оставляя за собой мокрый след. Одежда была мокрой, волосы прилипли к плечам. Туфли хлюпали, пока я поднималась, придерживая рукой юбку и цепляясь другой рукой за стену. Когда я добралась до вершины, мужчина снял часть своей одежды — неопределимую по цвету и форме — и накинул мне на плечи. Тепло растеклось по замерзшему телу, пар поднимался от одежды. Облегчение из-за того, что я жива, затмило способность думать, но не до конца. Я вылезла. Выжила. Я прошла проверку? Показала седьмое качество? Картинки в конце могли быть картой пути. Но она показала мне трех Стражей, а не четырех. Я что-то упустила? Или проверка еще не закончена?

— Конец близок, — сказал мужчина. — Очень близок. Мы идем обратно.

Я следовала за ним, мы молчали на пути к пещере. К тому времени, как мы дошли, мои волосы и одежда высохли.

Костер превратился в угли, Флинта не было видно. Я положила хворост на угли. Я скоро рухну от усталости. Я хотела плакать, но не от печали, а из-за того, что произошли перемены, что я простила родных и отпустила их.

Но нужно еще немного сил. Это еще не конец. Спутник говорил об играх. Он что-то скрывал, я была в этом уверена. Последнее испытание. Последний кусочек. Ответ пришел ко мне, когда я смотрела, как костер танцует перед нами. Неужели?.. Могло ли так быть?..

Я попила из фляги, наполнила котелок и поставила греться.

— После всего, — сказала я, держа голос спокойным, — меньшее, что я могу сделать — это предложить вам свежий настой, — пусть останется так, чтобы я все поняла. Пусть посидит, пока я все обдумаю. Обманщик из старых историй, которому все равно, как поступать правильно, который может менять облик. Он мог прятаться, подслушивать, быстро и скрытно путешествовать из-за своей природы. И был лишь один способ перехитрить его...

Я взглянула на него, он сидел на камне снова в виде старого слепца. Огонь отбрасывал на стену его тень — опущенные плечи, спутанные волосы и силуэт старика. У его ног сидела собачка и лизала лапу.

— Что ты там видела? — спросил он.

— Свою семью... — в горле пересохло, ответ не хотел выходить наружу. Я должна это сделать. Быстро, пока он не ушел. Отвлечь его внимание и сделать. Обхитрить обманщика. — И себя, — сказала я. — В пути. Может, хотите поесть? Уверена, собака будет этому рада, — сумка была близко к нему, на ней лежал сверток с травами. — Там мог остаться заяц, я посмотрю...

Я медленно рылась в сумке. Правая рука была скрыта от него складками юбки. Я схватила палку, почерневшую от огня. Я встала и прошла мимо спутника.

— Где те чашки? — пробормотала я и со скоростью, которой от себя не ожидала, я вскинула уголь и обвела силуэт, что огонь отбрасывал на стену. Голова старика, тень старика. Я отпрянула. Он склонился, чтобы почесать собаку за ухом. И его профиль появился на камне: благородный лоб, прямой нос, выдающийся подбородок. Не старик, а нечто сильнее.

— Я не знаю точно, что вы, — сказала я уважительным тоном, ведь он мог оказаться древним богом. — Но я могу высказать догадку.

Он повернулся к моему рисунку, я боялась, что он разозлится. Но он был удивлен. На миг он стал мальчиком с опасной улыбкой, не выдающей его чувств.

— О, умно, — он вскинул брови. — Красивый профиль, да? Тебя растили на древних историях, вижу. И ты, видимо, знаешь, что твой ум подарил тебе услугу. Не потрать ее зря.

— Я приберегу ее.

— Мудро и быстро, — он насмехался. — Выпьем же этот настой, а ты пока расскажешь, что узнала в Дыре Чудака?

— Разве вы уже не знаете?

— Я могу быть полон обманов, хитрить, но все еще не умею быть в двух местах сразу. И я не спрашиваю, что ты там увидела. Расскажи, что ты выучила.

— Вы говорили о картах, — сказала я, бросая щепотки сухих трав в кипящую воду. — Мне дали три карты. Я бы сказала, что это был запад, север и восток. Вода, Земля и Воздух Похоже, мне нужно пойти туда и найти... очень сильную сущность, которая не хочет, чтобы ее нашли. Которая не хочет участвовать в этом, ведь это тревоги моего вида, а не их. Мне нужно попросить у них мудрости. Обучения.

— Ты говоришь так осторожно.

— Когда не то слово может убить, осторожность становится привычкой.

— Но ты прыгнула без сомнений. Я этого не ожидал.

— Я сама удивилась, — я все еще не понимала, почему послушалась приказа, что казался приглашением на смерть от утопления. Я не замерла. Я просто действовала. — Вы расскажете оставшийся стишок? Я видела в Дыре Чудака свою семью, каждого по очереди. Говорила с ними. Упокоила их. Это была последняя проверка?

— Я прочитаю тебе стишок, а ты будет судить. Последняя часть такая:

«Ты утерянных, убитых

Прости и освободи.

Набирайся чести, силы

И для Олбана живи».

— Все смешано. Как думаешь?

Спину покалывало. Я хотела плакать. Фарралу понравились бы эти слова.

— Думаю, любопытно, что древние слова так хорошо подошли, — сказала я, держа голос спокойным. — Будто были написаны для меня. Но и других так испытывали.

— Может, каждый раз стихотворение меняется, — сказал он и принял чашку горячего настоя. — Может, для каждого Зовущего слова меняются, кто знает? Ты, похоже, уже показала шесть достоинств в первом куплете, а во втором — одно, но самое сложное. Последние слова — твой выбор. Так делают Зовущие, но не все следуют этому пути. Для некоторых он слишком сложный. Странно, что тебе показали три карты, а не четыре. А как

же юг? — он улыбнулся, и его зубы на миг показались белыми и острыми, как у хищника.

Я сглотнула, не желая показывать свое невежество. Я могла ошибаться.

— Вы не сказали мне, кто вы, — сказала я, — и я не спросила. Но мне, может, и не нужно идти на юг, ведь юг пришел во мне, — в песне упоминались Тени, Хозяин теней. Я не могла представить другого объяснения своему спутнику.

— Хороший настой, — сказал старик. — Напоминает женщину, что я знал когда-то, не помню ее имени, но у нее был редкий дар, связанный с травами. Как и все в твоём виде, она прожила мало, в страданиях. Она мне нравилась. Но не думай, что с югом все так просто. Через какое-то время мы встретимся снова, и это не будут посиделки с чаем. Впереди у тебя долгий путь, тебе много учить, убеждать упрямых старых существ. Я играю только по своим правилам, меняю их по настроению. Готовься к игре в следующий раз. Я люблю уловки, — он посмотрел на угольный рисунок. — Неплохо получилось.

Я кивнула, пытаюсь выразить благодарность без слов. Слова могли подчинить фейри, принести проблемы. Я с трудом верила, что сижу и говорю с одним из Стражей.

Словно читая мои мысли, мужчина сказал:

— Остальных найти будет сложнее. Они спрятаны глубоко. У тебя долгий путь впереди, — он поднялся на ноги. — Идем, пес!

Я сняла с себя ткань, что он дал мне. Это была просто черная ткань.

— Я должна это вернуть.

— Оставь, — сказал он, допивая чай одним глотком и щелкая пальцами собаке. — Я пойду. Смотри, чтобы твой огонь не угас, девочка.

За растениями на входе в пещеру, небо было сиренево-серым. Вечерние тени лежали на земле. Я помогла старику взвалить на спину вязанку хвороста и провожала его взглядом в сумерках. Собачка бежала впереди, оглядываясь на него. Когда они исчезли из виду, я вернулась в пещеру и осторожно села у костра. Если бы не признаки того, что уже была почти ночь, я бы решила, что путешествие в Дыру Чудака было безумным сном. Где-то внутри меня горело желание попасть в Тенепад, пойти в бой под знаменем свободы. Но при этом я чувствовала себя старой тряпкой, которую намочили, прокипятили, потерли о камни и с силой выжали.

— Нельзя ему рассказывать, — прошептала я под нос, допивая напиток и глядя на огонь. — Пока что.

Чашка опустела, я поднялась и вытерла уголь со стены, превращая профиль в тень.

Глава четырнадцатая:

Депеша: Оуэну Быстрому мечу, главе отряда Оленя (только для его глаз)

Район Леса воронов

Конец осени

Оуэн, посылаю в спешке. Кельдек отправил отряд Оленя в Зимний форт под моим управлением. Отряд Кабана идет в долину Раиш из-за слухов об активности мятежников. Поздно для таких переходов, но советник короля отклонил мои возражения. Посылаю это с Дюгальдом, который ведет их.

Надеюсь увидеть тебя на востоке до наступления зимы. Осторожнее, друг.

(подпись) Роан Клинок-убийца.

** * **

До крошечной темноты я увидела, как мимо сосен идет Флинт. Он проверял по пути дорогу, в руке его висел какой-то пушистый зверь, покачиваясь от его шагов. Его выражение было настороженным. И только когда он вошел, поставил сумку, оружие и добычу на пол, я увидела его взгляд.

— Рада, что ты вернулся невредимым, — сказала я, держа голос ровным. День прошел быстро для меня. После того, как мой гость ушел, я поплакала у костра, но слезы были хорошими. Теперь я была похожа на выкованное заново оружие, сияющее и острое. Но Флинт... Что он увидел такого, что был так мрачен?

— Угу, — он вытащил нож и начал свежевать добычу.

— Все прошло по плану?

— Угу.

Я молчала, пока он заканчивал работу мясника. Он делал это неуверенно, словно мыслями блуждал где-то еще. Когда он превратил добычу в несколько кусков мяса, он насадил их на заостренную ветку с большей жестокостью, чем нужно было.

— Я приготовила ужин, — сказала я. — Часть мы можем оставить на утро.

Флинт издал непонятный звук и сел с кровавыми ладонями вокруг коленей. Я поставила котелок на костер, нашла веточку, чтобы помешать кашу в нем. Снаружи уже была ночь. Дни стали короче. Я нашла ткань, намочила водой из фляги и передала ему.

— Вытри руки, — сказала я.

И только тогда он заметил кровь. Он протер руки и повернул ветку с мясом.

— План изменился, — сказал он, не глядя на меня.

Мне вдруг стало холодно. Я была так близко к Тенепаду, прошла проверки, а теперь это. Силовики узнали, где я? Товарищи начали подозревать его?

— Как?

— Я не могу увести тебя сейчас. Придется остаться на время здесь. Еще три дня, и можно будет идти.

— Три дня? — я не могла медлить. — Почему? Нет, не отвечай.

— Мне нужно, чтобы ты залегла на дно. Я принес тебе припасов. Если будешь осторожна, этого хватит, пока не можно будет идти. Оставайся в пещере. Можно пойти к ручью за водой и остальным, но старайся делать это раз в день, если получится, и пока ты снаружи, будь начеку. Носи при себе нож. Никаких побегов, понятно? Риск слишком высок.

Я смотрела на него.

— То есть, ты не остаешься.

Флинт избегал моего взгляда.

— Я буду ночью, а потом уйду. Это важно, и я не хочу тебя в это впутывать. Слушайся меня, и ты будешь в безопасности. Я вернусь за тобой. Через три дня или четыре.

После долгой паузы он добавил:

— Ты справлялась сама раньше.

Я подавила возражение. Он бы не оставил меня без надобности.

— Помнится, ты говорил, что у меня получалось плохо, — я старалась говорить ровно.

Он посмотрел на меня, в его глазах все еще скрывалась тень.

— Может, я был слишком строг. Ты была слаба, больна. Напугала меня.

— Мясо подгорает, — я опустила взгляд. — Это была куница?

— Не стоят усилий. Там на два укуса, хорошо, что ты тоже приготовила еду, — улыбка тронула его губы. — Утром я принесу тебе еще хвороста. Активность была? Друзья-помощники?

— Ты про... нет, их не было, — через миг я добавила. — Не беспокойся, я не уйду одна. Тебе удалось запугать меня.

Улыбка угасла.

— Прости, я не могу рассказать тебе больше. Поверь, незнание безопаснее. Я объясню тебе, когда мы придем в Тенепад.

— Я думала, ты там не останешься.

— Останусь на пару дней.

— Ясно.

— Хватит об этом, — сказал Флинт. — Пора ужинать, сидя у костра, и мирно спать хотя бы ночь.

— Видимо, уходить тебе придется рано, — мне не нравилось это выражение его лица: сжатые губы и тревожный взгляд.

— Не настолько рано, чтобы я не смог принести хворост и убедиться, что у тебя все есть, — я уже слышала прощание в его голосе.

— Я буду скучать, — слова вырвались ярче, чем я успела понять, как они звучат, как он может их воспринять. Я смотрела на свои ладони.

— Считай эту ночь даром, — прошептал Флинт. — Время. Тишина. И нет одиночества. Я не понимал ценности этого.

Я безмолвно делила ужин, отдала Флинту его порцию. Он снял кусочки мяса и разделил их между нами.

— Забудем о мире вне пещеры до утра, — сказал Флинт.

— Олбан когда-то был другим, — сказала я, опуская ложку в кашу. — До Кельдека люди рассказывали за ужином у костра истории. Пели песни. Никто не боялся, что их подслушают.

Оглядевшись, я встретила взглядом с Флинтом и увидела любопытство, почти что голод. Я вспомнила мальчика из сна. Рос ли он под звуки арфы и сказки?

— В год, когда я родилась, на трон сел Кельдек, — сказала я. — Я никогда не жила в другом Олбане. Но я слышала истории. Бабушка знала много таких, а отец любил петь. Тогда.

— А твоя мама?

— Она умерла, когда мне было три года, родив сына. Сердце отца было разбито, но он тогда был сильнее. У него были мы с Фарралом, и бабушка сдерживала его.

— Нерин.

Я снова посмотрела на него.

— У твоего отца тоже был дар?

Я покачала головой.

— А у бабушки?

— У нее был дар. Взор, как его называли люди. Порой она видела грядущее. Она не могла призывать способность, когда было нужно. Она приходила сама, как видение на поверхности воды. Или в огнях камина. Порой увиденное пугало ее.

Флинт смотрел на огонь так, словно он мог что-то ему рассказать.

— Она рассказывала тебе про свои видения? — спросил он.

— Редко. Она говорила, что знать будущее опасно. Много знаний может направить человека не на тот путь. Если знаешь, что будет плохо, попытаешься это избежать. Взор работает не так. Нельзя понять, показали тебе конкретное будущее или возможный вариант. У нее не было времени научить меня всему, что она хотела. Часть она хотела рассказать, когда я буду старше. Но... ты знаешь, что случилось, — замешкалась я. — Когда я рассказала тебе, это был первый раз, когда я поведала кому-то всю историю. О том, что с ней сделали. До этого у меня не получалось.

— Ты сказала, что она тебя учила. У вас одинаковый дар?

— Нет. У меня нет Взора. Бабушка была травницей, целителем. Она учила меня этому. Какие растения собирать и когда, как делать настои, мази, припарки, масла. Как закрепить сломанную конечность или проколоть фурункул. Основные навыки, это не повод для подозрений. Но она учила понемногу. А я хотела бы знать больше.

— В Тенепаде, — тихо сказал Флинт, — есть те, кто научат тебя, если ты этого захочешь.

Я не думала, что буду и дальше изучать травы. Теперь мой путь был ясен. Но было слишком рано раскрывать все. Я расскажу ему в Тенепаде.

Снаружи сгушалась тьма. Ночь была без звезд, луна была скрыта за тучами. Мы сидели у костра, обмениваясь изредка словами. Мы не рассказывали истории и не пели песни, хотя я позволяла себе представить будущее, в котором я буду делиться с ним историями, что рассказывала мне бабушки, пока я росла, и песнями, что насвистывал отец, а, может, и древней песней, которую я пела призракам и броллахану. Пару раз мы поднимали головы одновременно, пересекались взглядами, и я задавалась вопросом: ощущал ли Флинт то же, что и я к нему. Не желание, хотя его простое лицо стало мне приятным. Мне нравились его сильные умелые руки и крепкое тело. Но наше доверие было слишком хрупким, чтобы заходить дальше прикосновений руками или телами. А наши глаза говорили о чем-то хорошем, глубоко, что могло вырасти и расцвести, если позволил бы мир вокруг нас. О чем-то слишком ценном, чтобы говорить об этом. Я не могла открыть это пока что.

Я хотела попросить его беречь себя, вернуться ко мне. Я хотела спросить, что сделало его таким мрачным и тихим, каким он пришел. Я хотела быть той, кто может смягчить выражение его лица, может убедить его, что в мире есть не только боль и жестокость. Но я многого хотела. Он не останется в Тенепаде. Он вернется к Кельдеку. Выбора не было, и там запрещалась вся нежность. Запрещалось выражать тревогу о нем. Я надеялась, что по моему взгляду видно, как мне будет одиноко без него.

Порой ночью я просыпалась от воя волков. Звук был зловещим, холодным и одиноким. У всех сейчас было время голода. Я добавила хвороста в костер, превратившийся в угли.

Я посмотрела в сторону. Там, где лежал Флинт, укутавшись в плащ, никого не было. Я ощутила панику. Уже ушел? Он же говорил — утром. Он сказал, что соберет мне хворост, сказал...

— Нерин? Я здесь, — донесся из темноты его голос. Он был на входе, смотрел в ночь, бледная луна выглядывала из-за облаков, бросая холодный свет на камни вокруг укрытия.

Я набросила накидку на плечи и встала рядом с ним. Как же холодно! Пальцы онемели, я едва чувствовала ноги.

Флинт не двигался, словно был из камня. Лунный свет касался его черт, показывая, что он человек, ведь на его сильном лице в холодном свете был след слезы.

Как я могла что-то правильное сказать? Я положила ладонь на его спину, оставив там, надеясь, что передам ему хоть часть своего тепла. Мы долго стояли так. Вдруг он зашевелился, пробормотав, что я замерзну, и мы вернулись в пещеру.

— Холодно, — сказала я. — Почему бы не положить одно одеяло вниз, лечь на него вместе и накрыться остальными покрывалами? — он ничего не сказал и только посмотрел на меня, а я сказала. — Это только для того, чтобы согреться. Если беспокоишься за меня, то так ты будешь уверен, что я не замерзну до того, как дойду до Тенепада, — я поняла, что произнесла это слово вслух.

Он должен был спросить о следующей ночи. Но не стал, лишь помог расстелить его плащ на полу. Мы неловко легли на него бок о бок и накрылись остальными одеялами. Не касаясь, я чувствовала напряжение Флинта. Не касаясь, я чувствовала тепло его тела, выгоняющее холод из меня, успокаивающее. Снаружи было тихо. А у нас в пещере огонь отбрасывал блики на стены.

Я уснула спокойно, а глаза открыла с первыми лучами. Я лежала на боку под одеялами, а Флинт был рядом, соприкасаясь со мной грудью и ногами, рука была закинута на меня. И я тут же проснулась. Нужно отодвинуться. Быть близко к нему неправильно. Но он был таким спокойным, и я не хотела будить его. Я не хотела двигаться. Я запомню это и буду вспоминать, когда мне будет холодно и одиноко. Я лежала так, думая только об ощущениях тела. Флинт проснулся и без слов насчет объятий, в которых я оказалась, отодвинулся. Мы начали новый день.

Флинт сложил сумку. Я подогрела остатки еды, пока он приносил хворост для меня. Он дал мне нож побольше, оружие выглядело серьезно, и я наделась, что оно мне не понадобится. И мы снова сидели у костра, а тишина пугала сильнее, чем тревога за его безопасность.

— Нерин?

— Мм?

— Мне нужно кое-что тебе сказать. Я хочу, чтобы ты услышала это, пока я не ушел. Обещаешь выслушать до конца?

Мне не нравились его слова и тон.

— Уверен, что хочешь рассказать это сейчас? — если он уйдет, пусть молчит, чтобы у меня не было повода думать об этом. Пусть закончит задание, а потом вернется, и мы пойдем вместе. Пусть выполнит задание, не поранившись. А объяснит все в Тенепаде.

— Не хочу. Но нужно. Обещай, что не перебежешь, пока я не закончу. Обещай дослушать до конца.

Он меня пугал. В чем дело?

— Хорошо, — сказала я.

Он сел напротив меня с серьезным видом, сцепив беспокойно пальцы.

— Я представляю, что у короля есть в распоряжении несколько людей с дарами, — он понизил голос до едва различимого шепота. — И он использует их для себя. Что запрещено всем, позволено его близкому кругу, включая Силовиков. Талант, скажем, проходить сквозь стены или слышать чутко, как кот, может оказаться очень полезным. Как и навык видеть будущее.

Он просил не перебивать, и я только кивнула. Лицо мое точно выражало мое отношение к Кельдеку и его использованию магии. Я не была удивлена, это знали в Лесу воронов, это понимали все на западе. Люди не говорили об этом, как Флинт. Но был комментарий тут, шепот там, взгляд через плечо на случай, если кто-то подслушивает.

— Я... — он замешкался, хмурясь. — Мы говорили раньше о западных островах. Я не родился там, меня отправили. Ребенком на... обучение. Когда мне исполнилось восемнадцать, я отправился ко двору. Мои навыки были ценными королю. Я был там с тех пор. Я из близкого круга Кельдека, Нерин. У него всего несколько друзей. И я... он считает меня самым близким из них.

Я помнила Флинта на острове, представила мальчика, изучающего то, что нужно знать Силовику: как выломать дверь одним ударом, как выбить признание пытками, как нести ужасы во имя короля. Как делать все это и жить. Как оставаться послушным, даже если из-за приказов плохо. Мысль пугала, но страшнее было то, что он не только слушался короля, а был его другом. Этого я не могла представить.

— Должен тебе сказать, что... — он кашлянул и начал снова. — У тебя больше причин, чем у других ненавидеть короля. Презирать тех, кто усиливает его власть. Ты пережила ужасные потери. Ты видела худшее, что принесло его правление Олбану. Но... — он снова замолчал, глядя на ладони. — Плевать, — прошептал он. — Это правильно не расскажешь.

— Что? Я знаю, что ты — Силовик. Я знаю, что ты связан с мятежниками, и я представляю, как тебе тяжело. Ты сильно рискуешь, спасая меня. Я понимаю, что ты не можешь объяснить мне всего. Что такого важного, что я должна услышать это сейчас?

— Я... Нерин, я... То, что ты думаешь о порабощении, что видела с бабушкой, не такая истинная природа исправления разума. Это искаженный вариант, злое использование благородного искусства. Люди забыли, как было раньше, когда они видели его лишь как извращенную насмешку. Исправление разума — не разрушительная сила, которую ты видела. Если ее использовать во благо, она станет мощным орудием добра.

Холод обвил меня, сжимая.

— Так мне говорили, — сказала я. — Хотя я никогда не верила. Флинт, что бы там ни было, расскажи мне.

Флинт потянулся к воротнику туники. Его рука дрожала. На его шее была нить, и я видела ее раньше, но не задумывалась о том, что там висело. Часто люди носили счастливый камень, талисман семьи или важную вещьцу.

Он вытащил предмет, и там был не камень, не амулет оленя, не руна и не знак защиты. Там был маленький прозрачный флакон, на месте его удерживала серебряная когтистая лапа. Я потрясенно рассматривала детали — изящную пятистороннюю форму флакона, похожую на длинный кристалл, тонкие серебряные когти, царапины, словно пару раз его грубо хватали. Под серебряной лапой была прядь медовых волос. Внутри флакона было

немного чего-то, похожего на дым или воду.

— Это мой дар, Нерин, — сказал Флинт, его голос был убитым. — Я — исправитель разума. Ты не должна...

Мне стало плохо. Точки плясали перед глазами. Пещера стала темной, кровавые пятна были вокруг, и все вращалось. Я вскочила на ноги и бросилась наружу, где из меня вышел завтрак на платье и камни. Я обхватила себя руками, желудок сдавливало раз за разом. В ушах звенело. Из глаз и носа текло. Я едва могла стоять на ногах.

— Я помогу тебе, — он был рядом, его пальцы коснулись моей кожи...

— Не трогай меня! — я вырвала руку из его хватки и отдернулась, споткнулась о камень, поскользнулась, но побежала к укрытию сосен, побежала прочь от него.

— Нерин, стой! погоди! Ты обещала выслушать меня! Нерин, послушай!

— Прочь! Оставь меня в покое! — боги, я думала, что он мой друг, страж, спаситель. А все это время он был одним из *них*...

Страх подгонял меня, но я знала, что Флинт может меня догнать. Деревья были в сотне шагов впереди. Его ботинки стучали по камням неподалеку. Я слышала его тяжелое дыхание. Мою грудь сдавливало, каждое дыхание причиняло боль. В голове пульсировали картинки бабушки, идущей ко мне с чужим взглядом, Гаррета и сыночка, что рос, не зная, что его отец останется ребенком. Я рылась в себе, я призвала то, что мне было нужно. Зов раздался из меня, безмолвный, но сильный. *Спрячьте меня. Помогите.*

Туман полился из темноты под деревьями. Он двигался слишком быстро, окутал меня облаками, опутывая меня, унося по склону к чаще. Там были силуэты: королева в длинном платье, серебряный меч воина сверкал в тумане, дитя с большими глазами в лохмотьях, большая белая гончая. Они менялись, пока я поворачивала голову, никто не задерживал облик дольше, чем на удар сердца. Они вели меня, толкали, гнали в темноту под соснами, мое колотящееся сердце забилося медленнее, и я знала, что меня спрятали. Туман стал тонкую занавеску вокруг рощи, где я стояла. Я видела сквозь его, но инстинкты говорили мне, что меня никто не видит. Похоже, деревья были не совсем... деревьями. Я застыла, ноги стояли на ковре хвои, руки прижимались к стволу сосны. Я пыталась успокоить дыхание.

— Нерин! — он был там и звал. — Где ты? Выйди и поговори со мной!

Я слушала. Дышала. Молчала.

— Нерин, ты знаешь, что мне скоро уходить. Я не могу оставить тебя так. Я должен быть уверен, что ты в безопасности. Прошу, выйди и послушай меня. Нерин!

Его голос дрожал и прерывался, он шел по лесу в стороны, сжимая кулаки, лицо его было бледным.

«Если идти так важно, то иди, — безмолвно говорила я ему. — Я помолюсь всем богам, чтобы больше тебя не видеть».

Он долго искал меня, молил показаться. Он мог уже опоздать туда, куда шел. Он не найдет меня. У Северного поста были свои силы, и я была благодарна, что они ответили на мой зов.

Я смотрела, как Флинт сделал последний круг по чаще. Он последний раз позвал меня. Его голос охрип от крика. Я видела, как он вернулся в пещеру и вскоре вышел с сумкой на плече и мечом на поясе. Он в последний раз посмотрел на лес и ушел.

А я еще долго стояла среди деревьев, не двигаясь, едва дыша. Я ждала, пока солнце не встанет выше за вуалью тумана, пока птицы не закопошатся на ветках, а моя спина не заболит от усилий стоять ровно. Я ждала, пока не стану уверена, что Флинт ушел. А потом я

прошептала:

— Мое почтение. Теперь я вас покину, — и деревья расступились, туман выпустил меня.

В пещере я оттерла платье. Я вычистила котелок, миску и ложку. Я аккуратно сложила одеяла. Еще ночью я лежала тут рядом с ним. Чувствовала тепло и уют. Не хотела вставать, ведь рядом с ним было хорошо, безопасно. Желудок сжался от таких мыслей, и предмет на его шее. Такой носили только Поработители. Как я могла не заметить его раньше?

Я разожгла костер и села рядом с ним. Я выпила немного воды из фляги. Снаружи было тусклое утро, и тепло в воздухе грозило приближением снега.

Волосы. Он срезал тот локон с моей головы в ночь на ферме в долине Ращ, когда я пыталась распутать колтун. Но он мог применить ко мне свою дурную магию намного раньше, в первую ночь, когда мы были на холме у Темноводья. Он мог легко воспользоваться моей усталостью и заставить меня доверять ему. И я бы видела его не человеком короля, а тем, кто мог быть моим другом. Если не та ночь, то в одну из многих ночей в хижине у Леса воронов, когда я в лихорадке ничего не понимала. Как глупо и доверчиво я поступила! Конечно, мои сны были такими путанными, полными тьмы и угрожающих вещей, которые я не могла назвать. Конечно, мне часто снился Флинт как ребенок, как взрослый. Конечно, его история проникла в мой сон так, словно мы были частями целого. Я была готова простить его, видеть в нем хорошее, несмотря на то, кем он был и что делал. Он изменил мои мысли исправлением разума. Работой Поработителей было превращать людей с сильным духом, с дарами в верных подданных Кельдека. Заставлять их видеть в короле достойного лидера, которому почетно работать. Но скребку разума было легко заставить следовать за *ним*. Это сделал Флинт. Заставил волноваться о нем. Не видеть его грехи. Он завязал моими волосами свой кошмарный флакон, как трофеем.

— Как ты посмел приказывать мне выслушать меня! — пробормотала я. — Как посмел говорить, что твой дар — это что-то благородное! Как это возможно, если в каждой деревне есть разрушенная и испуганная жертва? Как ты посмел сказать, что не соврешь мне? Все твои слова и поступки были ложью!

Я сидела у костра, дрожа. Картинки заполняли разум: Флинт спускается по горе, Флинт смотрит в ночь со слезами, текущими по щекам, Флинт, что всегда был умелым, терзает добычу, проливая всюду кровь. Флинт, спящий и теплый рядом со мной. Красивые глаза Флинта сияли в свете огня. Флинт, кричащий мое имя сорванным голосом. В голове кружили слова обманщика: «Ты утеранных, убитых прости и освободи». Но слова не были связаны с Флинтом. Он не был потерян или убит. И его поступки нельзя было простить.

Я сидела у костра, а тот догорел. Я засыпала уголь землей. Сложила сумку. Я взяла с собой остатки каши, сухофрукты, кусочек твердого сыра, что мы забрали из хижины. Пусть Флинт ищет свою еду. Я свернула одно одеяло и прицепила к сумке. Я надела накидку. Пора идти.

— Делай, что хочешь, — прошептала я, оглядев напоследок пещеру. Мест было одиноким, как гробница, в углах было полно теней. — Внедряй в мои сны и голову свои дурные мысли. Я преодолею это. Я не буду ничьей куклой. Человек, что врал мне, никогда не станет моим другом. Ты мне не нужен. Я не хочу тебя здесь видеть. Я сама доберусь до Тенепада.

Глава пятнадцатая:

Добрый народец севера был крошечным. Я ощущала их, как шепоты на ледяном ветру, как трещины среди камней, как едва заметные, исчезающие через миг тени. Я не знала, увижу ли их лучше, когда устроюсь на ночлег. Но когда долгий дневной путь подошел к концу, и я устроилась в укрытии под корнями упавшего дерева, лучший вариант, что я нашла в сумерках. И никто не вышел ко мне.

Я не посмела разжигать огонь, ведь Флинт мог быть близко и найти меня. Утром пойдет снег, я чувствовала это в воздухе. Завтра мои следы не выйдет скрыть. Они будут на белом, показывая, что я была здесь, куда я шла. Но если ждать, если оставаться тут, можно застрять до весны, и здесь будет запутавшийся в корнях хладный труп. Или только кости, обглоданный волками, чьи голоса доносил до меня по пути ветер. Интересно, что почувствует Флинт, увидев мои останки? Расстроится или будет недоволен, что провалил задание, каким бы оно ни было?

Как же холодно! Зачем я оставила второе одеяло Флинту? Наверное, я была не в себе. Я представила, как делю укрытие с волками, в тепле, как их тела прижимаются к моему дрожащему телу. Но они бы съели меня. Они выли, потому что могли поймать тут только мышей или куниц. Они ужасно голодны.

Без огня не было и ужина. Я съела пригоршню сырого зерна, проглотила кусочек сухого яблока, выпила немного воды. Холодно было так, что к утру я могла окоченеть. Умереть из-за своей ошибки было бы печально.

— Сила, — прошептала я. — Жить ради Олбана, — слова наполняли меня надеждой. Но теперь лишь показывали мне мою слабость.

Здесь, конечно, был добрый народец. Я могла позвать, надеясь, что они близко. Я могла попросить огонь без дыма или волшебную вещь, или собаку, что согрела бы меня. Но это было неправильно. Мой дар был не только ценным, но и опасным. Я позвала их, чтобы укрыться от Флинта. Они быстро помогли мне. Но я не могу облегчать себе этим даром жизнь. И если я у них долгу, то пусть так будет, ведь выбора у меня не было.

Но не было нужды в этом. Должен быть обмен. Дающая рука. Этой ночью я не могла отдать многого, но могла поделиться остатками еды. Если я на верном пути, если я избегу Флинта и Силовиком, то я буду в Тенепаде к завтрашним сумеркам. Нужно оставить себе еды лишь на раз.

В темное я нашла кусочек коры и насыпала туда маленькую горку зерна. Я оставила кусочек сыра, три сушеные сливы. И чуть не случилась катастрофа, когда я споткнулась на пути к плоскому камню в нескольких шагах от моего укрытия.

— Вот, — прошептала я в ночь. — Это для вас. Немного, но большего у меня нет, — я не говорила, что замерзла. Я не просила помощи. Я вернулась под корни, укутала шалью еще и голову, укрылась одеялом и накидкой, стараясь не думать о холоде.

Я ждала. В голове возникали картинки огня, ламп, меховых накидок. Котелки с бурлящим супом. Кадка с теплой водой в комнате, согретой камином. Самым опасным было воспоминание, как мы с Флинтом лежали рядом, и его рука была на мне.

«Убирайся из моей головы, — говорила я. — Я презираю тебя. Я замерзну, но не дам себя тронуть».

Время шло, и мне казалось, что я уже даже не могу дрожать. Таким был плохой конец. Я не справилась. Сорель погиб зря. Помощь доброго народца, смелость Шалфей, отзывчивость Мары, терпение Пустого были зря. Нужно было разжечь костер. Но уже поздно. Я не могла найти хворост в темноте.

Грудь знакомо болела. Каждый вдох добавлял холода, промораживающего насквозь. Как здесь выживали существа? Как у них получалось?

Никто не пришел. Место было пустым. Я умру одна. Даже тени семьи, что порой приходили ко мне, оставили меня. Может, после Дыры Чудака они больше не придут.

— Бабушка, — прошептала я, стуча зубами. — Отец, мама, Фаррал, — словами отогнать тьму. Лампа озарит ночь. Но я их не чувствовала. Была лишь дикая природа. Тени прижимались ко мне теснее. — Флинт, — прошептала я, не понимая, почему.

Тук. Тук, тук. Кто-то клевал зерно. Что-то бледное в темноте, белое и с перьями, размером с небольшую собаку. Тук, хрум, тук. Я не двигалась, чтобы не спугнуть. Я смотрела, цепляясь за одеяло, пока существо нюхало и пробовало сыр, ело сушеные сливы. Это была сова? Силуэт был круглым, перья блестели, ноги были крепкими. Когда существо повернула голову, глаза его сияли, были круглыми и странными. Не совсем сова. Из перьев была накидка, а под ней... Я не видела четко, но ноги кончались не когтями, а хорошо сделанными ботинками.

— П-привет-тствую, — пролепетала я.

Существо склонило голову. Лунный свет озарил его лицо, и оно было человеческим, кроме огромных глаз.

— К утру ты умрешь, — отметило оно. Голос напоминал уханье.

— Надеюсь, нет, — выдавила я. — Если вы п-п-поможете мне, я буду рада. Я... почти добралась. Всего день...

— Ты ищешь Сгибы?

— Нет, я... — погодите, Сгибы... я уже это слышала. Так говорил добрый народец, обсуждая Тенепад. — Я иду в место рядом с ними, да. Н-но без огня...

— Ты замерзнешь, айе. Я могу помочь. Не боишься собачек?

— Мне п-просто н-нужно согреться...

Существо издало жуткий крик, я поежилась. Молчание, воздух вокруг нас словно ждал. А потом раздался ответ — вой многих волков. Я вскочила на ноги, пошатнулась. Существо покачало головой.

Они пришли кругом во тьме, глаза сверкали. Сердце колотилось. Они были красивыми, да, но и опасными. Я ощущала их голод, гордость, дикость. Они шли ко мне, зубы блестели белизной. Я безумно подумала, что хотя бы накормлю их, умру не зря.

— Станьте меньше! — прозвенел приказ совиного существа, и волки послушались. Они пробрались в мое укрытие и уменьшились. Мои ноги подкосились, я резко опустилась. Волки устроились вокруг меня, сопя и забираясь мне на колени, сворачиваясь у ног и тела. Они были не больше двухмесячных щенков. Они прижимались ко мне, и мое тело начало таять. Боги, тепло было истинным даром! Так я могла дожить до утра.

— Айе, вот так, — приглядывало за стаей существо. — Не боритесь. Не кусайтесь. Охраняйте девочку до утра, ясно? — большие глаза посмотрели на меня. — Будь здесь. Не уходи до утра, или я не ручаюсь за твою судьбу. В воздухе кровь. Кровь и железо.

Я не успела придумать, как ответить, а существо расправило крылья и улетело, белый призрак исчез в темноте, где падали одинокие хрупкие снежинки. Окруженная дюжиной

спящих волчат, я уснула.

* * *

Они ушли на рассвете, оставив после себя лишь запах своей шерсти. Они прошли корни упавшего дерева и стали нормального размера без приказа. Лишь миг, и их мощные лапы побежали по свежевывавшему снегу. Они двигались слажено. Я не успела встать и потянуться, вдохнуть запах нового дня, а они ушли.

Я была обязана им жизнью. А в ответ лишь предложила немного еды. Неравный обмен. Но я знала достаточно старых историй, чтобы понимать, что дала достаточно. Цена дара не имела значения, ведь дело было в важности его для дарящего. Если пригоршня зерна была половиной припасов путника, а то и больше, чем половиной, то дар был достойным.

Я думала, пока собирала сумку, чувствуя слабый запах волков, что моя жизнь могла что-то стоить для доброго народца. По словам Хозяина теней, я показала все семь качеств. Я ступила на дорогу, что вела к обучению Зовущей. А как только я научусь использовать дар мудро, я сыграю свою роль в борьбе за свободу Олбана. Я могла изменить будущее. Но сначала нужно дойти до Тенепада.

«Сегодня, — сказала я себе, — ты дойдешь до Кулака великана. Потом подумаешь о том, что будет дальше».

Я спускалась по узкой тропе к долине, настороженно озираясь. Местность была опасной, каменистой. Не было рек, полян, лишь земля, изломанная древними валунами, покрытыми мхом. Ручей сбегал по серым камням, вился между небольшими соснами, и в укрытии этих деревьев я остановилась отдохнуть, потянуться и перевести дыхание, после чего пошла дальше. Я не позволяла себе задерживаться. Если поднимется ветер, станет слишком холодно. Пальцы немели, ноги болели. Я старалась не думать о другой ночи в открытой местности. А голосок во мне шептал: «Было бы намного проще, будь здесь Флинт».

Ручьи спускались по холмам, пенясь, подпрыгивая на ступеньках камней. Ручей в долине стал шире, я шла вдоль него. Возможно, у подножия гор было озеро. А если ручей впадал в широкую реку, похожую на Раш? Мостов в таком месте точно нет. А если я не смогу перебраться? Еды оставалось только на день, на этот день.

Не было и следа той белой совы. Ничьих следов, хотя мои оставались на снегу. Шел ли здесь Флинт? А отряд Силовиков? Если они за мной, я приведу их прямо в Тенепад. Если они впереди, я могу забрести в ловушку.

Я все равно шла, думая о том, кому на самом деле был верен Флинт. Работал он на Кельдека или мятежников? Навыки Поработителя были сильным оружием в руках любого. Страх скребка разума заставлял народ молчать, слушаться. Редкими были люди, как Дункан из Среброводья и его жена, которые погибли из-за своих убеждений. Лидер мятежников хотел использовать этот дар? Чтобы сделать людей не послушными Кельдеку, а настроить против него? Так можно было победить войну. Одолеть Кельдека. Но это неправильно. Злая сила не могла служить благородным целям.

Что же задумал Флинт? Он убедительно говорил о свободе и Олбане, где люди будут жить в мире. Я могла поклясться, что он верил в слова. Но если он использовал свой жуткий дар на мне, конечно, я верила всему, что он сказал. Может, он все это время готовил меня королю. Может, все это было частью его сложного плана... Но какого? И если он завоевал мое доверие своей дурной магией, как я могла видеть его насквозь?

— Проклятие, — пробормотала я. — На тебя и твою хитрую ложь.

Я замерла на вершине, уловила звук за собой. Я обернулась. Неподдалеку были осторожные следы моих ног в необычных туфлях, чисто видные на снегу. Но вдаль воздух беспокоился, как маленький ураганчик, что следовал за мной. Он поднимал снег, кружа его. Я потрясенно смотрела. И казалось, летит большая невидимая птица, бьет крыльями над землей, скрывая снегом мой путь. И следов не оставалось.

Я признательно поклонилась, отмечая, что уже не удивлена, и пошла дальше. Впереди было несколько деревьев — несколько укрытий. Если преследователи были позади, я могла лишь бежать. Спешить.

Отсюда я не видела каменную колонну Кулака великана, ее закрывала от меня гора. Я заметила впереди холмы, снежные шапки между ними, но нужная мне примета была на виду. Нужно идти, пока не откроется хороший вид. Сколько? Боги, дойти бы при свете дня. Добраться до тех холмов до того, как мне понадобится искать укрытие на ночь. Вот бы безопасно разжечь костер.

Пошел снег, кружили большие снежинки, опускаясь на мою накидку. Воздух стал холоднее. Я уже не могла останавливаться, я шла вперед. Голова кружилась, словно я могла упасть в обморок. Я не чувствовала руки. Кто-то в голове говорил: «Ты сказала, что можешь позаботиться о себе. У тебя плохо получилось».

— Уходи, — прошептала я, ветер поднимался, нося за собой снег, засыпая его мне в глаза и трепля край шали, которым я закрывала рот и нос.

— Я дойду туда. Смогу, — левая нога, правая. Раз, два.

Ветер завывал среди камней на склоне, свистел на вершинах гор, долина открылась передо мной: Кулак вулкана, вроде, в двух милях на северо-запад. Между мной и колонной лежало пространство, полное валунов, трещин, каменных копий. Кошмарный путь для уставшего путника.

— Не так плохо, — прошептала я себе, поправляя сумку. Там можно будет спрятаться, если придут Силовики. Но идти придется медленно. Сколько еще до темноты? Успею ли я дойти до того, как станет слишком темно?

С ветром пришел звук. Голос? Зов? Сердце екнуло. Тело прошиб холодный пот. Крик раздался сзади. Они шли за мной. Догоняли.

Я оглянулась через плечо, но среди камней в долине не было видно движения, если не считать пары соколов, что медленно кружили.

Я пошла по неровной местности. Все во мне хотело бежать, чтобы уйти от них, от него, человека, что украл часть меня и ожидал, что я поверю, что это хорошо. Но бежать было глупо. Если я упаду и сломаю ногу, то меня точно схватят.

Руки стали липкими. Сердце колотилось, как барабан. Я заставляла себя медленно дышать. Я думала над каждым шагом, каждым выбором — какой безопаснее, забираться камень или обойти его, или повернуть и обнаружить тупик? Стоит ли скрыться в трещине или пойти выше, чтобы исправить направление, но рискнуть стать мишенью для стрелы?

Узкая тропа вилась между камней. Я забралась на нее. Сначала казалось, она ведет меня на север, но вскоре тропа начала разветвляться. Туча закрывала солнце, было сложно выбирать путь. Правая тропа. Левая. И посередине. Кожу покалывало от тревоги. Я замерла, и кто-то словно замер со мной. Я пошла и ощутила почти безмолвное присутствие неподалеку. Кто-то преследовал меня.

Это было то, о чем говорила Сильвер? Найти может только умелый следопыт. Не так давно Флинт бесшумно зашел в укрытие, и народец ощутил его только из-за железа. Я

задержала дыхание. Что-то среди камней сделало так же. Я ждала, считая удары сердца. Ничто не двигалось. Не было шепотов в тишине. Ровно падал снег.

У меня болела спина. Руки тоже болели. Я хотела опустить сумку на миг и перевести дыхание. Я застыла, прислушиваясь. Ничего. Если я не пойду сейчас, могу вообще не пойти.

С болезненной осторожностью я сделала шаг, ставя ногу как можно тише. Другой шаг. Вдох. Шага в ответ не было. Может, преследователь отступил. Я сделала третий шаг.

Рука зажала мой рот, сильная, в кожаной перчатке, подавив все звуки. Мускулистая рука прижала меня к чьей-то груди. Большой нож сверкнул перед лицом. На ухо прошипели:

— Ни звука, или я перережу тебе горло. Теперь иди.

Глава шестнадцатая:

Мое тело было частями, что не слушались друг друга. Идти? Я едва могла дышать. Руки подвинулись, человек поверил, что я не буду говорить, и потащил меня по узким тропам между камней, влево, вправо, вверх, вниз, и тропа была грубее, но и короче, чем шла бы я. Внезапный поворот, спуск по зигзагу, последние шаги по склону, и мы оказались на широком ровном пространстве, окруженном каменными стенами, что были в два человеческих роста. Меня вели, а мое сердце колотилось, я увидела там людей, их было двенадцать, а то и пятнадцать, у них были мрачные лица, простая одежда из шерсти. Большинство были юными, и все были вооружены. Там были луки и стрелы, дубинки, ножи, мечи, палки и другие предметы, названий которых я не знала, но об их назначении было несложно догадаться. Я боролась с паникой, искала знаки: брошь оленя, плащ Силовика, оружие, как у Флинта. Люди короля могли и прятаться. Но я не видела ничего очевидного.

Все смотрели на то, как мы приближались. На лицах было удивление. Я сама удивилась, когда человек, взявший меня в плен, заговорил властно, вдруг отпустил меня. Я обернулась.

Человек был высоким, широкоплечим и в шерстяной тунике со штанами, кожаным нагрудником и наручами. Крепкие сапоги, тяжелые перчатки, на поясе висели короткий меч и подобие топора. Кожаный капюшон, тряпка закрывала нос и рот, а над ней были темные глаза с длинными ресницами, что смотрели на меня не как на трофей или врага, но как на крохи еды. Одежда воина не скрыла того, что мне уже выдал голос: этот внушительный человек был девушкой.

Она толкнула меня вперед, к месту, где нас ждала небольшая группа людей. Она держала меня за плечо, хватка не была нежной. Она остановилась в трех шагах от людей, удерживая меня.

— Нашла ее недалеко отсюда, шла в нашу сторону, — сказала она.

— Их видно? — спросил кто-то?

Она коротко кивнула.

— В пяти милях и все ближе. Девушка — сложность. Ты, быстро сняла сумку, — она толкнула меня и отпустила. И когда я встала, думая о том, какую историю я готова им рассказать, а она рывкнула. — Быстро!

Я сняла сумку, которую сразу забрал один из мужчин. Я пыталась медленно дышать. Я пыталась придумать план.

— Кто ты и что, во имя богов, здесь делаешь? — говорил мужчина с мечом, и его власть сияла на его красивом лице с высокими скулами. Его волосы были красно-рыжими, а глаза — цвета неба летом. Он говорил спешно.

— Калла, — выдавила я. — Я иду в Каменноводье. Ищу родственников.

Короткая пауза.

— Каменноводье? И где же это? — говорил мужчина повыше, темнее и с худым телом. Из-под длинных рукавов его рубашки виднелись сложные узоры татуировок в виде цепей. Вокруг его шеи было другое украшение — как линия летящих темных птиц. Его длинные волосы были заплетены во множество тонких косичек. Глаза его были, как и у девушки, темными.

— Север, — я махнула рукой. — Выше.

— Придумай что получше, — сказала девушка. — Такого места нет. И такие дети, как ты, не идут в снегу в поисках семьи, если не выжили из ума, — она крепче сжала мое плечо, я скривилась от боли. — Говори правду! Кто привел тебя? Зачем? Не трать наше время, девочка. Со шпионами разговор строгий.

— Все хорошо, Тали, — сказал рыжеволосый мужчина. — Разбейся со всеми и предоставь это мне.

Она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь.

— Реган? — вернулся мужчина, забравший мою сумку, и в правой его руке был мой нож, что дал мне Флинт перед тем ужасным утром. В левой — ножны, что сделала я, с пером и камешками, затейливыми узлами. — Посмотри.

Реган. Сердце екнуло.

Рыжеволосый мужчина взял нож, взвесил. Он взглянул на меня, и что-то в его глазах заставило меня замереть. Я чувствовала, что он готов выслушать.

— Откуда у тебя этот нож? — спросил он. — Отвечай быстро, у нас мало времени.

— Мне его дали.

— Кто именно, Калла?

— Не могу вам сказать.

Мужчина кивнул.

— А ножны?

Я рискнула.

— Я сделала их.

— Угу.

— А это? — темноволосый мужчина был быстр, как летящий кинжал. Он смотрел на мою обувь. — Тоже сама сделала?

Я застыла. Я хотела верить, что я — среди друзей. Но я не могла сказать правду. Разговор о даре мог привести к ужасной опасности. Я годами следила за каждым словом, шла по лезвию ножа между доверием и предательством.

— Если бы я мог, — сказал рыжеволосый мужчина, — я бы предложил тебе укрытие и еду, дал бы время, а потом расспросил. Но времени нет, — он посмотрел на другого мужчину, безмолвное послание пронеслось между ними. Он повернулся ко мне. — А если я скажу тебе, что уже видел эту накидку?

Они знали. Знали о Флинте, точно. Я медлила.

— Говори правду, — сказал он. — Это в твоих интересах.

— Обувь моя. Ее починил друг. Накидка — подарок.

— От того же друга, что дал тебе нож, — темноволосый мужчина скрестил руки.

— Теперь я одна, — я дрожала. Если это союзники Силовиков, если я попала в ловушку, спасти себя было поздно. Если это мятежники Регана, а это было вполне вероятно, нужно было сказать правду. Но все могло быть уловкой.

— А если я скажу, — продолжил рыжеволосый, — что тебя зовут не Калла? И что ты идешь на север не для того, чтобы встретить бабушку или кузину.

— Если у меня другая цель, я должна объяснять ее людям, что схватили меня, как злодейку? Рассказывать правду незнакомцу?

— Придется, — сказал он, — если вы с незнакомцами знаете общего друга.

Флинт.

— У меня нет друзей, — сказала я.

— Реган, — сказал один из людей. — Времени мало.

Реган вздохнул.

— Начнем заново. Я вижу, что у тебя необычная обувь, Калла. Я заметил накидку, что была у нашего верного товарища. Ты с ножом, который не носят с собой девушки, это мужской боевой нож, и рисунок на рукояти мне хорошо знаком, ведь я был там, где его сделали. Ты не носишь его в правильных ножнах, а в таких, которые сделала с... древними знаниями, — его взгляд был серьезным и убеждающим. — Мы ждали тебя, — тихо сказал он. — Или кого-то, похожего на тебя. Но не сейчас и не здесь. И если твой спутник послал тебя одну к нам сегодня, то что-то пошло не так, и мы должны знать, что именно.

Я прочистила горло.

— Меня зовут Реган, — тихо сказал он. — Это Фингал, — он указал на мужчину с татуировками. — А ты, видимо, девушка Флинта.

Боги! Облегчение охватило меня, на глазах выступили слезы. Я на месте. Я дошла. Я среди друзей.

— Нерин, — прохрипела я. — Меня зовут Нерин. И нет, я не девушка Флинта, мы разошлись. Но я та, о ком вы говорите.

— Это подождет, — сказал темноволосый мужчина, озираясь. Почти все ушли, словно камни проглотили их. Но они точно были обычными людьми, а не добрым народцем. Место было почти пустым. Девушка, Тали, была у каменной стены и передавала предметы человеку на вершине.

— Скажи быстро, — попросил Реган. — Где сейчас Флинт? Как давно ты его видела и где?

Спешка в его голосе заставила меня ответить без промедления:

— Мы были недалеко от долины позапрошлой ночью. Он ушел наутро. Не сказал мне, куда идет, но... Близко были Силовики. Они какое-то время шли по долине сюда.

— Угу. Не буду спрашивать, что привело тебя в эту сторону, сейчас это не важно. Фингал, уведи ее к навесу, уйдите из виду. Береги ее. Нерин, если хочешь выжить, слушайся Фингала. Если он скажет молчать, то так и делай, что бы ни случилось. Что бы ни увидела. Поняла?

«Будь тихой как мышка, — сказала бабушка. — Что бы ни увидела».

Я кивнула, хотя мысли были мрачными. Фингал повел меня без лишних слов.

— Надеюсь, ты не боишься крови, — сказал он.

Навес оказался небольшим изгибом у основания каменной стены с колючими кустами рядом. Фингал спрятал меня там. Накидка зацепилась, я потащила ее, и ткань порвалась. Спутник устроился рядом со мной.

— Пригнись, — прошептал он. — Не двигайся и не издавай звуки.

Я открыла рот, чтобы задать вопрос, но закрыла его. Выражение лица Фингала заставляло слушаться. Что-то приближалось, и я не была уверена, что хочу это видеть. Между колючими ветками я видела открытое пространство. Там было пусто, Реган и остальные исчезли. Не было видно Тали или парня, забравшего мою сумку. Никого. Я дрожала. Прячется почти нигде.

Мы ждали. Я слышала только ровное дыхание спутника и редкие крики птиц. Снег почти не падал. Мы озирались, тучи расступились, пропустив бледный зимний свет. Камни на свету проявляли мириады оттенков серого: мышиный, цвет коры березы, седины, моря в зимнем свете, красивых глаз лжеца... И жуткие силуэты из камня, сильные и крепкие, как

сам север. Я видела огромные конечности, опасные руки, тела и странные головы. Трещины были ртами, дыры — глазами... Я чувствовала в трещинах и маленький народец, что следил за неприемлемым поведением людей.

Фингал подвинулся, расслабляя ноги. Он размял пальцы одной руки, другой. Он был готов ударить ножом. Он смотрел на открытое пространство перед нами, на то, что шло. Казалось, весь мир задержал дыхание.

Фингал положил ладонь на мое плечо и прижал палец к губам, прося молчать. Я кивнула. Он посмотрел на место, где мы с Тали съезжали, чтобы прийти сюда. Я ничего не слышала. Но там, где мы шли зигзагом, была линия мужчин в черном, с масками на лицах. Силовики прибыли.

Я сразу увидела Флинта. Он был одет так же, как и все. Почти все его лицо было закрыто обычной тканевой маской, руки прятались в перчатках. Но я видела его. Он спускался по неровному склону, двигаясь с ужасным равновесием. Остальные шагали в двух шагах за ним. Почему мятежники медлили? Нужно нападать, пока враг идет по одному по узкой тропе между камней. И Флинт... Мятежники считали его другом, они ясно сказали это. А он шел с оружием, словно вел Силовиков в атаку. Что это было? Сердце колотилось в горле. Я ждала внезапной стрелы, копья, что повалит его. Если Тали и остальные скрывались на камнях над нами, то у них есть хороший шанс.

Не было ни стрелы, ни копья. Флинт добрался до ровного места и поманил за собой остальных. Они поспешили за ним, десять, двадцать, двадцать пять. Фингал судорожно выдохнул. Его пальцы крепче сжались на рукояти ножа.

Все Силовики оказались на ровной земле, и они должны были разойтись, готовясь к атаке. Но нет, они начали снимать сумки, ослаблять завязки накидок, убирать маски, доставать фляги с водой. Один или двое сели на сумки на камнях, некоторые потягивались, другие решили облегчиться. Флинт стоял, заслоняя глаза от солнца, глядя на вершину каменной стены. Он спрятал нож.

«Делай что-нибудь, — просила я его, сердце колотилось, тело прошиб холодный пот. — Отступай со своим оружием!».

Я вздохнула. Флинт был врагом. Он был скребком разума, лжецом, притворившимся моим другом и применившим на мне свою злую магию. И вот он стоял, не ожидая подвоха, и я была рада. Но я не могла этого вынести, не могла дать ему умереть. Не могла... Тревога поднималась во мне. Я не успела издать хоть звук, сверху донеслось глухое уханье совы.

Мятежники бросились с камней, с утесов на открытое пространство. Солнце блестело на клинках. Воздух наполнили крики. Впереди была Тали с топором, кричащая изо всех сил.

Первый удар повалил одного, другого, третьего, но Силовики были быстрыми, они встали кольцом, отбивая удары, железо звенело о железо. Я прижала ко рту сжатый кулак, заставляя молчать при виде упавшего мятежника, его шерстяная туника стала алой. Фигуры смешались. Вопли и крики звенели в ушах. Мятежник бился одной рукой, другая беспомощно свисала, сломанная ударом врага. Он пошатнулся. Силовик высоко поднял оружие, готовый отсечь голову. И вдруг там оказалась Тали. Топор ударил Силовика по поясу, вонзаясь глубоко. Кровь полилась фонтаном. Тали кивнула мужчине со сломанной рукой, и все было ясно. Отступай. Ты ранен. В укрытие.

Я не видела, послушался ли он ее, еще двое были потеряны, все вокруг прыгали, уклонялись. Фингал рядом со мной напрягся и то сжимал, то разжимал оружие.

— Не так, по коленям... Оглянись... Боги, Брин... — шептал он, следя за боем. Уже не

нужно было молчать. Наш шум потонул бы в звоне металла, стуке топора и дубинок о кости и плоть, криках боли.

Это была засада. Силовики были не готовы, они хотели отдохнуть после долгого пути. Мятежники ждали их, все было спланировано. Их пряталось здесь больше, чем я ожидала. Но после первых потерь Силовики быстро включились в бой, ведь они были элитными воинами. Даже мой неопытный взгляд видел их умение владеть мечом, двигаться, сотрудничать, использовать все шансы. В горле пересохло. Сердце колотилось. Упал еще один мятежник, силовик добил его последним ударом меча. Я шла в Тенепад, чтобы увидеть, как погибнут мятежники Регана?

Флинт. Где он? В хаосе я потеряла его. Я осматривала поле и нашла его у каменной стены. Его меч сверкал серебром, но не кровью. Окруженный безумием движений и криков боли, он стоял и ждал. Я не знала, чего именно.

— Боги сжальтесь, — прошептал Фингал. — Дорана нет, и Касса. Быстрее, ребят. Быстрее.

Он был напряжен.

— Иди, — сказала я. — Если хочешь, иди и сражайся. Я буду в порядке.

— Я выполняю приказ, — но Фингал хотел бы уйти. — Если Реган сказал охранять тебя, я слушаюсь. Но это правда? Это ты — та Зовущая, о которой мы слышали?

Крик раздался на поле боя. Звук мог пугать, являясь во снах. Я увидела среди суеты лежащего человека в черном плаще. Его голова стала кровавым месивом, жутким, белым, серым и красным. Его руки были раскинуты. Ладони — разжаты, как у спящего ребенка. Я судорожно вдохнула. Не Флинт. Не его руки. Силовик. Но я тут же подумала, что это чей-то сын, муж, отец. Чей-то друг.

Флинт задвигался. Он был посреди сражения, размахивал мечом. Я подавилась вдохом. Кожа была липкой, в ушах звенело. Силовики были лучшими из лучших. Лучшие в бою. Лучшие в пытках. В запугивании. Если они победят, то мятежники будут уничтожены, а меня отправят королю. И Флинт... Если его убьют, его злая магия исчезнет с ним. Он был скребком разума. Он был всем, чего я боялась, и я должна была радоваться его смерти. Но все было не так. Совсем не так.

Фингал издал тихий звук. Его глаза были прищурены, он следил за боем. Мне казалось, что мятежники проигрывают? Силовик с широкими плечами пронзил человека мечом. Другой душил противника. Сзади приблизился Флинт. Его нож проехал по шее Силовика. Мужчина упал, как срубленное дерево, красная река залила его темный плащ. Мятежник согнулся, давясь и кашляя. Флинт уже ушел. Я заметила, что он идет к месту, где тали и два других мятежника стояли спинами к каменной стене, окруженные Силовиками. Мужчина направил копьё на грудь Тали, он что-то кричал, наверное, приказывая сдаваться, иначе пронзит ее. О, она была бы хорошим оружием в руках короля.

Тело Фингала не двигалось. Он впился зубами в губу. Флинт добрался до них и вдруг развязалось сражение. Было ясно, на чьей он стороне. Упал один Силовик, потекла кровь. Друг стал жертвой топора Тали. Третий боролся с двумя мятежниками. Но тут пришло еще три Силовика, и ход боя изменился: Тали была на коленях, Флинт с противником катались по земле с ножами в руках, каждый был на волосок от смерти.

И тут появился Реган, бросился и ударил ножом, отвлекая врага Тали, чтобы она вскочила на ноги и схватила упавшее оружие. Флинт рядом с ними вырвался из хватки противника и обезглавил резким ударом.

— Да-а-а, — выдохнул Фингал.

Кто-то свистнул, это точно был сигнал. Мой спутник выругался. Еще ряд Силовиков спускался по тропе с оружием наготове. Двоих остановили стрелы, но остальные перешагнули павших и пошли дальше, темные, угрожающие. Их было шестеро, но казалось, что и они могут всех победить.

— Мы пропали, — сказал Фингал с уверенностью. — Если только твоя магия не спасет нас.

Магия. Боги, мой дар. Его можно тут использовать?

— Если можешь что-то сделать, — добавил он, — поспеши.

Мое тело дрожало.

— Не знаю... может, получится... — бормотала я, глядя из укрытия на сверкающие мечи, сражающихся, темные плащи и окровавленные туники, тела павших, яростные глаза мятежников и Силовиков.

«Думай, Нерин».

Новые Силовики спустились по тропе на ровную землю. Шестеро встали в тесную формацию — двое с копьями впереди, остальные за ними с мечом, ножом, топором и шаром на цепи. Они собирались идти и сметать всех на своем пути.

«Быстрее! — я пыталась найти в себе силу. Я закрыла глаза и позвала, как тогда, когда попросила добрый народец спрятать меня от Флинта. — Помогите! Помогите нам!».

Фингал выругался. Я открыла глаза и увидела Тали на земле, Силовик стоял над ней с поднятой для удара дубинкой.

«Помогите! Мне нужна ваша помощь!» — ничего от камней, от теней между ними. Никаких воинов, стариков с хитростями, крох. Я знала, что они здесь были, я видела их. Что я делала не так?

— Нам конец, — сказал Фингал.

Крик Тали. Она извернулась и оказалась на ногах, отскочила до того, как опустилась дубинка Силовика. Вспыхнул меч Флинта, он двумя руками замахнулся им и отсек голову противника. Злой рев новых Силовиков. Они увидели, что случилось. Теперь они видели новую цель — товарища, что восстал против них.

— Будь сильным, — выдохнул Фингал. — Покажи им все.

Формация шла вперед, не замедляясь из-за пары мятежников, что хотели пробить их ряды. Нужно действовать, пока они не добрались до Флинта и Тали. Что-то мешало доброму народцу помочь мне, что-то стояло на пути... Боги, как я не поняла сразу? Холодное железо. Его было полно здесь. Но не всех ослабляло его присутствие, это доказало ущелье. И могли ли те каменные огромные существа быть камнемонами?

— Пусти меня, — сказала я Фингалу. — Быстро.

Он не задавал вопросов, но вылез из нашего укрытия и двигался с ножом в руке, пока я шла за ним. Я смотрела на каменную стену, вверх, за движущейся формацией врагов, и я думала о правильных словах.

Фингал шел передо мной с оружием наготове. Нас было видно. Силовик с ножами в руках шел к нам. Сердце колотилось. Стихотворение. Должна быть рифма.

Фингал ударил ножом, отвлекая врага на себя. Силовик первым пролил кровь — на тунике Фингала на рукаве появилось темное пятно. Это его не замедлило. Он пригнулся и ударил, хрипло дыша.

— Сволочь! — завопил Силовик, заставляя Флинта отпрянуть атакой обеих ножей. Я

тоже попятилась, чуть не упала, когда юбка зацепилась за кусты у укрытия. — Умри в своей крови, грязный предатель!

Я вспомнила одинокого Флинта на берегу, сбивающего камни ударами руки. У меня было стихотворение. Быстрее, пока Силовики не пришли. Я потянулась к существу, что стояло на камнях над ними, к древнему медленному существу, что видело десятки таких битв, тысячи таких смертей.

— Камнемон, камнемон, голову склони, — прочитала я дрожащим голосом. — Камнемон, камнемон, шагни и упади.

И он упал с ужасающим треском и грохотом. У людей на его пути не было и шанса. Они застыли от этого шума, а потом пропали под обломками камней. Облака пыли поднимались вокруг, накрывая мятежников и Силовиков. Пыль ударила по моим глазам и носу, я закашлялась. Вдруг справа было резкое движение, вскрик, и мужчина упал на землю. Фингал не упустил шанс.

— Великие боги, — пролепетал он. — Что это было?

На миг все затихло, и только в облаке кто-то стонал от ужасной боли. Пыль опустилась, и в каменной стене напротив нас была глубокая дыра, куски камнемона лежали, упав — большая голова, огромное тело, раскинутые конечности. Вокруг его боролись серые призраки. Там была Тали, покрытая пылью, рядом с ней — Флинт убирал пыль с лица. Хорошо, что их не задело.

— Черная ворона! — воскликнул Фингал. — Это ведь была ты? Пара строк, и все это упало. Ты победила. Боги, я не верю.

— Фингал! — крикнул кто-то с камней. Фингал пошел туда, решив, что меня защитит магия. Не все мятежники пережили обвал. Тали и Флинт стояли, но под правой рукой камнемона оказался юный воин. Его нога была зажата под камнем. Даже если все попытаются поднять камень, они не сдвинут его больше, чем на дюйм.

Фингал опустился рядом с беднягой, коснулся его лба и шеи, спокойно отдал приказание двум другим. Мятежники быстро разобрались с оставшимися врагами. Сражение было окончено. Флинт сказал, что я победила. Ради мятежников. Против людей короля. Но это была не победа. Под камнями лежало шестеро людей, и я убила их. И не было разницы, Силовики они или нет. Минуту назад они стояли здесь, а теперь были раздавлены. Это мой худший поступок.

Горло сжалось, сердце билось сбивчиво. Если это — путь Зовущей, я не хотела этого. Как я могла так рисковать снова? Не надо Тенепада. Я пойду одна, буду где-то жить, как и рассказывала Флинту. Я плохо сходилась с другими.

Звуки боя утихли. Меня не охраняли, и я пошла к обвалившимся камням, чтобы увидеть результат своего промаха. Я тихо смотрела, как кто-то принес Фингалу сверток с вещами лекаря — ножи и другие приборы, бинты, склянки с пробками и мешочки с травами. Мятежники напряженно спорили, пытались разобраться с камнями рычагами и веревками.

Реган подошел к нам. На его лбу был длинный неровный порез, красивое лицо блестело от пота. Кровь текла в глаза. Туника его была красной спереди.

— Я говорил сидеть в укрытии, — сказал он, глядя то на Фингала, то на меня. — Вас могло раздавить, — он присел рядом с попавшим под камень беднягой. — Гарвен, — прошептал он. — Ты сражался храбро, друг. Полежи тихо, мы тебя вытащим, — он поднялся на ноги и переглянулся с Фингалом. — Дай ему что-то от боли, — сказал Реган, — а потом поговорим об остальном.

Фингал уже наливал что-то из флакончика в чашку, добавляя другие составляющие. Он перемешал все ложкой.

— Она сделала это, — сказал он, взглянув на Регана. — Нерин. Прочитала стихотворение, и камни обвалились. Она это совершила.

Реган вдруг посмотрел на меня, прищурился голубые глаза.

— Это правда?

— Правда, — я не знала, как ему сказать, что я не собираюсь больше использовать свой дар. Выражение на его лице говорило, что он видел новые возможности. Я могла быть сильным оружием. Я не могла сказать то, что должна была, ведь в его глазах была надежда, а она редко появлялась в Олбане.

— Расскажи мне, что ты сделала, — сказал Реган. — Что это за дар, что тебя слушаются сами камни? Мы слышали от Флинта, что он, вроде, нашел Зовущую, но никто из нас не знает толком, что это значит, только то, что это очень сильный дар. Я уже вижу доказательство. Бой был проигран. Ты вмешалась, и мы победили. Мы в большом долгу перед тобой. Если ты останешься с нами, если поможешь нашему делу, то победа будет ближе, чем мы представляли. Ты... как ты это сделала?

Было сложно подобрать слова. Было ли это победой? Или поражением? Сильная магия или разрушительная попытка сделать то, что я едва понимала? Может, оба варианта были верными. Я знала только, что не было разницы, убила я врага или союзника. Они были мертвы.

— Фингал говорил о стихотворении, — сказал Реган. — Что это? Заклинание? Чары, как те, что поют исправители разума?

Боги, хотелось оказаться где-то далеко, одной и забыть об этом деле. Но иначе Реган и его товарищи умерли бы. Я кашлянула. Мятежники на открытой местности заканчивали свое темное дело — ножи рассекали горла, мечи опускались вниз. Никто не брал узников. Мятежники снимали с мертвых Силовиков то, что могло пригодиться: теплые перчатки, оружие, обувь. Своих погибших они отнесли к одному краю. Там их укутали в их плащи. Четверо. Большая потеря для маленькой группы.

Флинт стоял на коленях рядом с мертвым Силовиком. Он не двигался, лицо его было пепельным. Что он делал? Кто-то закрыл его от моего взгляда, встав на пути.

— Скажи, Нерин, — заговорил Реган, не отрывая взгляда от моего лица. — Твой дар невероятен. И очень важен для нас. Стихотворение. Дело явно не в нем.

Гарвен получил лекарство и притих. Четверо или пятеро мятежников столпились вокруг него, один протягивал флягу с водой. Другие тихо говорили. Фингал выпрямился и пошел к нам с мрачным видом.

— Мы не можем поднять эти камни, — сказал он Регану, — хотя они думают попробовать веревками. Придется отрезать ногу Гарвену. Но это будет слишком высоко. Шансы малы.

— Спаси нас, Черная ворона, — прошептал Реган.

— Он попался, потому что я не знала, что делаю, — выдавила я. — Если бы я освоила свой дар, я бы управляла падением камнемона. До этого дня я не понимала, как опасна сила Зовущей. Я не могу выразить свое сожаление.

— Мы сражаемся, — сказал Реган. — Мы побеждаем или проигрываем. Некоторые ранены, некоторые умирают. Иначе думать нельзя, или мы не сможем идти вперед. Но я мог проиграть сегодня вместе со всеми, и мог лежать с ними в своей крови. Ты зовешь это

камнемоном? Разве это не существо из детской игры?

— Реган? — Фингал все еще ждал приказ от главы.

— Если его можно вытащить только так, лишайте ноги. Но пусть сначала попробуют веревки, хотя всем видно, что камни слишком тяжелые.

Кивнув, Фингал пошел к бедняге под камнем. Выбор был ужасным. Я знала из своего опыта помощи бабушки в исцелении, как мало шансов выжить с такой раной, да еще и без ноги. Гарвен был бойцом. А теперь он сражаться не сможет.

Тали встала за Реганом, она была такая же высокая, как он. Она сняла ткань, закрывавшую ее лицо, показав решительную челюсть, прямой нос и полные губы. Она была моложе, чем я думала, может, на пару лет старше меня. На ее шее была татуировка, как у Фингала — летящие птицы, возможно, вороны.

— Они сказали, что это сделала ты, — сказала она, и взгляд ее был полон той же горечи, что и голос. — Чары. Магия. Жаль, что твоя магия не выбирает, где они, а где свои. Нам говорили, что Зовущая будет ценной. Если это твоя сила, то проблем от тебя будет больше, чем пользы.

— Хватит, Тали, — сказал Реган. — Нерин, все так просто? Ты произносишь стихотворение, и существо слушается тебя?

— Не совсем, — я попыталась подобрать слова. Я все время скрывала свой дар. Я боялась говорить о добром народце, силе холодного железа и дарах людей. Даже с Флинтом я была осторожна. Говорить открыто было так же опасно, как прыгать с вершины горы. — С камнемоном это получается, но магия не работает, пока не сложишь правильное стихотворение. Но так призывать их может только Зовущая, насколько я знаю. А еще... есть другая часть, но я не могу описать ее. Не могу подобрать слова.

Это чувство было, когда я сознательно обращалась к доброму народцу. Я искала в себе, касалась чего-то глубоко, чего-то старого...

— Это чувство, — сказала я. — Древнее и сильное. В некоторых местах сильнее, чем в других. Это связь с землей, водой, ветром и огнем. Понимание, что существует в них. Это связь с волшебным народцем Олбана, с любыми из них. Я вижу их, хотя другие не могут. Если я зову, они приходят, — я замешкалась. — Говорят, Зовущая может быть сильнее этого, но нужно особое обучение.

— Камнемон, — фыркнула Тали. — Нельзя было попросить его упасть только на нашего врага? Нельзя было подумать о том, что делаешь?

— Думаешь, я рада, что ранила одного из вас? — рявкнула я, не сдержав гнев. — Я сделала это, потому что Фингал просил о помощи. Вы могли проиграть. И хотя ты можешь презирать меня, я думаю, что мятежников Регана стоило спасать. Я хотела присоединиться к вам с момента, когда три года назад Силовики в бою убили моего брата. Мне нужно было действовать быстро. Повернуть исход в вашу пользу. Но я не обучена использовать дар. Не обучена. И что случилось... Как я и говорила, я глубоко сожалею, — и когда Тали и Реган ничего не сказали, я добавила. — Камнемон отвечает на простые стишки, какие сочиняют дети. Сложного у него не попросить. Я просила упасть, и он упал.

Лицо Тали переменилось. Горечь и боль сменились глубокими раздумьями.

— Но... — начала она. — Значит, что ты можешь...

Я поняла, что ее задело.

— Возможно, — сказала я, сердце колотилось. Я оглянулась на обломки камнемона и людей у попавшего под камень мятежника. — Я не просила камнемона умереть, так что,

может, удастся его поднять, — Реган тихо присвистнул, а я добавила. — Не обещаю, что это сработает. Я новичок в этом. Но я попробую, — я не хотела больше использовать дар. Я не хотела принимать решения о жизни и смерти. Но нужно попробовать. Иначе человек умрет или потеряет ногу. А камнемон? Он может пролежать так сотни лет, пока другой Зовущий не нашепчет нужные слова на его каменное ухо.

— Боги, помогите, — прошептал Реган. Он думал, видимо, что ошибка повлечет еще больше смертей, но он этого не сказал. Он оглянулся на Гарвена. — Хорошо, — сказал он. — Попробуй эти чары.

Люди были заняты по всей открытой местности, разбираясь с последствиями боя. Флинт был уже рядом с другим Силовиком на коленях, лицо было пепельным. Он закрыл глаза павшего товарища. Он что-то шептал. Слова прощания и сожаления. Его взгляд был далеким. И я поняла, как сложно Флинту жить двойной жизнью, когда друг становился врагом, и он пересекал черту. Я не знала, как можно это выдержать. Конечно, его голова была опущена. Конечно, он не расправлял плечи. Конечно, от выражения его лица мне было больно. Мои страдания были несравнимы с его.

— Ему сложно, — тихо сказал Реган, проследив за моим взглядом. — Нерин, попробуешь? Мы должны разобраться быстрее, чтобы до сумерек вернуться в Тенепад.

Я смотрела на обломки камнемона. Казалось невозможным поднять их.

— Лучше всем отойти, — сказала я Регану, — вдруг что-то пойдет не так.

Реган посмотрел на Тали, а она, взглянув на меня, пошла отдавать приказы. Мятежники быстро отошли от камней. Флинт медленно поднялся на ноги. Он смотрел на меня, а я — на него, и чувства смешались. Я опустила голову, нужно думать только о камнемоне, шанс исправить свою ошибку.

— Мы готовы, — сказал Реган.

Поблизости теперь были только он и Гарвен. А еще рядом с его телом был согнувшийся Фингал, он держал воина за руку, ладонь прикладывал к его лбу.

Я вопросительно подняла взгляд. Реган качнул головой.

— Вам нужно отойти, — сказала я, и глава мятежников безмолвно послушался.

Я старалась очистить разум, прогнать лицо Флинта, свою вину, насмешку Тали, кровь. Я старалась добраться до сердца камнемона. Я опозорила мирное создание. Его жизнь была медленной, его плечи помнили летнее солнце, зимний снег, бурю и дожди. Он жил среди грома, слышал печальные крики сов и орлов. А я заставила его убить. Нельзя было оставлять его здесь сломанным. Нужно вернуть его на место.

— Помоги ему, Нерин, — тихо сказал Фингал, не отходя от раненого. В его темных глазах, смотревших на меня, не было страха.

Я кивнула, глубоко вдохнула и призвала силу. Нужно объяснить камнемону с уважением и извинением. Но я не могла. Мне нужно было сказать лишь строки в рифму, иначе он не поймет.

— Камнемон, камнемон, смелый ты, — сказала я. — Камнемон, камнемон, себя подними!

Ничего не двигалось. Я смотрела на камни, но чувствовала мятежников за собой, они смотрели с восторгом. Я заставляла себя дышать ровно.

Тихий треск. Земля под моими ногами содрогнулась. Камни задвигались, катясь.

— Держись, друг, — сказал Фингал и накрыл собой Гарвена, делая из себя хрупкий щит. Из моих глаз полились слезы. Я вытерла их. Другого шанса нет. Нужно верить, что

камнемон поднимется без вреда для остальных.

— Назад, Нерин! — Реган звал издалека. Но я не послушалась. Я шагнула вперед и опустилась рядом с Гарвеном, взяла его за руку.

— Все будет хорошо, — прошептала я, надеясь, что так и будет. — Мы тебя вытащим.

— Нерин!

Не Реган. Я услышала спешные шаги, а потом Реган сказал:

— Нет. Стой.

Камни собирались, поднимаясь с земли, в огромную фигуру с валуном вместо тела, ногами-столбами и квадратной головой с дырами для глаз, трещиной рта, и он не улыбался и не хмурился, а просто... был. На ногу Гарвена перестали давить камни, и он взвыл от боли.

— Все хорошо, друг, — голос Фингала был ровным. — Лежи тихо.

Камнемон поднялся на высоту над нами. Он поднял огромную руку и коснулся рукой места, где могло быть его сердце, если оно там было. Он будто смотрел на меня.

Я поднялась на ноги и повторила его жест, положив ладонь на сердце, а потом поклонилась. Я надеялась, он понял, ведь сложить слова в рифму я не могла.

Он сделал два шага. Земля содрогалась под его ногами. Он прижался к трещине в каменной стене, поднялся и вскоре стал ее частью. Упало несколько обломков, поднялась и рассеялась пыль. Камнемон ушел.

Глава семнадцатая:

Все были заняты. Фингал бинтовал ногу Гарвена. Мое предложение помочь вежливо отклонили. Другие держали доски и обматывали ногу бинтами, пока Фингал придерживал кости в правильном положении. Я не знала, срастется ли нога правильно, сможет ли юный воин ее использовать. Казалось, что кости сломались так, что их уже никто не исцелит, но Фингал хотел попытаться.

Я заставила себя посмотреть на погибших, лежащих на земле. Я заставила себя смотреть на то, что натворил мой дар.

«Ты запомнишь это, — сказала я себе. — Будешь видеть каждую ночь во снах», — и я посмотрела туда, где чуть поодаль стоял Флинт и поглядывал на меня. Может, все эти впечатления могли заменить фальшивые мысли, что он вложил в мою голову. Я не знала, что хуже. Я могла лишь догадываться, какие ужасы снились Флинту.

И вдруг я почувствовала такую усталость, что едва могла стоять на ногах. Я села на камень и смотрела, как мятежники собирают трупы врагов в кучу. Погибшие мятежники были укутаны в плащи или одеяла, чтобы отнести их домой. На спинах людей были сумки, они собирали туда оружие, готовились уходить. Для Гарвена сделали носилки, и он лежал на них, белый и безмолвный, с перевязанной ногой.

Они подходили благодарить меня и, наверное, рассмотреть меня лучше. Тали была не единственной женщиной здесь — представилось еще три. И все думали, что я помогла им победить. Меня позовут в Тенепад, несомненно. Конец пути был уже виден. Я должна была радоваться, но ощущала лишь усталость, словно мои кости принадлежали старушке.

Реган отдавал приказы. Тали отвечала за перенос погибших, за раненых и припасы. Видимо, она была заместителем Регана. Я не знала, где она научилась так бесстрашно сражаться. Мятежникам нужны были такие смелые люди. Те, что не сомневались, не ошибались.

Кто-то стоял рядом со мной. Он подошел беззвучно.

— Уйди, — сказала я, не поднимая голову. — Я не могу с тобой говорить, — в сердце бушевало сражение. Я видела его белое лицо, загнанный взгляд, нежность, с которой он прощался с товарищами. Но он был Поработителем, и мне было плохо.

Флинт резко вдохнул и медленно выпустил воздух.

— Я не хотел, чтобы ты это видела, — тихо сказал он. — Потому говорил ждать... я провел бы тебя потом в Тенепад. Почему ты...

— Я не могу этого делать, — сказала я. — Я не могу говорить с тобой, так, словно все по-прежнему. Как я смогу... — я не дала себе продолжить. Как я смогу доверять тебе, зная, кто ты? Нельзя было так его судить. Да, он был магом, исправлял разум людей. Он использовал дар для разрушения. Но и я тоже. Я тоже так сделала и по той же причине: чтобы Олбан был свободным.

Я посмотрела на него. Он не врал мне, лишь не все рассказывал. Олбан был землей секретов, и мы с Флинтом привыкли скрывать секреты. И он доверил мне знания, хоть понимал, что я могу убежать. Он открылся, а я в ответ отвернулась.

— Флинт! — позвал Реган. — Нерин!

Глава мятежников стоял с Тали на камнях, Фингал разбирался с ранеными: перевязывал

руки, давал настой, осматривал рану на ноге женщине.

Я пошла, и Флинт шагнул рядом со мной. Я не смотрела на него. Не важно, я чувствовала его присутствие каждой частичкой тела. Это было любопытно, и мое смятение могло быть как-то связано с его порабощением.

— Все хорошо? — спросил Реган.

Флинт ответил неразборчивым звуком, я заметила, как голубые глаза главы задержали на нем пронзительный взгляд. Реган видел людей насквозь. Он читал Флинта, и ему не нравилось то, что он видел.

— Жаль, что ты не смог сообщить, что часть отряда шла чуть дальше, — сказал он. — Было близко. Без Нерин нас бы убили.

— Никак не получалось. Когда я послал вам весть, что нужно готовиться, я знал лишь, что отряд Кабана направили в долину. И приказали не слушать меня. Это я подозреваю. Кто-то при дворе подозревает меня. Я получил скрытое предупреждение.

Реган помрачнел.

— Будет сложно объяснить исчезновение отряда, когда ты вернешься, — он посмотрел на меня и сказал. — Поговорим позже. Слава богам, что Нерин прошла все это невредимой. Наше секретное оружие. Мы не ожидали, что она придет сама посреди засады.

Повисла неловкая тишина.

— Если между вами ссора, — медленно сказал Реган, — или непонимание чего-то, я хочу, чтобы вы разобрались до того, как мы придем в Тенепад. Идите вместе, — я хотела возразить, но он сказал. — Это приказ.

— Я должна кое-что сказать, — нужно раскрыть это, пока дверь не закрылась, пока люди не понадеялись на меня. — Я знаю, что нужна вам, и я понимаю, что мой дар может помочь вам. Я хочу быть частью мятежа. Я хотела к вам, едва услышала о Тенепаде. Но не могу заставлять добрый народец убивать кого-то. Так я буду не лучше Кельдека. Нужен другой путь.

— Так ты будешь сражаться до первого раненого? — Тали говорила тихо, но дрожала от злости. — Что такое, деточка? Нам придется забрать тебя. И удерживать. Ты знаешь наши имена и это место, ты видела, что делали мы, что делал Флинт. Думаешь, теперь мы отправим тебя домой с твоей сумочкой на плече и этими знаниями в голове?

Я глубоко вдохнула и сказала:

— Ты, видно, думаешь, что я дурочка, — сказала я. — Если пустите в Тенепад, я покажу, что ты ошибаешься. Я честно выразила чувства. Я понимаю, как вам поможет мой дар. Я верю, что добрый народец будет участвовать в бою за свободу, без них мы вряд ли победим. Но... я надеюсь, что есть способ вовлечь их без вреда. Дайте мне время, и я пойму это, — сейчас нельзя было говорить им, как долго я буду путешествовать в поисках трех могущественных существ, которые не хотят, чтобы их нашли, и убеждать их научить меня мудро использовать свой дар.

Флинт хотел заговорить, но передумал.

— Ты идешь с нами, Нерин, — сказал Реган, словно и не сомневался. — Если поможет, то думай так: в Тенепаде ты вне досягаемости короля, и он не сможет обратить тебя против нас. Это уже достижение для нас, без всяких сражений. Может, ты не понимаешь, как ты важна. То, что ты сделала сегодня... Мне все еще сложно принять это. Я потрясен. Мы поговорим об этом дома, когда упокоим умерших, поможем раненым. Нам пора идти. Не забывай моих слов. В Тенепаде нет места личным ссорам. Так что разберитесь.

Я хотела сказать им.

— Такое по пути не решишь, — заявила я. — Flint — Поработитель. Флакон на его шее с прядью моих волос, которую он срезал сам, — желудок сжался, слова казались странными, предательскими. — Я знаю, что он один из вас, но я не уверена, что смогу...

Реган поднял руку, и я замолчала.

— Боги, — он посмотрел на Flint, — разве ты не объяснил ей?

— Мне лучше не идти с вами, — голос Flint был смертельным шепотом. — Теперь я знаю, что Нерин в безопасности, мне нет причины оставаться. Я дойду до Трех Карг до того, как снега станет слишком много. Я уйду сейчас.

— Это глупо! — Тали оскалилась, но в этот раз она злилась на Flint. — Вы шли к Летнего форта вместе, а теперь даже поговорить не можете. Ты привел к нам отряд Силовиков, а теперь хочешь сбежать, даже ночи не пробыв у нас. А ты, — она вдруг посмотрела на меня, — ты показала оружие, что может привести к победе, а потом говоришь, что не знаешь, хочешь ли его использовать. Это безумие!

— Я надеялся, что ты останешься хоть на пару ночей, Flint, — спокойно сказал Реган. — Я хочу твое мнение насчет наших планов на весну. И я помогу тебе объяснить все Кельдеку.

Это был не приказ, но просьба друга. После тяжелой паузы Flint сказал:

— Я выскажу свое мнение, и на этом все, — лицо его было белоснежным.

— Когда ты в последний раз ела, Нерин? — вдруг спросила Тали.

— Давно.

— Так поешь, — сказала она. — Путь тяжелый, а тебе нужно его преодолеть. Но быстро, нам пора идти. У тебя есть еда?

Я порылась в сумке, которую вернули мне, и вытащила ткань, скрывающую сухофрукты, кусочек сыра и немного зерна. Реган пошел поговорить с Фингалом. Flint и Тали приглядывали за мной.

Я прошла к каменной стене с тканью в руках. Я опустилась на колени и расстелила ее, а потом поделила содержимое на две равные части.

— Я делюсь с тобой этим угощением, — прошептала я. — Прости за жестокость, запятнавшую сегодня это место. Я пытаюсь поступить правильно, — я осталась на миг с закрытыми глазами, а вокруг меня продолжалась суета. Я открыла глаза и съела свою половину, ведь Тали была права, без еды я бы не дошла.

Я встала на ноги. Голова кружилась. Тали тут же оказалась рядом и поддержала меня.

— Маловато еды, — отметила она. — Конечно, ты тощая. Я буду идти перед тобой, и если нужно будет, зови меня. Готова?

— Готова.

Каждого погибшего несли на плечах. Гарвена тащили на носилках, раненых поддерживали друзья. Мы втроем шли последними: Тали, потом я, и в конце — Flint. Тали предложила понести мою сумку. Я отказалась, ведь у нее были вещи и оружие. Я была рада перемене ее настроения, иначе было бы сложно.

Несколько мятежников остались, но никто не объяснил, почему. Я оглянулась и увидела, что они тащат останки раздавленных тел к остальным. Я не знала, кто может прийти сюда. Здесь было холодно, далеко и опасно. Что Flint рассказал Регану? Что Силовики пошли сюда против его совета. Что кто-то сказал им не слушаться его. Конечно, он был таким странным, когда пришел в ту ночь в пещеру. Он понимал, что их никто не

остановит, что он написал Регану и устроил там засаду. А потом оставил меня, после того как я показала свое отвращение, и он пошел с ними, зная, что ведет их на смерть. Я видела его лицо после боя. Те люди были его друзьями. Он тренировался и сражался вместе с ними, они доверяли друг другу. Я поняла сегодня, пока следила за боем, что Силовики — не монстры, они просто выбрали не тот путь.

Несмотря на сложную местность и необходимость тащить мертвых и раненых, мятежники шли быстро. Я старалась поспевать за ними, смотрела на спину Тали, а она шла передо мной и глубоко дышала. Флинт молчал. Мы не выполним приказ Регана, пока я не сделаю первый шаг.

Мы оказались на берегах реки. Через нее была перекинута хрупкая конструкция из связанных веревок, по обе стороны были воткнуты колышки. Вода под мостом бушевала, была холодной серо-голубой в полумраке. Солнце скрылось за облака, воздух был холодным. Мы ждали, пока перенесут мертвых и раненых, пока пройдут остальные. Тали пошла передо мной и шагала ровно, словно не было ни реки, ни дрожи от каждого шага. Когда я пошатнулась, она поймала меня рукой. Флинт ждал, пока мы перейдем, а потом уверенно прошел по мосту сам. Он не хотел, наверное, раскачивать своим весом мост, пока мы были на нем.

Мы устроились на передышку на другом берегу, Фингал занялся Гарвенем, все пили из фляг. Раненые сели отдохнуть. Откуда-то позади нас поднималось темное пятно дыма. Запах донес до нас ветер, и запах был смертью. При виде лица Флинта мое сердце сжалось.

«А ты делал это раньше, — подумала я. — Много раз. Но это ничего не меняет. Ты никогда не привыкнешь», — мне нужно было поговорить с ним. Нужно разобраться с тем, что лежало между нами. Какие слова могут стать мостом над этой пропастью?

— Ты ошибаешься насчет него.

Я вздрогнула. Я так задумалась, что не заметила, что рядом встала Тали.

— Мою бабушку уничтожил Поработитель, — сказала я. — И Флинт такой. Каким бы героем он ни был, каким бы смелым или верным ни был, один из них никогда не станет моим другом.

Тали посмотрела на меня.

— Не знаю, что произошло между вами, и не хочу знать, — тихо сказала она. — Но тебе нужно быстрее разобраться с этим. Это ведь не ссора голубков?

Выражение моего лица дало ей ответ, и она продолжила:

— Ты просила его объяснить, что он делает и почему?

— Нет, не просила. И не нужно, — но это не было правдой. Флинт пытался рассказать, и я отказалась слушать. — Я презираю его поступки, — сказала я, словно это что-то объясняло.

— Тогда ты презираешь нас и не принадлежишь Тенепаду, — сказала Тали ужасающе тихо. — Флинт несет жуткое бремя. Такой риск уже довел бы обычного человека до безумия. Подумай хорошо, прежде чем ругать такого человека. В Тенепаде ключ к будущему Олбана. Последний свет свободы в потемневшем королевстве. Я видела, что ты сделала сегодня. Твой дар — оружие, что может помочь нам или навредить. И Флинт — оружие. Он — наша связь с Кельдеком, наши глаза при дворе. Регану нужны вы оба. Но ты не нужна в Тенепаде, если не можешь открыться. И ты не будешь другом, если из-за тебя ослабнет наш лучший человек.

Лучше бы она ударила меня своим топором. Я была потрясена.

— Ослабнет, — повторила я. — О чем ты?

— Спроси его, — сказала Тали, закинув сумку на плечо. Все вокруг готовились идти к холмам. — Спроси его о вещице, что он носит на шее. Мне все равно, твои там волосы или его собаки. Флинт не тронет разум друга. Даже по приказу короля.

Мы поднимались, я оглядывалась на тяжелый дым. Он был цвета камня, кости, тучи. Он висел печальным саваном над пустой землей. От этой мысли мне было тяжело. Вперед можно было пройти лишь по пути жестокости и смерти? Борьба за свободу означало делать то, от чего мне было плохо?

Мы поднимались все выше, становилось темнее. Узкая тропа вилась между высокими камнями, в их трещинах не было жизни. Я подумала о бабушке и мудрости, что она пыталась передать мне. Я подумала о смерти Фаррала, его хриплом дыхании, последних словах: «Борись, Нерин! Бо... рись...». Я подумала об отце и горящем судне. Я подумала о белом лице Флинта и боли в его глазах. Не нужно было смотреть на него, я видела все и так.

«Прости, — сказал голосок во мне. — Прости и освободи», — в Дыре Чудака я верила, что проверка пройдена. Похоже, еще одна осталась.

Боги, как холодно! В груди болело, напоминая о потерянном времени в долине, когда я была так больна, что не понимала мир вокруг. Нужно идти. Я не могла подвести этих смелых людей. Нужно попасть в Тенепад...

Мир перевернулся. Я уперлась рукой в каменную стену, чтобы устоять.

— Нерин, — заговорил позади меня Флинт. — Прощу, дай помочь тебе.

Он звучал робко и печально, словно был уверен, что я откажусь, но не мог сдержаться. Что-то переменилось во мне, словно закрытое окно открылось и впустило свет.

— Хорошо, — сказала я. — Но только на этой части тропы.

Он подошел и протянул руку. Мы поднимались вместе. Над нами были камни, темные силуэты деревьев и угасающее небо. Внизу были камни, что скрывали смерть. Дым все еще поднимался. Воздух шептал о приближении снега. Флакон на шее Флинта покачивался при ходьбе. Внутри медленно двигалась жидкость. Тепло тела Флинта перетекало в меня. Я ощущала его силу, смелость, выносливость. Отвращение, что заставило бежать от него, пропало. Я была в безопасности.

— Скажи, — попросила я. — Скажи, что ты не смог договорить этим утром, потому что я не выслушала.

Он судорожно вдохнул.

— Уверена? — спросил он.

— Просто расскажи. Что в этом флаконе сна?

— Я рассказывал, что меня отправили учиться на острова, когда я был ребенком, — сказал Флинт. — Не боевому делу, Нерин, но навыку, с которым я родился, дару касаться разума людей, пока они спят, облегчать страдания, успокаивать, помогать преодолевать горе и боль потери. Исправление разума — древнее искусство, работающее через сон. Оно пришло к нам, как и твой дар, от предшественника не из людей. Ни у кого в моей семье не было такого дара, и когда он проявился у меня в раннем возрасте, это испугало родных. Как и твой дар, если им не управлять, он разрушителен. Ты сама это видела. В то время Кельдек еще не взошел на трон, об этом можно было говорить без страха. Родители узнали, что мастер-исправитель живет на западных островах, и отправили меня к нему, там я прожил пять лет, учился, как правильно использовать этот дар. Я остался там на тринадцать лет. Я был единственным учеником, наставник думал, что он последний в своем роде. Кельдек стал королем вскоре после того, как я начал обучение. Пока я учился, он испортил Олбан. А

потом у меня был выбор. Я мог прятать дар и верить, что времена изменятся, или использовать его открыто. Последнее я мог делать только при дворе Кельдека. Я дал знать о себе, и вскоре он позвал меня к себе.

— И ты стал Поработителем, — пусть конец истории будет таким, что я смогу его вынести. — И Силовиком. Когда ты научился сражаться?

— Я встретил Регана. В Тенепаде он не говорит о своем прошлом, как и все. Но я встретил его на островах, когда мы были юны. Его семья предложила мне учиться с их сыном. Там тренировали и сражаться. Мой наставник одобрял это. Мы с Реганом были хорошими соперниками, учились друг у друга. Незадолго до того, как я ушел ко двору, была... катастрофа. Это рассказывать Регану, не мне. Но в тот день он стал таким, какой он сейчас. Он получил тысячи причин делать то, что начал делать в Тенепаде. И это жало мне причину предложить свой дар Кельдеку. Снаружи — верный воин и владелец дара. Внутри — нечто совсем другое. Король верит мне. Он понимает, что некоторые вещи я предпочитаю делать один.

— Флинт, — выдавила я, — разве тогда король не ждет, что ты будешь использовать дар для его целей? Зачем еще ты ему при дворе?

Молчание.

— Я делал это, да, — тяжело сказал он, мое сердце екнуло. — У него есть Поработители, но никого не учили, как меня. Два раза из трех у них получается завоевать верность человека, удерживая сознание жертвы. На третий раз... не мне рассказывать тебе, что случается, если процесс совершать неосторожно, Нерин. Я рассказываю тебе всю правду. Я никогда не делал того, что случилось с твоей бабушкой, мой учитель убедился, что я овладел даром, и только тогда отпустил. Пару раз я делал человека верным королем. Мы с Реганом давно говорили об этом. Чтобы у Регана было окно в сердце двора Кельдека, мне нужно полное доверие короля. Я должен исполнять некоторые приказы. Иначе Кельдек будет сомневаться в моей верности. Делать такое сложно. Груз таких поступков со мной каждый день. Но свобода Олбана мне кажется важнее. Если я начну противиться его приказам, король уничтожит меня. Он знает, как я силен, что позволяет мой дар. Он не отпустит меня. Я слишком сильный враг.

— И, — я разрывалась между ужасом и сочувствием, — если не ты исполнишь порабощение, это сделает тот, у которого один раз из трех делает человека... таким, какой стала моя бабушка. Боги, Флинт. Это кошмарно. Реган просит от тебя больше, чем можно просить с человека.

— Я хочу увидеть Олбан свободным. Я хочу место, где мы с тобой сможем сидеть у костра и говорить обо всем, спать спокойно под звездами. Если для этого нужно пройти по темному пути, я это сделаю. Не ради Регана. Не ради себя. Но другой вариант нельзя допустить.

— Но, — я пыталась понять, — если твой дар меняет убеждения людей, их уверения, почему нельзя применить порабощение к Кельдеку? Сделать его хорошим королем, что будет править справедливо? Или можно ведь его...

— Убить? — Флинт мрачно улыбнулся. — Я могу это сделать, но вот поработить его будет куда сложнее. Но если уберешь так тирана, вскоре вместо него появится другой тиран. У Кельдека есть влиятельные вассалы. Я говорю не только о Силовиках, но и о советниках, семье. Мы с Реганом обсуждали это. Мы хотим свергнуть его честно, публично, с поддержкой вождей Олбана. На это уйдет время. Сегодня была маленькая победа.

Освобождение Олбана — работа многих лет, многих людей. Мы лишь в начале.

Мы поднялись еще выше, но склон уже выравнивался.

— Почти на месте, — сказал Флинт. — Ты в порядке?

— Флинт.

— Мм?

— Ты не поработал меня?

— Нет, Нерин, хотя ты можешь не поверить мне теперь, когда я говорю это. Люди в Олбана верят, что Поработители носят на шеях украденные сны. Эти слухи пустили люди Кельдека, и эти кулоны пугают людей. Но на самом деле большая часть Поработителей носит стеклянную копию традиционного флакона сна, он ничего не держит. Некоторые добавляют себе по флакону за использование силы, словно ведут подсчет, — он коснулся пальцами вещицы, раскачивающейся на его шее. — У меня не копия. Это кристалл из особой пещеры на островах, места с духовной силой. Ты видишь движение воды, тумана, облаков. В давние времена каждому исправителю давали такой кусочек из пещеры, когда он заканчивал обучение. Мы несли в мир амулеты света и добра. Наставник отдал мне это, когда я его оставил, — Флинт замешкался. — Вряд ли я его увижу снова, — сказал он. — Но пока я ношу это, я чувствую его мудрость, и это придает мне сил идти. Порой он приходит ко мне во сне, и я просыпаюсь с новым сердцем, — он взглянул на меня. — Ты плачешь, — сказал он.

Я не могла говорить. Всего было слишком много. Я подняла руку и вытерла слезы.

— Почему тогда там повязана прядь моих волос? — спросила я, взяв себя в руки.

Флинт покраснел. Это было удивительно.

— В ту ночь на ферме я бы бросил прядь в огонь, но что-то заставило меня спрятать ее в карман, — он говорил с трудом, словно слова его не слушались. — Я и забыл об этом. А позже, пока ты приходила в себя после болезни, я нашел прядь. Может... я предугадал, как ты воспримешь правду. И после этого навсегда отвернешься от меня, — он коснулся пальцами маленького талисмана. — Я обвязал прядью твоих волос подарок моего наставника. Я думал, что даже если ты уйдешь, у меня останется частичка тебя. Но не мне это решать. Если хочешь, я верну прядь тебе, — он замешкался. — Я взял ее не в магических целях, Нерин, но... из-за того, кто я, талисман помог открыть мой разум тебе, а твой — мне. Мы приснились друг другу, мы часто понимали друг друга без слов, понимали чувства. Я этого не ожидал.

Мы шли в тишине. Вскоре путь стал ровным, перед нами раскинулось пространство. Мы оказались на высоком холме, на севере была вершина горы, коронованная снегом. На юге под нами виднелась река, и мост казался ниточкой, а еще множество камней. Дым все еще поднимался, но уже слабел, словно огонь утолил первый город и потерял аппетит. Внизу была и долина, по которой я шла, вдали виднелись пики Трех Карг. А там, хоть я и не видела, была долина, путь в Летний форт, леса и озера, что вели в Темноводье, где сгорел мой отец. Путь был длинным и не только в милях.

— Все хорошо? — спросил Флинт.

— Угу.

Остальные собрались неподалеку и ждали, пока все догонят их. Реган подошел к нам, щуря глаза, оглядывая меня.

— Мы почти там, Нерин. Дальше будет путь проще, но опаснее. Справишься?

— Да, — путь впереди казался ровным и не опасным.

— Смотри под ноги, — только и сказал Реган. — В Сгибах легко потеряться.

Сгибы. Добрый народец говорил об этом. И кстати о них... Что там такое? Существо, притворяющееся кусочком лишайника? А выше был не обычный камень, там блестели глаза-бусинки в трещине, пернатый хвост покачивался у кривого старого дерева...

— Тебе лучше одеть это, Нерин, — Тали выудила кусок темной ткани из-за пояса. — Замри, я повяжу ее.

Она зашла за мою спину и завязала мне глаза, крепко затянув. Сердце испуганно сжалось.

— Нет, Тали, — голос Регана. — Нерин — одна из нас.

Напряженная пауза.

— Это правило, — сказала Тали. — Чужаки заходят только с завязанными глазами.

По ее голосу было слышно, что правило никогда не нарушали.

— Флинт говорил за нее, — сказал Реган. — Будешь спорить? Сними повязку.

Ее пальцы поймали меня за волосы, возможно, намеренно причиняя боль. Она сняла тряпку, и я не видела ее лица, пока она прятала ткань.

Все собрались на склоне холма. Люди несли тела погибших товарищей на плечах, раненые опирались на друзей. Гарвен на носилках лежал, закрыв глаза, лицо было бледным. Шло время. Холмы вдали темнели, небо было цвета кожи тюленя.

— Вперед! — крикнул Реган. — Нерин, смотри только вперед, сосредоточься. В Сгибах земля меняется в некоторых местах.

Конечно. В Сгибах все было другим. Открытое пространство было лабиринтом кочек, где голые деревья и колючие кусты возникали без предупреждения, ровная земля трескалась под ногами. Вдруг с холма полилась вода, исчезая в трещинах, широкое озеро появилось на миг, а потом камни и трава снова были сухими.

Реган вел нас уверенно, но не беспечно. Остальные следовали, словно вереница горных козлов. Люди с носилками, парень со сломанной рукой, женщина с перемотанной ногой двигались вперед с решимостью. Я не знала, видели ли они то же, что и я: что на каждой поверхности, под каждым камнем странной формы и в каждой тени под небом без солнца был добрый народец. Они следили за нами. Это место было полно осязаемой магии. Даже без них я бы ощутила ее гудение костями и пульсирование крови. Сила и мощь Олбана, его древняя мудрость.

Флинт ничего не говорил, как и я. Нужно было обдумать то, что он рассказал мне, чтобы сделать выводы, найти смелость признать, что порабощение не было злым деянием, что я видела, что и у Поработителя может как-то оставаться доброе сердце. И что Флинт — *Флинт* — может говорить нежные слова и краснеть, как мальчик. Это вызвало во мне тепло. Нужно отставить это. Даже если я осознаю то, что он мне рассказал, нужно было подумать и о другой проблеме.

Вскоре меня ждет тот же выбор, что и Флинта, когда он решил пойти к Кельдеку. Человек не должен был предавать товарищей, кем бы они ни были. Он не должен был вести их в засаду и помогать врагу убивать их. Но если этот враг боролся с тиранией?

Я не думала, что могу оправдать зов доброго народа для совершения жестоких поступков. Но если эти деяния помогали вернуть Олбан, королевство мира и справедливости? Может, на эти вопросы не было ответа. Может, ответом было то, что добро победит, но невыносимой ценой.

Мы шли. Нужно было смотреть на тропу впереди, но я обернулась. Ничего из

опасностей, что мешали идти, не было видно, как и тех крох, чьи тихие шаги я слышала, чей шепот раздавался даже сейчас. Я видела лишь пустой склон. Сгибы. Я понимала это название, ведь сама земля менялась, чтобы поймать, обмануть. И спрятать, как могли люди, не зная правильного пути, надеяться найти тех, кто жил в этом месте? Конечно, мятежники обосновались тут, хоть место и было далеко от других поселений. В голове гудели вопросы.

Я чуть не врезалась в каменную стену, которой не было миг назад. Флинт поймал меня рукой.

— Осторожно. Не отходи от меня. Скоро придем.

Тропа между камней. Густая тень. Огоньки глаз в трещинах, шелест кожистых крыльев вверх. Реган и остальные шли вперед, не глядя вверх.

Перед нами был проем в горе. Сделанный людьми, там были следы инструментов, хотя самой двери не было, но проем вел в тени. Мы подошли, и оттуда вылез крупный мужчина с копьем. За ним стояли еще двое.

— Реган, Тали, добро пожаловать, — сказал мужчина с копьем, опуская оружие. — Какие новости?

— Печальные. Шестеро погибли, десятеро ранены. Нога Гарвена разбита. Флинт с нами, а еще девушка, — Реган оглянулся на меня. — Девочка Флинта, о которой мы слышали.

Я открыла рот, чтобы возразить, но закрыла его.

— Враг? — спросил страж.

— Победен, — спокойно сказала Тали.

— Все? — парень был потрясен.

— Все, — сказал Реган. — Несколько мы оставили убирать, они придут до ночи. Нам нужно скорее внести Гарвена. Тали, покажешь Нерин женские комнаты.

Народ разошелся в разные стороны, мрачная Тали повела меня по тропе, освещенной висящими лампами, мимо нескольких проемов в комнату с шестью кроватями, двумя сундуками и разными частями женской одежды, висевшими на нитях. Лампа стояла на одном из сундуков. Место было теплым, огонь пылал в маленьком очаге в дальнем конце комнаты. На одной стене было три закрытых окна. Откуда-то из троп доносились мужские голоса.

— Тут мы спим, — сказала Тали, села на одну из кроватей и начала развязывать ботинки. — Та кровать свободна, — указала она.

Я поставила сумку у подножия кровати, что была дальше всех от огня. Это место было в горе? Здесь должны быть пещеры, ведь проем вел в холм. Снаружи не было признаков дома или укрытия, только камни. Но стены были из бережно сложенных камней, а окна... И куда уходил дым из камина? Его не было видно, когда мы приходили.

Я села на кровать.

— Это и есть Тенепад? — спросила я, чувствуя себя глупо.

Тали сняла ботинок и потянулась к другому.

— Угу.

Кто-то сдвинул дверь, и комнату заполнили женщины. Они оставили у двери ножи и топоры, они снимали броню, опускали шлемы, нагрудники, наручи на кровати, а потом начали снимать одежду без тени смущения. Они бросали одежду в кучу на полу между кроватей.

Они сказали мне свои имена: Андра, Сула, Дервла. Женщина старше принесла два

огромных ведра с водой, еще одна женщина принесла маленькую кадку. Милла и Ева. Я знала, что не запомню, кто из них кто. И вдруг я ощутила такую усталость, что не могла открыть глаза.

— Сначала разденься, — взглянула на меня одна из женщин. — Тебе бы не мешало помыться.

— У меня нет чистой одежды.

— Милла найдет тебе что-нибудь.

Сула развернула повязку, что оставил на ее ноге Фингал.

— Тетушка Черной вороны, болит, словно щипают раки. Нужно отмокнуть в тепле. Как твоя рана, Тали?

— Пустяки, — Тали ловко разделась до гамаш и нижнего белья, а потом бросила рубашку в кучу. На ее руках были татуировки-браслеты, сложные узоры и змеи. Ее волосы были короче, чем у парня, длиной едва с палец, цвета ночи. — Хотелось бы быть быстрее. Я бы смогла спасти Бриана, — ее тон был мрачным.

— Ты боролась, как демон, — сказала Андра. — Большого ты сделать не могла.

— Пришло его время, — добавила Сула.

Тали отвернулась от нас, она смотрела на стену.

— Как так может быть? Ему и девятнадцати не было, — прошептала она. — Проклятые Силовики! Они — пятно на полях Олбана. Каждый потерянный человек — это слишком много. Каждый такой человек мог понадобиться Регану. Я должна была спасти его, — она сжала ладонь в кулак.

Сула вскинула брови, но промолчала. Дервла склонилась над кучей одежды, собрала все в сумку. Она посмотрела на меня.

— Если хочешь, чтобы твои вещи постирали, бросай сюда, — сказала она.

Я сняла туфли. Аккуратно поставила их. Я развязала накидку, развернула шаль. Было странно, словно я была далеко и смотрела, как незнакомка с моим лицом делает это. Где-то внутри меня грозила прорваться дамба.

Милла наполнила кадку. Я не видела пара и побаивалась, что этот закаленный народ купается в холодной воде.

Тали сняла гамаша, открыв большие синяки на бедре и колене.

— Показала бы это Фингалу, а потом купалась, — отметила Милла, взглянув на нее. — Нужно, чтобы опухлость спала.

— Ничего, — заявила Тали. — Мой братец занят и без моих царапин.

Фингал был братом Тали, это объясняло схожие татуировки. Я кашлянула.

— Я могу перевязать твои раны, — сказала я. — Моя бабушка была целителем и научила меня основам. Если Фингал даст немного материала, я сделаю мазь, что облегчит боль и не даст ноге онеметь. Если хочешь.

Тали уже хотела отказаться — я видела по ее глазам — но что-то остановило ее.

— Может, позже. Сейчас ты так устала, что и мизинец не поднимешь.

Она сняла оставшуюся одежду, открывая подтянутое мускулистое тело. Несмотря на мышцы, ее тело было женственным, с изгибами. Я пялилась на нее. Я отвернулась к кадке, возле которой стояла Сула, рисуя на воде руками сложные узоры. Казалось, ее пальцы танцуют. Все смотрели на ее движения: Тали, замершая, как статуэтка воина, Андра и Дервла у своих кроватей, Милла и Ева с ведрами в руках.

Сула закрыла глаза. Она втянула воздух и выдохнула. В комнате под землей все застыло,

словно кто-то невидимый дышал с нею. Огонь поднялся, треща, но в комнате вдруг стало очень холодно. Я не успела схватить накидку, от воды пошел пар. Сула открыла глаза, пару раз моргнула и опустила в воду руку.

— В самый раз, — сказала она.

Остальные смотрели на меня, словно ожидали, что я спрошу, как она это сделала, или выражу ужас, как подданная земли Кельдека, что увидела такую демонстрацию дара.

— Полезный талант, — тихо сказала я. — Я уж думала, что меня сунут в ледяную воду. Хотя для меня любое купание — роскошь, как вы видите. Я не заслужила место сражением, так что пойду последней.

— Хорошо, — улыбнулась Милла. — Девочки, мойтесь, а ужин будет готов к тому времени, как вы закончите, — она оглядела меня. — Мы с Евой подберем тебе одежду, если найдем что-то, что не свалится с тебя. Худышка, да? Ты жила на листочках и прутиках?

— Спасибо, — прошептала она, двое вышли, унеся ведра.

Холод, охвативший пещеру, пока Сула использовала дар, вскоре рассеялся, огонь снова согрел ее. Я была последней, так что не спешила раздеваться. Пока остальные купались, я легла ненадолго. Я вытянулась на кровати, головой легла на подушку. Где-то вдали я слышала, как общаются женщины, плещется вода, постукивает кадка, когда они меняются. Мысли путались, уводя в другое королевство, где не было крови и сложных выборов. Я спала.

* * *

Депеша: Оуэну Быстрому мечу, главе отряда Оленя (передать лично в руки)

Летний форт или район долины Раиш

Первый снег.

Король осведомлен, что твоя миссия деликатна и требует долгого отсутствия. Ты понимаешь, что это ведет к непониманию людей и слуг в Летнем форте.

Король встревожен некоторыми расхождением между информацией, принесенной очевидцами, и содержанием твоих депеш. Он верит, что решить все может твое личное присутствие при дворе.

Король Кельдек ждет твоего возвращения до того, как снег закроет путь через Три Карги. Ты приедешь в Зимний форт вместе с отрядом Кабана. По прибытию король ждет полный отчет о твоих действиях с начала Сбора на западе. Король терпелив. Не испытывай его терпение.

(подпись писца короля) со слов Кельдека, короля Олбана

Оуэн, домой, черт возьми! Ты нужен здесь.

Глава восемнадцатая:

Северный ветер подгонял его, свистел в ушах. *Слишком поздно. Слишком поздно.* Прощения, конечно, не будет, он не ждал такого после своих поступков. Но если бы она что-то сказала, если бы дала понять словом, жестом, взглядом, что все поняла, он уходил бы без этого тяжелого камня на сердце, который с каждым месяцем было все тяжелее нести. Если бы он немного задержался, дал ей пару дней. Если бы он увидел, как к ее впавшим щекам возвращается цвет, как тревога исчезает из взгляда, как она понимает, что в Тенепаде она в безопасности. Они не увидятся до весны, да и то, если король позволит ему уйти на север. А до этого... кто знает, сколько зла он сделает, сколько приказов ему придется выполнить ради дела, что порой казалось таким же далеким, как звезды на небе? Он дрожал, оглядываясь на тени под камнями, темные места, где соприкасались деревья, ведь там мог прятаться враг, целиться в него стрелой.

«Нерин, — думал он. Ее имя стало для него чарами, сдерживающими тьму. — Нерин, мне жаль».

* * *

Я резко проснулась, села в темноте. Флинт. Ушел. Без слов. Но я была в кровати в Тенепаде, вокруг спали женщины, и все это было лишь сном. Ярким сном из-за моего смятения и истории, что он рассказал мне в пути. Жаль? Было бы о чем сожалеть.

Огонь стал пеплом, в комнате было холодно. Кто-то накрыл меня одеялами, и я спала в их тепле, пока меня не разбудил этот сон. Я пропустила купание и ужин, но волосы были влажными и пахли травами, я чувствовала себя невероятно чистой, словно меня оттерли с ног до головы. Я была в просторной ночной рубашке, рукава были длинными для меня, а полы рубашки спутались с одеялом ниже моих ног. Остальные выкупали и одели меня, пока я спала.

Где-то снаружи раздавались голоса. Уже утро? Ставни были закрыты, но свет ламп из коридора тускло пробивался в комнату, показывая силуэты других женщин. Сула свернулась, как кошка, под покрывалами. Андра спала на спине, из-под одеял было видно лишь волосы Дервлы. Кровать Тали была пустой. Наверное, уже день. Нужно поискать Фингала и попросить все, что нужно для обещанной мною мази. И поговорить с Флинтом.

Одежда лежала рядом с моей кроватью: шерстяные гамаша, рубашка, простое синее платье, теплая шаль. Был даже гребешок, хотя кто-то из женщин постарался на славу, распутав мои грязные волосы и не только вымыв их, но и заплетя в косу. Я точно была слишком уставшей.

Они не смогли накормить меня ужином. Живот был пустым, в горле пересохло. Я оделась, хоть все и было великовато, обула свои туфли и пошла в коридор.

Я шла на голоса. В первом дверном проеме оказалось двое раздетых мужчин и еще несколько спящих. Я отвела взгляд и поспешила дальше. Я завернула за угол, думая, что место напоминает кроличью нору, и резко остановилась. Каменные ступени спиралью вели вниз, в бездонный колодец. Оттуда поднимался холод. Я попятилась, вспомнив Дыру Чудака.

— Осторожно, — сказал кто-то за мной, я вздрогнула. Фингал, одетый и с накрытой корзинкой. — Здесь лучше не ходить, слишком много поворотов. Хочешь позавтракать? Тебе сюда.

— Как Гарвен? — выдавила я.

— Еще жив, — взглянув на меня, он добавил. — Нет нужды винить себя за случившееся. Это война. Люди ранятся. Ты спасла жизни. Помни это.

Он привел меня в комнату с большим камином, где горел огонь. Как и в спальне, окна были закрыты. Здесь был длинный стол, скамейки, полки с разными тарелками, мисками и прочей посудой. Выглядели они удивительно одинаково. Милла с закатанными рукавами что-то готовила в большом котле, из него поднимался пар. Вкусный аромат заполнял комнату. Ева расставляла миски и ложки. Двое мужчин сидели за столом и тихо разговаривали. Флинта там не было.

— О, ты проснулась, — улыбнулась мне Милла. — И выглядишь намного лучше, должна сказать. Садись, я тебя накормлю. Никто не ожидал, что ты уснешь так внезапно и крепко. Нет, не надо, — добавила она, когда я открыла рот, чтобы возразить, что я должна сначала заняться другими вещами. — Садись, ешь. И не говори, пока не доешь.

Я была голодной, но не смогла съесть все. Еда была отличной — густой бульон с мясом, но такой сытный, что я знала, что мне станет плохо, если я съем все. Я сидела, а стол заполняли люди, и все были мрачными, хотя некоторые улыбнулись Милле, когда она расставляла еду. Я помнила, что некоторые скорбят по погибшим, что сегодня они будут прощаться с товарищами.

Фингал не сел с нами, он отдал Милле корзинку и ушел с кипой чистой одежды. Он выглядел слишком занятым, чтобы просить его о мази или о чем-то еще. Вдруг я ощутила себя одинокой.

— Еще ложечку, Нерин, — сказала Милла, следя за мной. — Хорошо. Этого хватит. Все ты не осилила. Тебе нужно понемногу, но часто. Потихоньку вернем тебе силы. Если нужно в туалет, тебе туда, — она указала на другой дверной проем. — Лучше стучать перед входом. Мужчин тут намного больше, чем женщин.

Я неловко кашлянула.

— Ты знаешь, где можно найти Флинта?

Она покачала головой.

— Не могу сказать. Они с Реганом позавтракали рано. Найдешь одного, найдешь и другого.

— Может, мне нельзя куда-то идти? Я не знаю, как тут все устроено, или какие тут правила...

Милла улыбнулась.

— Куда нельзя ты и не зайдешь, тебя кто-нибудь остановит. Если хочешь мой совет, лучше вернись в спальню. Все хорошо постепенно, — через миг она добавила. — Но я вижу, что ты не пойдешь. Спустишься по коридору, повернешь направо до того, как будут спальни мужчин. В зоне тренировок лежат погибшие. Может, ты найдешь своего мужчину там.

— Спасибо, — мои щеки вспыхнули. Забавно. Казалось, все одного мнения о нас с Флинтом.

Сон прошлой ночи не отпускал меня, пока я шла по коридорам. Он словно принадлежал не мне. Яркое доказательство, как я раньше верила, что я стала жертвой Поработителя. Я была Флинтом во сне. Я думала его мыслями. Я чувствовала его боль и его одиночество, как свои.

Утром я чувствовала, что сон был настоящим, и он доказывал мне, что Флинт не соврал. Он не желал мне зла. Он всегда был моим защитником, другом и спутником. Он понимал

меня. Он даже понимал, почему мне было так сложно поверить в него. Я пала жертвой болезни, что захватила весь Олбан, повернула соседа против соседа, друга против друга. После резни в Лесе воронов я не могла никому доверять. За годы пути и сложностей я потеряла пронизательность, внутреннее чувство, что позволяло человеку отличать правильное от неверного. Честные глаза Флинта, умелые руки, доброта и смелость не были частью злого плана заставить меня поверить ему. Если бы я поверила себе, я бы давно знала правду. В мои сны он попадал не из-за чар, а чего-то совсем другого.

И теперь я должна найти его и рассказать. Должна сказать слова, что были ему так нужны, чтобы согреть зимой. Этот дар был крошечным по сравнению с тем, что он сделал.

Коридор привел к открытому пространству земли, окруженной высокой каменной стеной. Часть была накрыта крышей, часть — под открытым небом. Было холодно. Шестеро мертвых лежали в крытой части на одеялах. Солнце еще не поднялось, но фонари освещали их неподвижные тела. Их лица были вымыты, волосы — расчесаны. Тела — накрыты, скрывая ужасные раны. На открытой части свет фонарей отражался от тихо падающих снежинок.

Двое безмолвных стражей оберегали товарищей. Руки Регана были скрещены, красивое лицо было мрачным. Тали опиралась на копьё. Она смотрела на Регана. Пока он охранял мертвых, она охраняла его. Выражение ее лица заставило меня сомневаться в своем отношении к ней. Может, в ней было что-то, кроме враждебности.

Я остановилась, не желая мешать им. Они сражались вместе с погибшими. Могли дружить, ведь людей в Тенепеде было мало. В столовой могли уместиться не больше сорока человек. Маленькая армия. По количеству.

Я кашлянула.

— Простите, что мешаю, — сказала я. — Я искала Флинта. Милла сказала, что он может быть здесь.

Голубые глаза Регана и недовольные темные глаза Тали повернулись ко мне. На миг воцарилась тишина. Тали сказала:

— Флинт ушел.

Сердце запнулось. Ушел? Он не мог уйти. Но я видела сон, и Флинт уходил, не сказав мне ни слова.

— Еще даже не рассвело, — возразила я. — Он бы не ушел, не поговорив.

— Он просил тебя не будить, — безжалостно сказала Тали.

— Но почему? Почему так скоро? Он пришел сюда поговорить с Реганом, но разве нельзя было немного задержаться?

— От мертвого узнали информацию, — ровно говорил Реган, умело изображающий спокойствие. — Флинт решил, что лучше вернуться в Летний форт. Он ушел.

Нет. Не так. Этого не могло быть. Он не мог уйти. Я не сказала то, что должна была. Что он хотел услышать.

— Я могу догнать его, если побегу, — пролепетала я, пытаюсь вспомнить сложный путь по коридорам. — Я должна поговорить с ним, это не задержит его, просто...

— Он уже далеко, — в голосе Тали не было сочувствия, она просто отмечала факт. — Его уже не увидеть. Один он идет быстро. Ты его не догонишь.

— Я должна, — я развернулась и побежала, пока они не заговорили снова. Я бежала, сворачивала не туда, почти сбивала прохожих. Я нашла комнату, в которой спала прошлой ночью, спала слишком долго и крепко. Я пробежала дальше, направляясь наружу.

У входа, конечно, были стражи. Они заслонили путь, и я не успела выбежать.

— Пропустите, прошу! — с каждым мигом Флинт уходил все дальше. Шел в холодный жестокий мир Олбана Кельдека. Шел к своей опасной и одинокой жизни шпиона во дворе короля. К выборам, что могли сломать дух сильнейшего человека. Я отпустила его без единого доброго слова. — Мне нужно догнать Флинта! Поговорить!

Стражи осмотрели меня.

— В такой день без накидки? — спросил один из них не зло.

— Флинт ушел уже далеко, — сказал другой. — Ты его не догонишь, — они не двигались. Оба были большими и крепкими.

— Прощу, — взмолилась я, не волнуясь о том, что обо мне подумают. — Дайте попробовать. Это важно, или я не просила бы.

Они переглянулись.

— Без приказа Регана никто не входит и не выходит, — сказал один из них. — И уж точно не в такой одежде. Это будет глупо.

— Вот, — раздался сзади голос, и на мои плечи опустился плотный плащ. Это была Тали, говорила властно. — Все хорошо, Доннан. Я пойду с ней, — она прошла мимо меня, взглянув по пути. — Застегивайся и надень капюшон. Там холодно.

Она была с копьем, на поясе висел нож, а на спине — топор. Она могла испугать орду врагов.

— Спасибо, — прошептала я, и мы вышли.

— Он уже далеко, я говорила, — Тали разогналась, я едва успевала за ней. — Врать смысла не было. Но в одной точке на холме его можно заметить. Я могу, — пауза, а потом она добавила. — У меня зоркие глаза. Достаточно зоркие, чтобы причинять порой проблемы.

И у нее тоже был дар. Если я останусь, то узнаю, что Тенепад полон людей с дарами. Сула могла нагревать воду. Тали была опасным воином и могла хорошо видеть. Флинт — исправитель разума.

— Я должна поговорить с ним, Тали, — сказала я, пока мы пересекали Сгибы. Утром, под снегом это место казалось обычным ровным полем. Никаких ловушек, уловов, ям и трещин. Легкий путь. Неужели моя спешка передалась земле под нашими ногами? Такой силы у людей быть не может.

— Не выйдет, Нерин, — заявила Тали, не оглядываясь. — Слишком поздно. И, может, это к лучшему.

— Как это понимать? Он должен это услышать, это важно...

Она остановилась и резко развернулась. Я чуть не врезалась в нее.

— Ты должна кое-что понять, — сказала она. Ее взгляд был другим, он стал немного мягче.

— Нам нужно идти! Не стой!

— Сначала выслушай, — она скрестила руки. — Это война. Тяжелая и долгая. И тут нет места мягкости. Нет времени личным чувствам. Когда делаешь нашу работу, не можешь развивать отношения. Это подождет конца войны. Жена, муж, любимый, ребенок — это бреши в броне воина. Это оружие в руках врага, ключ к получению важной информации. Флинт пожертвует собой, но не выдаст секреты. Но тобой жертвовать он не готов.

Боги. И сколько ждать этого конца войны? Полжизни?

— Тали, идем, — попросила я. — Я понимаю. Я не собираюсь мешать Флинту, просто

нужно... — нужно обнять его и сказать, что все будет хорошо. Хочу поцеловать его в щеку и задержаться, передавая свое тепло. Хочу сказать спасибо. Мне нужно прогнать ужасную печаль из его глаз.

Она пошла, а я — за ней.

— И, — сказала я, — я не в таких отношениях с Флинтот. Мы только друзья. Товарищи в пути. Теперь я здесь, и он может меня забыть.

Тали оглянулась и пронзила меня взглядом

— Ты не слышала его прошлой ночью, пока он рассказывал о твоём пути, начиная от Темноводья, Регану, — сказала она. — Ты не видела его взгляд. И ты не можешь видеть его выражение лица сейчас. Давай быстрее.

Казалось, мы уже быстро идем, но она разогналась сильнее. Я почти бежала за ней. Падал снег, танцую над открытым пространством. У камней и вокруг выступающих корней одинокого дерева кружились ураганчики. Воздух оживал из-за магии. Я чувствовала ее каждой частичкой тела. Где-то очень близко был добрый народец. Они были так близко к Тенепаду, и я не знала, угроза это, защита, или они здесь просто так. Но они были здесь. И сильные.

— Тали, — я немного задыхалась. — В Тенепаде есть другой народец?

Она ответила не сразу. А говорила потом осторожно:

— Должен быть. Место... ты сама видишь, какое. И порой мы получаем... помощь. Разные припасы. Полезные изменения. Но они не выходят. Мы никогда их не видим, — она повернула голову. — А ты, вроде, можешь их видеть. И говорить с ними.

Я не ответила, и она добавила:

— Твой дар может стать переломным моментом в нашей победе, — Нерин. Я надеюсь, ради Олбана и всех нас, что ты сможешь использовать его снова. Он сильный. И нужен нам, — в этот раз не замечание, а утверждение, как женщина женщине. Я не ожидала от нее такого.

— Вам это нужно, но я не знаю, что делаю, — сказала я. — И вряд ли смогу найти того, кто научит меня.

— Научи себя, — сказала Тали. — Так сделала я. Я бы не хотела учиться, как мальчики, которым навык сражаться передают отцы. Видишь утес, что похож на свернувшегося кота? Это то место. Если заберемся туда, сможем его заметить.

Она шла впереди, ловкая, как белка. Я следовала за ней, мысленно повторяя: «Пусть он будет там. Пусть его будет видно».

Тали добралась до вершины. Я услышала, как она задохнулась.

— Великие потроха! — воскликнула она. — Где его оружие? И что это такое?

Мое сердце совершило сальто. Он мог быть еще близко, я могла бы до него докричаться. Я забралась к Тали, которая сидела на камне и смотрела вниз с потрясением.

У камней на снегу лежали сумка Флинта и свернутый плащ. Рукоять меча выглядывала из-под плаща. В двадцати шагах от вещей был и сам Флинт, сидел на валуне и общался с маленьким человечком в зеленом одеянии с капюшоном. Шалфей. Шалфей была здесь, в Северном дозоре. Шалфей, что боролась, как настоящий воин, потеряла друга в бою. Шалфей, которую уже не надеялась увидеть.

Не нужно было звать. Стоило мне шевельнуться, как они повернули головы и посмотрели на меня. Флинт медленно поднялся на ноги. Он был бледным, как после сражения.

— Нерин! — выдохнула Тали. — Это одна из...

— Она друг, — сказала я. — Я спущусь к Флинту.

— Но не одна, — она следовала за мной.

— Тогда оставь оружие, — сказала я.

— Я защищаю тебя. Может, я справлюсь и голыми руками, но я не хочу проверять.

— Они боятся холодного железа. Добрый народец. Оно причиняет им боль. Конечно, ты не видишь их в Тенепаде, там все в оружии. Почему, думаешь, Флинт оставил ножи и меч в стороне?

Мы спускались той же тропой, что поднимались, и не видели Флинта и Шалфей. Сердце колотилось. Я нервничала, словно шла в бой.

— Мне нужно видеть тебя, — сказала Тали. — Я буду в стороне, но оружие не оставлю ради... не важно. Я не могу работать без них.

Она пошла со мной не из-за сочувствия. Она охраняла меня по приказу Регана. Ведь я все же была оружием, ценным оружием.

— Не пугай ее, — сказала я. — Она прошла долгий путь, чтобы увидеть меня, и рисковала не меньше меня или Флинта.

Мы обошли камни и появились в поле зрения. Тали кивнула Флинту и встала рядом с его вещами. Я бы не хотела делать все это под ее пристальным надзором. Но было уже не важно, ведь Флинт был здесь, он ждал меня, и выражение его лица делало все это не напрасным. Я пошла по снежной тропе к нему, надеясь, что найду верные слова, надеясь, что он поймет, надеясь...

Но начнем с Шалфей. Я опустилась рядом с ней. Она была уставшей, глаза ее блестели не так ярко, как раньше. И все же ее острые черты складывались в выражение, что я могла описать только как бесстрашное. Две части ее сломанного посоха были привязаны к ее сумке. Места, где ее накидка была порвана в бою у моста Броллахана, были аккуратно зашиты. Выжженные дыры были закрыты вышивкой в виде листьев Сореля.

— Шалфей, поверить не могу, что ты здесь, — тихо сказала я, в глазах стояли слезы. — Ты за границей. Почему ты так рискуешь?

— Что это за приветствие, девочка? — она протянула руки, и я обняла ее, чувствуя, какое хрупкое у нее тело под слоями одежды, как у маленькой лесной птички. — Дай на тебя посмотреть, — она долго разглядывала меня, а потом улыбнулась и удовлетворенно кивнула. — Ты все-таки здесь. Ты нашла путь в Тенепад, — она посмотрела на Флинта, что безмолвно стоял рядом с нами, она посмотрела на фигуру Тали с прямой спиной у камней. — Почему я здесь? До меня дошел слух. Шепчут, что вернулся Хозяин теней и творит всюду шалости. Если это так, тебе нужно знать. Но я думаю, что могу неправильно понимать его, так что пусть лучше проявит себя сначала. А насчет границы, то я решила, что пора нарушать правила. Мы ничего не достигнем, если будет держаться своего места. Я здесь, чтобы помочь тебе, девочка. Тебе нужно найти учителей. А раз твой друг уходит, то я пришла вовремя. Если не вмешается народец Сгибов, то я могу призвать пару своих друзей.

— Хозяин теней, — повторила я, не зная, стоит ли говорить ей сейчас, или подождать, пока мы останемся наедине.

— Айе, Великий. Его порой видят. Так говорят. Он хитрый. Оборотень, обманщик, — Шалфей разглядывала мое лицо. — А ты не удивлена, Нерин.

— Мне есть, что рассказать, — отозвалась я. — Почти все может подождать, но... Я встретила кое-кого необычного, и мне рассказали, что я показала достоинства. И было

стихотворение: шесть качеств в первом куплете, и лишь одно — во втором. Я не знаю, когда успела показать первые шесть, но седьмое было понятным, — через миг я добавила. — Ты не удивлена.

Шалфей улыбнулась.

— Я слышала о вчерашнем сражении, и как ты все изменила. Хотелось бы, чтобы Сильвер видела это, чтобы ее сомнениям пришел конец. Когда мы встретились в Скрытой воде, ты уже хорошо справлялась с проверкой. А она и ее шайка медленно верили в это, думая, что есть лишь один путь показать качества. Дураки. Что показала ты в ночь, когда пострадала твоя бабушка, как не силу неподвижности? И с уриском ты проделала это снова. А пламя отваги помогало тебе выживать все эти три года голода и пути, хотя Сильвер это не убеждало, пока ты не проявила себя на мосту Броллахана. Зоркий взгляд? Все мы знаем, что у тебя он был с детства.

— Открытое сердце? — потрясенно уточнила я.

— Что за вопрос? Это идет с Дающей рукой, Нерин. Тебя научили делиться тем, что у тебя есть. Не только припасами, но и любовью, сочувствием. Ты сделала это для того бедняги в доме, у которого беда с головой. Да, мы знаем это, ведь мы всюду. И ты остановилась, чтобы выслушать призраков, хотя за сотню лет никто не говорил с ними, тем более, не пел с ними. Кто знает, к чему хорошему это может привести? Решимость я увидела на мосту Броллахана, ведь ты хотела помочь нам. Я знала, чего тебе стоит идти дальше. Но ты не забывала о цели, девочка. Для тебя важнее Олбан, и, похоже, для этого юноши тоже, как и для всех здесь, — Шалфей кивнула в сторону Тали.

Я была унижена ее словами. Оказалось, что она и ее товарищи понимали слова из стихотворения лучше меня.

— А в конце говорилось о свободе Олбана, — сказала я. — Это нам нужно сделать.

— Мы говорим позже, — сказала Шалфей. — У нас мало времени, как сказал твой юноша. Прощайтесь, или что ты хотела сказать. Я подожду вон там, как твой страж, все будет в порядке. От нее пахнет смертью.

Маленькая, смелая и мудрая.

— Рада тебя видеть, — сказала я с комком в горле. — А где Красный колпак? Он с тобой?

— Не смог уйти из-за крохи. Айе, он близко, малютка с ним. Я тоже рада тебя видеть, девочка, — она отошла, остановилась и посмотрела на меня. — И еще одно. Ты сказала, что показала седьмое качество. Но, может, для этого требуется еще один шаг.

Она отошла и устроилась под деревом. Тали не двигалась.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Я нашла его, теперь мы снова были вместе, и слова исчезли.

«Прости, — шептал голос в голове. — Освободи».

— Пришла весть, — с дрожью сказал он. — Времени нет. А тебе нужно спать, — он коснулся моей щеки, я задрожала. — Прости, мне пора уходить, — сказал он. — И я не могу выразить все сожаление.

— Но ты и не собирался оставаться, — слова были неправильными, я могла думать только о последнем прикосновении, взгляде, воспоминании. До весны далеко.

— Это было до того, как мы шли вместе. До того, как ты выслушала мою историю. А когда ты не убежала, и я подумал, ... что хотел бы остаться, Нерин. Хоть немного дольше. Но кто-то сомневается во мне в Летнем форте. Когда я услышал, что отряд Кабана идет по

долине, я попытался остановить их, сказать, что слухи о мятежниках в этих краях — ложь. Я сказал, что уже проверял, что здесь ничего нет. Я же не только глава отряда. Я и доверенное лицо короля, раньше им хватило бы моих слов. И они не пошли бы туда. Но их глава послушался. Это показало, что за мной следят. Они слушаются приказов кого-то выше. Кто-то подозревал меня. Я попытался во второй раз, когда они прошли дальше, но меня снова не послушали. И мне пришлось отправить весть Регану. И оставить тебя. В пещере, пока все не закончится. Таким был план.

— Ты шел с ними, — выдохнула я. — Ты выбрал...

— Повести их на убийство? — он говорил с горечью. — Так вышло. Они были слишком близко к Тенепаду. Они не уходили, так что нужно было повести их туда, где их ждал Реган. И убедиться, что в Летний форт не вернется никто.

— Я думала, что они идут за мной. Так подумал добрый народец.

— Они знали о тебе. Они преследовали тебя раньше. Они верили, что я ищу тебя. Нс отряд Кабана искал там не тебя, Нерин. Они охотились на мятежников, проверяли меня. Реган нашел документ у одного из них, это подтвердилось.

— И... когда ты вернешься... как ты объяснишь...

— Я найду верные слова. Я делал так раньше, сделаю и снова.

— Но это... потеря всех... Ты в ужасной опасности.

— Я позабочусь о себе. Не волнуйся.

Снова подступили слезы. Я сморгнула их. Не время рыдать, нужно быть сильной. Я не хотела стать брешью в броне Флинта. Я не хотела быть той, кто делает его уязвимой. И прикосновение его было не дружеским. Это было гораздо глубже.

— Когда я смотрела бой, когда увидела, что тебе приходится делать... — было сложно совладать с дыханием. — Я не знаю, как тебе удастся вести себя так раз за разом, год за годом. Я не знаю, как ты выносишь это. И... когда я призвала камнемона, когда заставила его убить, я начала понимать. Мне было плохо от этого. Я чувствовала вину и стыд. Но если бы я не сделала это, ты и бойцы Регана сейчас были бы мертвы, никто не выступал бы против Кельдека. Твоя жизнь... пугает меня. Это худший из кошмаров. Ты постоянно борешься, разрываясь между правильным и ошибочным. Поступки могут сниться по ночам, и каждое утро приходится искать силы идти дальше. И находить.

Он склонил голову.

— Я не достоин быть твоим другом, — сказал он. — Быть другом любого правильного человека. То, что я делаю... рвет меня на части. Это пятно не убрать.

— Посмотри на меня, Флинт, — сказала я. Он поднял глаза, и я пыталась увидеть за болью его сердце. — Ты хороший человек, — сказала я. — Я видела это в тебе с самого начала, но не умела доверять. Ты невероятно смелый. Олбану повезло, что такой человек сражается за его свободу. Не сомневайся в себе. У тебя сложный путь... Я хотела сказать тебе... Хотела сказать... — правильных слов было мало. Вместо них я обняла его и уткнулась головой в его плечо.

Без слов он прижал меня к себе. Я чувствовала, как быстро бьется его сильное сердце. Сердце воина.

— Наше время придет, — прошептала я. — Когда все это закончится. Когда снова придет мир. Когда Олбан вернется. Тали права: слова причинят только сложности. Но... — я отодвинулась, чтобы видеть его лицо. Его красивые глаза. Его сильный рот. Его простое лицо в шрамах. Он успел побриться и теперь выглядел как в Темноводье, как незнакомец,

что выиграл меня и убежал со мной в лес. — Ты будешь сниться мне каждую ночь, — сказала я. — Я буду считать дни до весны. Береги себя, Флинт.

— Каждую ночь ты будешь в моих снах, — сказал он. — Ничего нового, ты была там с нашей первой встречи, — он отпустил меня. Казалось, мое сердце разобьется пополам. — Нерин, — сказал он. — Твои слова... слова, что ты дала мне... это неоценимый дар. Огонь, что будет гореть во мне зимой, что приведет меня домой, — он посмотрел на Тали, потом на фигурку Шалфей, что сидела под деревом и ни на что не смотрела. — Я рад, что ты будешь среди друзей, — сказал он. — Мне нужно идти. Нерин.

Я кивнула. Боль бушевала во мне, а я пыталась улыбнуться. Я хотела сказать больше, но помнила предупреждение Тали. Нельзя было ослаблять лучшего их человека. Я прижала кончики пальцев к своему рту и, дотянувшись, коснулась ими его губ.

Флинт был смелее, и он склонился, чтобы коснуться губами моих губ. Поцелуй был быстрым, но полным обещания.

— Береги себя, мое сердце, — прошептал он.

И отошел. Он поблагодарил Шалфей за то, что она вышла поговорить с ним и помогла найти меня. Он собрал оружие, перебросился парой фраз с Тали. Я стояла на месте, пока он уходил. Я старалась не пролить ни единой слезы.

Через миг он оказался передо мной, оружие было укутано в плащ, он прятал их из-за присутствия Шалфей. Я смотрела на него, запоминая его вид, чтобы пережить долгую зиму. Я выдавила улыбку:

— До весны, — сказала я.

Он улыбнулся. И такой улыбки я еще не видела, она была полна радости, печали, любви и прощания. Он кивнул, развернулся и пошел по своему длинному пути ко двору.

— Вот теперь, — Шалфей оказалась рядом, хотя я не заметила ее движений, — твое последнее качество доказано. Тебя ждет работа. Если ты готова принять свой дар, — она смотрела на меня, словно искала что-то.

Я думала о крови и смерти, о смелости и чести, боли и жертве. Я видела все это в пути. Я видела товарищество, самоотверженность, патриотизм. Я познала дружбу, радость, любовь. Они все еще были в темном королевстве Олбана Кельдека.

— Я готова, — сказала я. — Готова быть сильной. Готова рисковать. Готова учиться.

— Айе, мы сделаем это вместе — мой и твой вид, — сказала Шалфей, собирая свои вещи. — Если мы с тобой сможем убедить их. Я поищу Красного колпака. Я отправила его искать укрытие вдали от твоих друзей-воинов. Когда будешь готова, позови меня, и я приду, — я не успела ничего сказать, а она исчезла, оставив лишь следы маленьких ножек, ведущие в никуда.

Боги, как же холодно. Я укуталась плотнее в одолженный плащ и пошла к ждущей Тали.

— Домой, — сказала она. — Реган не обрадуется, что я выводила живую девочку, а приведу ледышку. А это была одна из...

— Доброго народца, — сказала я, мы пошли вокруг камней к Тенепаду. — Да, моя знакомая. Ее вид вокруг нас здесь. Но они не выйдут, если не захотят. Я всегда могла и видеть и слышать.

В ее темных глазах было удивление. Похоже, она впервые признала мою силу равной своей, хоть мы и сильно отличались.

— Они покажутся мне? — спросила она. — Я могу научиться говорить с ними?

— Да, если они захотят, и если ты отложишь оружие надолго. Шалфей не пряталась от

тебя. И Флинт видел ее раньше, хотя меня здесь не было. Видел и говорил с ней, — я замолчала.

— Что?

— Так нам и нужно работать. Понимание. Сотрудничество. Будет сложно. Добрый народец не любит вмешиваться, они и между собой плохо ладят. В беде они прячутся, пока не пройдет буря. Но... если мы хотим победить, это нужно изменить. Не знаю, получится ли это, Тали. Но, думаю, мы должны попробовать.

— Так ты сделаешь это? Поможешь нам?

— Думаю, у меня нет выбора, — как я могла ожидать от Флинта то, чего не могла сделать сама?

Мы шли. Тишина теперь была другой. Напряжение ушло.

На горе было тихо. Под снегом лежали камни и трещины, и теперь они казались загадочными. *Дитя из кости, что хранит земля...*

— Мы сможем, — сказала я. — Нужно верить, или мы не сможем идти вперед. Мы победим, все вместе. Все дети Олбана.

Больше книг на сайте - Knigolub.net